

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Акмеология образования

Селезнева М. В. Акмеологический подход к анализу достижений в профессиональной деятельности преподавателей вуза 5

Меркулова О. П. Удовлетворенность студентов получаемым образованием: методики диагностики и взаимосвязанные факторы 9

Стоюхина Н. Ю., Колосова В. В. Экскурсионный метод как реализация субъектно-личностного подхода при изучении истории психологии 12

Теоретико-методологические подходы к исследованию развития психики

Толочек В. А. Феномен «акме»: личность, успешность, среда (окружение) 16

Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю. Социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса: методологические основы исследования 21

Левит Л. З. Счастье и смысл: дискутируя с М. Селигманом 25

Васильева И. В. Теоретические противоречия в определении феномена интуиции 27

Психология социального развития

Курышева О. В. Социально-возрастные нормы: конструирование феномена 30

Чернова А. Ю., Змиевская А. А. Выявление социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных 34

Ахметгалеева З. М. Представления о креативности студентов вуза культуры и искусств 38

Акбарова А. А. Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи 41

Бочарова Е. Е. Адаптационная готовность личности к ситуациям социальных изменений 45

Молчанова Н. В. Особенности проявления поведенческой активности в межличностном конфликте 51

Воробьева И. В. Проблема разработки модели профилактики и предупреждения вандализма подростков и юношей 55

Муращенкова Н. В. Психологические особенности молодых людей с различными типами отношения к экстремистам 59

Григорьев Д. С. Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки 63

Тихомирова Е. В. Особенности когнитивной оценки включенности в виртуальное сообщество субъектами интернет-общения 66

Подбужкая Н. В. Роль самодетерминации и рефлексивности в карьерных ориентациях будущих инженеров 69

Вагалева А. Р., Перова С. А. Семейная идентичность супругов и их оценка степени удовлетворенности браком 72

Корнеева Я. А., Симонова Н. Н. Модель профессиональных деструкций вахтовых работников в арктических условиях 76

Никольская А. В. Социальные аспекты взаимодействия человека с домашними питомцами как копинг-стратегии 79

Шукова Г. В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных 83

Педагогика развития и сотрудничества

Горина Е. Н. Уровневые характеристики эмпатии и суицидальные намерения личности подростка 87

Селиванова Ю. В., Мясникова Л. В. Ресурсный центр как современная модель психолого-педагогического и социального сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья 90

Тарасова И. А. Когнитивная нарратология и возможности школьного анализа повествовательного текста 93

Приложения

Хроника научной жизни

Селиванова Ю. В. Социокультурная интеграция и специальное образование 97

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56514 от 24 декабря 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 84823, раздел 23 «Образование. Педагогика». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадьевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.2015.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 11,62 (12,25).
Тираж 500 экз. Заказ 8.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области акмеологии образования, психологии развития и связанных с ними отраслей науки и практической деятельности.

Представляемые рукописи должны соответствовать тематике журнала, быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных или электронных изданиях. Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать представленный текст до опубликования его в журнале. При любом последующем воспроизведении опубликованных в журнале материалов ссылка на журнал обязательна.

Объем публикуемой статьи 10 страниц. Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

на русском языке: УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (-ов); данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация (-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора; аннотация (резюме); ключевые слова; текст статьи; библиографический список;

на английском языке: название статьи, фамилия и инициалы автора (-ов); данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация (-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора; аннотация (резюме); ключевые слова; библиографический список в романском алфавите (REFERENCES). Транслитерация на латинице (формат BGN) с последующим указанием названия цитируемой работы – на английском языке.

Структура и содержание статей:

– название статьи должно кратко, но максимально точно отражать затронутую проблему. Рекомендуемая длина названия – не более семи слов (не включая предлоги и союзы);

– аннотация (100–180 слов) должна отражать основное содержание работы и включать: цель исследования, гипотезу, описание участников исследования и применяемых методик, результаты исследования, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации;

– ключевые слова: 5–7 основных общенаучных или психологических терминов, использованных в тексте, набранных через точку с запятой, с точкой в конце. Их следует упорядочить от наиболее общих, соответствующих проблеме к более дифференцированным.

Редакция приветствует традиционное членение текста на разделы: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение (Выводы), выделяемые в статье подзаголовками. Допускается иная структура соответственно специфике конкретной статьи при условии ограниченного объема и четкого именованя разделов.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://akmepsy.sgu.ru>

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через три месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адрес для переписки с редколлегией: akmepsy@mail.ru

CONTENTS**Scientific Part****Educational Acmeology**

Margarita V. Selezneva. Acmeological Approach to Analysis of Achievements of University Teachers Professional Activity 5

Olga P. Merkulova. Level Satisfaction Students get from Education: Methods of Diagnosis and Inter-Related Factors 9

Nataliya Yu. Stoyukhina, Valentina V. Kolosova. Excursion Technique as Implementation of Subjective-Personal Approach to Studying History of Psychology 12

Theoretical and methodological approaches to investigations of psyche's development

Vladimir A. Tolochek. Phenomenon of «Acme»: Personality, Success, Medium (Environment) 16

Tatyana V. Drobysheva, Maria Yu. Voytenko. Socio-Psychological Well-Being of Children in Megapolis: the Methodological Foundations of Research 21

Leonid Z. Levit. Happiness and Meaning: the Discussion with M. Seligman 25

Inna V. Vasilieva. Theoretical Contradictions in the Defining the Phenomenon of Intuition 27

Social Developmental Psychology

Olga V. Kuryшева. Socio and Age Norms: construction of the Phenomenon 30

Alexander U. Chernov, Anastasia A. Zmievsкая. Social Age Norms Detection by Means of Qualitative Data Analysis 34

Zulfia M. Akhmetgaleeva. Implicit Theory of Creativity of University of Culture and Arts Students 38

Anastasia A. Akbarova. Social Activity as an Element of the Youth Social Self-Identification 41

Elena E. Bocharova. Adaptation Readiness of Personality to Situations of Social Changes 45

Natalia V. Molchanova. Peculiarities of Behavioral Activity Manifestations in Interpersonal Conflict 51

Irina V. Vorobyeva. The Problem of Developing the Model of Prophylaxis and Prevention Measures Towards Vandal Behavior of Teenage Boys and Young Men 55

Nadezhda V. Murashchenkova. Psychological Peculiarities of Young People with Various Types of Attitude to Extremists 59

Dmitry S. Grigoryev. Influence of Ethnic Identity Expressiveness on the Choice of Acculturation Attitude by Migrants 63

Elena V. Tikhomirova. Peculiarities of Cognitive Estimation of Inclusion into the Virtual Community by the Internet Communication Subjects 66

Nina V. Podbutskaya. Role of Self-determination and Reflexivity in Career Orientations of Future Engineers 69

Alfiya R. Vagapova, Sof'ya A. Perova. Identity and Satisfaction with Marriage in Married Families 72

Yana A. Korneeva, Natalia N. Simonova. Model of Professional Destruction of Shift Workers in Arctic Conditions 76

Anastasia V. Nikolskaya. Social Aspects of Human-Pet Interaction with as a Coping Strategy 79

Galina V. Shookova. Social and Psychological Aspects of Cross-Species Interaction between Humans and Pets 83

Pedagogy of Development and Cooperation

Ekaterina N. Gorina. Level Characteristics of Empathy and Suicidal Intentions of Teenagers 87

Yuliya V. Selivanova, Lyudmila V. Maysnikova. Resource Center as a Modern Model of Psychological, Educational and Social Support of Children with Disabilities 90

Irina A. Tarasova. Cognitive Narratology and Opportunities for Narrative Text Analysis at School 93

Appendices**Hronicle of Scientific Life**

Yuliya V. Selivanova. Sociocultural Integration and Special Education 97

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

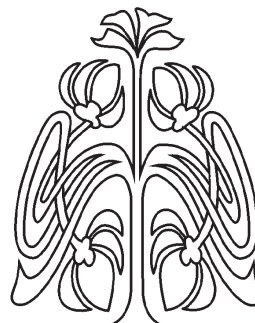
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

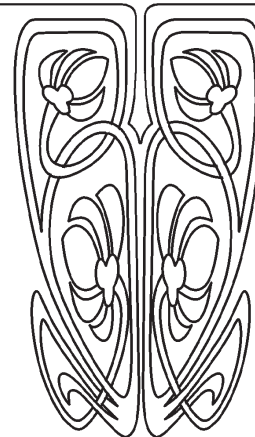
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: АКМЕОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ»**

Главный редактор

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Гарник Владимирович, доктор психол. наук, профессор (Самара, Россия)

Александрова-Хауэлл Мария, M.S, Оклахомский государственный университет (Оклахома, США)

Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Витрук Эвелин, доктор психол. наук, профессор (Лейпциг, Германия)

Гарбер Илья Евгеньевич, кандидат психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Григорьева Марина Владимировна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Демакова Ирина Дмитриевна, доктор пед. наук, профессор (Москва, Россия)

Домбровскис Валерийс, Ph.D, доцент (Даугавпилс, Латвия)

Знаков Виктор Владимирович, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)

Леонов Николай Ильич, доктор психол. наук, профессор (Ижевск, Россия)

Панов Виктор Иванович, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)

Поляков Сергей Данилович, доктор пед. наук, профессор (Ульяновск, Россия)

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

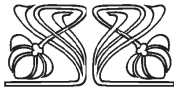
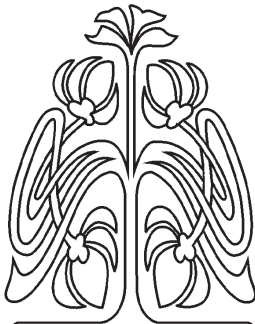
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Фулоп Марта, Ph.D, профессор, Университет Этвеш Лорана, Институт когнитивной нейронауки и психологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия)

Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Черникова Тамара Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Янчук Владимир Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: EDUCATIONAL ACMEOLOGY.
DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY»**

Editor-in-Chief – Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

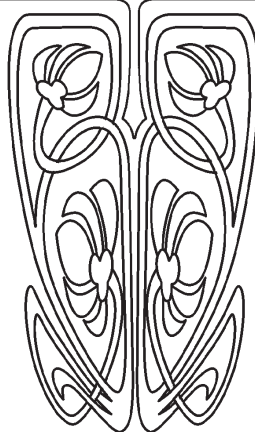
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bocharova E. E. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Akopov G. V. (Samara, Russia)
Aleksandrova-Howell M. (Oklahoma, USA)
Arendachuk I. V. (Saratov, Russia)
Vitruk E. (Leipzig, Germany)
Garber I. E. (Saratov, Russia)
Grigorieva M. V. (Saratov, Russia)
Demakova I. D. (Moscow, Russia)
Dombrovskis V. (Daugavpils, Latvia)
Znakov V. V. (Moscow, Russia)

Leonov N. I. (Izhevsk, Russia)
Panov V. I. (Moscow, Russia)
Polyakov S. D. (Ulyanovsk, Russia)
Rahimbaeva I. E. (Saratov, Russia)
Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Fülöp M. (Budapest, Hungary)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)
Chernikova T. V. (Volgograd, Russia)
Yanchuk V. A. (Minsk, Belarus)

АКМЕОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДОСТИЖЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА

М. В. Селезнева

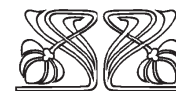
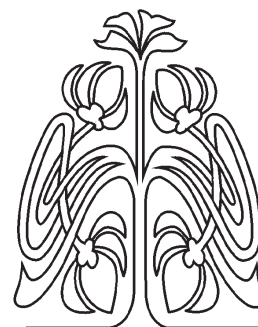
Селезнева Маргарита Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище им. генерала армии В. Ф. Маргелова, Россия
E-mail: selezneva-margarita@rambler.ru

Показана возможность исследования профессиональных достижений в педагогической деятельности преподавателей иностранных языков в военном вузе посредством изучения результатов их научной деятельности с помощью метода контент-анализа. В качестве эмпирического материала использовали 92 научные публикации 49 преподавателей с педагогическим стажем от 3 до 48 лет. Показана зависимость текста публикаций от личностных и деятельностных особенностей преподавателя. На основании теоретической акмеологической модели (А. А. Деркача) разработана личностно-профессиональная модель развития преподавателей гуманитарных дисциплин военного вуза. С помощью корреляционного анализа компонентов модели определены корреляты эффективности и успешности педагогической деятельности. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в системе повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.

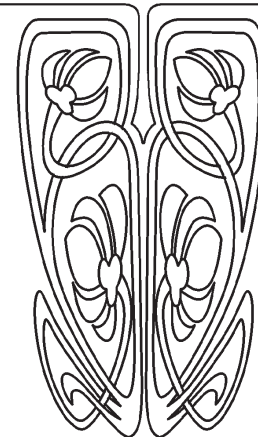
Ключевые слова: личность, деятельность, профессионализм, акмеологический подход, контент-анализ.

Введение

Ориентация системы высшего профессионального образования на компетентностный подход влечет за собой повышение требований не только к профессиональному уровню преподавателей высшей школы, но и к их личностным характеристикам, и, в первую очередь, к их конкурентоспособности и способности проявить творческую активность в быстро меняющихся социальных условиях современной России. Особое значение эти высокие требования приобретают для преподавателей-гуманитариев в условиях образовательной среды военного вуза с ее ориентацией на более жесткие отношения, регламентированные воинскими уставами и приказами [1]. В образовательной среде военного вуза всячески стимулируется атмосфера состязательности и культивируется стремление к высоким достижениям в учебной, методической и научной деятельности. Каковы же личностные и профессиональные предикторы высоких достижений в труде преподавателей гуманитарных дисциплин в военном вузе? Если в качестве исходной предпосылки для анализа достижений в профессиональной деятельности преподавателей принимать их творческий потенциал и активность, то, естественно, мы выходим на акмеологический подход в решении этой проблемы.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Теоретический анализ проблемы

При выборе теоретической модели для анализа достижений в профессиональной деятельности преподавателей-гуманитариев военного вуза мы исходили из того, что повышение конкурентоспособности педагогических кадров требует от них максимальной профессиональной и личностной активности, т.е. реализации акме – потенциальной одаренности, максимально реализуемой индивидом в соответствии с возрастными и социальными условиями профессиональной деятельности человека [2].

А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин выделяют в дескриптивной акмеологической модели личностно-профессионального развития субъекта труда две подструктуры: развитие профессионализма личности и развитие профессионализма деятельности, которые находятся в диалектическом единстве [2]. Важнейшим основополагающим общим акмеологическим инвариантом профессионализма, согласно А. А. Деркачу, является сила личности. Если речь идет об особенных акмеологических инвариантах профессионализма в подструктуре профессионализма личности педагога, то здесь следует обратиться к научным трудам Л. М. Митиной, которая среди интегральных характеристик личности педагога выделяет педагогическую направленность, компетентность и гибкость [3].

Согласно теоретической модели в подструктуру развития профессионализма личности входят следующие семь категорий: освоение новых технологий и алгоритмов решения профессиональных задач (Л1); совершенствование стиля деятельности (Л2); формирование общих (Л3) и особенных акмеологических инвариантов профессионализма (Л4); развитие личностно-деловых качеств (исполнительности, ответственности, инициативы, самостоятельности, дисциплинированности) (Л5); раскрытие творческого потенциала личности (Л6); изменение системы мотивов и ценностей (Л7).

Подструктура профессионализма деятельности включает повышение профессиональной компетентности и совершенствование системы профессиональных умений, состоящую из пяти категорий. К повышению профессиональной компетентности относятся следующие: расширение системы профессиональных знаний (Д1); повышение дифференциально-, ауто- и социально-психологической компетентности (Д2); соответственно, к совершенствованию системы профессиональных умений – освоение новых технических средств деятельности, технологий деятельности (Д3); освоение новых компьютерных и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (Д4); развитие коммуникативных умений (Д5).

Специфика профессиональной деятельности преподавателей заключается в том, что их достижения можно отследить в научных публикациях, в которых отражены результаты научных исследований. На своеобразное сочетание объекта, условий, способов, технологий деятельности педагогов и результатов их научных исследований указывали А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин [2, с. 66].

Выборка, методики и методы исследования

Учитывая важность показателей публикационной активности преподавателей в свете реформирования высшей школы, в качестве метода исследования был выбран контент-анализ. При этом мы исходили из того, что текст публикаций представляет собой «новый мир смыслов», в рамках которого каждый преподаватель решает свою, важную для него задачу, так как «вне рамок решения своей задачи смысл объекта для человека не существует» [4, с. 56].

В качестве эмпирического материала использовали тексты 92 статей и тезисов 49 преподавателей кафедры иностранных и русского языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени В. Ф. Маргелова. Педагогический стаж в вузе преподавателей от 3 до 48 лет, таким образом, они находятся на разных этапах профессионализма деятельности и зрелости личности, от овладения профессией до уровня педагогического творчества, в терминологии А. А. Деркача и В. Г. Зазыкина.

Категориями контент-анализа являются составляющие подструктуры развития профессионализма личности и подструктуры развития профессионализма деятельности. Единицами контент-анализа выступают элементарные высказывания в виде фразы, удовлетворяющей требованиям предложения как синтаксической структуры со сказуемым в вершине; единица счета – частотность единиц контент-анализа.

При анализе текстов публикаций оценивалась включенность личности преподавателя в педагогическую деятельность, рассматривалась зависимость текста публикаций от личностных и деятельностных особенностей преподавателя. Таким образом, через содержание статьи исследовались личностные и деятельностные особенности преподавателя в развитии его профессионализма.

Опираясь на принцип единства личности и деятельности в акмеологической проблематике, мы провели корреляционный анализ полученных с помощью контент-анализа данных, применив коэффициент корреляции r -Пирсона в стандартном статистическом пакете SPSS 21.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследования была разработана личностно-профессиональная модель развития преподавателей иностранных языков в военном вузе. Для определения удельного веса, т.е. «всего вклада» каждой категории в эту модель мы воспользовались формулой отношения числа единиц анализа, фиксирующих категорию, к общему числу единиц анализа.

Самый большой вклад (49,06%) в структуру развития профессионализма личности преподавателя вносят общие психологические инварианты профессионализма личности: формирование мотивации достижений, развитие интеллектуальных и когнитивных способностей, саморегуляции и волевых качеств, расширение кругозора и пр. Этот вывод совпадает с данными А. А. Деркача и В. Г. Зазыкина, полученными при исследовании других профессий. В сочетании с особенными психологическими инвариантами профессионализма личности удельный вес переменных Л3+Л4 составляет 54,52%.

На втором месте по значимости находится изменение системы мотивов, ценностей и смыслов – 18,85%. Удельный вес переменной «раскрытие творческого, креативного, инновационного потенциала личности» составляет 10,06%. Категория «способность личности преподавателя к освоению новых технологий и алгоритмов решения профессиональных задач (анализа, прогноза и принятия решений)» имеет удельный вес 8,78%, на долю личностно-деловых качеств приходится 5,46%. Менее значимой среди остальных категорий является совершенствование стиля деятельности – всего 2,33%.

Самый большой вклад в подструктуру развития профессионализма деятельности преподавателя вносит освоение новых технических средств (аудио- и видеосредств) и технологий деятельности, освоение новых алгоритмов и способов решения профессиональных задач в совершенствовании системы профессиональных умений – 39,60%. Далее по степени значимости следует категория расширения системы профессиональных знаний, включая предметные (лингвистические) – 31,71%. На долю категории дифференциально-, ауто- и социально-психологической компетентности приходится 13,21%, приблизительно столько же – на категорию «освоение новых компьютерных и информационных технологий» – 11,85%. Менее значимой среди остальных категорий является развитие коммуникативных умений – всего 3,63%.

В ходе корреляционного анализа установлены следующие связи между переменными. Личностный компонент (Л7) взаимосвязан со всеми остальными личностными компонентами корреляциями различной силы: средняя корреляция

установлена с Л1 и Л3+Л4 ($r = 0,531$ при $p < 0,01$), умеренная корреляция с Л5 ($r = 0,315$ при $p = 0,038$) и Л6 ($r = 0,379$ при $p = 0,013$). Сильная корреляционная связь установлена между компонентами Л7 и Л2 ($r = 0,779$ при $p < 0,01$). Отсюда следует содержательный вывод: мотивационный, ценностный аспект (Л7) пронизывает все сферы профессионализма личности: это ярко выражено в текстах публикаций. Преподаватели, ориентированные на мотивацию достижений, карьерный рост, аксиологический потенциал, сами ставят для себя новые задачи и находят пути их решения, в отличие от своих коллег, которые ждут, что им дадут готовый алгоритм действий.

Согласно методологическому принципу субъектности, который сейчас весьма полно представляет акмеологические «интересы» [2, с. 54], коррелятами результативности и успешности деятельности для многих профессий выступают такие личностно-деловые качества, как ответственность, самостоятельность, инициатива (в нашем исследовании выражены переменной Л5). Данный вывод нашел подтверждение в эмпирических исследованиях для профессий в художественно-творческой (А. А. Деркач) и военно-профессиональной деятельности (И. В. Сыромятников), а также военно-педагогической деятельности офицеров Вооруженных сил (Т. В. Маркелова) и учителей средних школ (Е. Н. Волкова).

Установленная на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$) корреляция между переменными Л5 и Л6 ($r = 0,670$) и переменными Л5 и Л3+4 ($r = 0,656$) свидетельствует об успешности преподавателей с более высоким творческим, инновационным потенциалом и с сильной волей.

Установленная также на высоком уровне статистической значимости корреляция между переменными Л5 и Д2 ($r = 0,417$ при $p < 0,01$) позволяет сделать содержательный вывод о том, что высокие достижения преподавателей в области обучения иностранным языкам в военном вузе связаны, прежде всего, с повышением ауто-, дифференциально- и социально-психологической компетентности, которая включает в себя наблюдательность, проницательность, знания о закономерностях поведения, деятельности, самопознание, самооценку, самоконтроль, умения управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективностью, знания различных стратегий эффективного общения, психолого-педагогические знания методов осуществления влияния и воздействия. В социально-психологической компетентности наиболее ярко проявляются субъектные качества преподавателя.

Новаторский, инновационный подход реализуется у преподавателей иностранных языков, прежде всего, при освоении новых технических

средств деятельности, педагогических и лингвистических технологий и менее связан с повышением социально-психологической компетентности.

Заключение

В основе профессионализма личности преподавателя лежат общие инварианты профессионализма (интеллектуальные и когнитивные способности, способность к предвидению и прогнозированию, саморегуляция и волевые качества, сила личности, способности к принятию решений, повышение потребности в самореализации и достижениях, расширение кругозора) и специфические инварианты профессионализма педагога. Они тесным образом связаны со всеми компонентами подструктуры развития профессионализма личности. Способность личности преподавателя к освоению новых технологий и алгоритмов решения профессиональных задач реализуется в совершенствовании системы профессиональных умений и выражается в освоении новых технических средств деятельности, педагогических и лингвистических технологий.

Слабо развитые способности преподавателей совершенствовать свой стиль деятельности объясняются недостаточностью развитости дифференциально-, ауто- и социально-психологической компетентности.

Мотивационный, ценностный аспект, пронизывающий все компоненты профессионализма личности, связан со структурой профессионализма деятельности не напрямую, а опосредованно через компоненты профессионализма личности.

В структуре развития профессионализма деятельности преподавателей иностранных языков наблюдается логичная связь между расширением системы профессиональных знаний, включая лингвистические знания, и совершенствованием системы профессиональных умений, включающих в себя освоение новых технических средств деятельности, педагогических и лингвистических технологий, освоение новых алгоритмов и способов решения профессиональных задач, развитие коммуникативных умений. Особняком к этой связи стоят системные профессиональные умения использовать в профессиональной деятельности новые компьютерные и информационные технологии: они находятся вне связи с личностным или деятельностным компонентами и обусловлены возрастными критериями.

Таким образом, коррелятами высоких достижений в профессиональной деятельности преподавателей-гуманитариев выступают, с одной стороны, условия развития профессионализма личности в виде раскрытия творческого, инновационного потенциала, с другой стороны, условия развития профессионализма деятельности, а именно повышение дифференциально-, ауто- и социально-психологической компетентности.

Библиографический список

1. Панов В. И., Селезнева М. В. Личностно-профессиональная модель развития преподавателей гуманитарных дисциплин в русле акмеологического подхода // Российский научный журнал. 2013. № 3 (34). С. 143–149.
2. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. СПб., 2003. 256 с.
3. Митина Л. М. Психологу об учителе. Личностно-профессиональное развитие учителя : психологическое содержание, диагностика, технология, коррекционно-развивающие программы. М., 2010. 386 с.
4. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. М., 2007. 286 с.

Acmeological Approach to Analysis of Achievements of University Teachers Professional Activity

Margarita V. Selezneva

V. F. Margelov Ryazan Airborne Commanding Institute, Ryazan
1, Margelova str., Ryazan, 390031, Russia
E-mail: selezneva-margarita@rambler.ru

The article demonstrates the possibility of investigating professional achievements of teachers of foreign languages of military university in their pedagogical activity by studying the results of their scientific activity by means of content-analysis method. As empiric materials 92 scientific publications of 49 teachers with the term of service from 3 to 48 years have been used. The authors considered the dependence of the text of publications on teachers' personality and their teaching peculiarities. By means of theoretical acmeological model (A. A. Derkach) the researchers developed a personality-professional model of development for Humanity teachers of a military university. With the help of correlational analysis of the model components the authors have found the correlates of effectiveness and success of pedagogical activity. An applied aspect of the investigated problem can be put to practice in the system of advanced training for university teaching staff.

Key words: personality, activity, professionalism, acmeological approach, content-analysis.

References

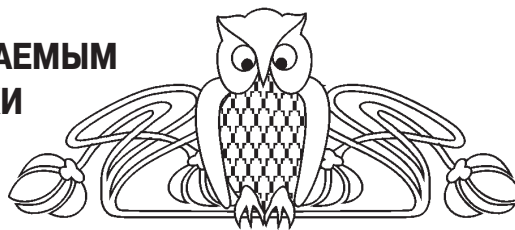
1. Panov V. I., Selezneva M. V. *Lichnostno-professional'naya model' razvitiya prepodavateley gumanitarnykh distsiplin v rusle akmeologicheskogo podkhoda* (Personality-professional model of development of humanitarian teachers according to acmeological approach). *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* (Russian Scientific Journal), 2013, iss. 3 (34), pp. 143–149 (in Russian).
2. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Akmeologiya* (Acmeology). St.-Petersburg, 2003. 256 p. (in Russian).
3. Mitina L. M. *Psikhologu ob uchitele. Lichnostno-professional'noe razvitie uchitelya: psikhologicheskoe sodержание, diagnostika, tekhnologiya, korrektsionno-razvivayushchie programmy* (For psychologist about teacher. Teacher's personal and professional development: psychological content, diagnostics, technology, correctional-developing programs). Moscow, 2010. 386 p. (in Russian).
4. Aver'yanov L. Ya. *Kontent-analiz* (Content-analysis). Moscow, 2007. 286 p. (in Russian).

УДК 159.923.2

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ПОЛУЧАЕМЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ: МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ И ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ФАКТОРЫ

О. П. Меркулова

Меркулова Ольга Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра психологии образования и развития, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
E-mail: Olga.Merkulova@list.ru

Представлены результаты эмпирического исследования по оценке согласованности и специфических диагностических возможностей ряда методик для диагностики удовлетворенности студентов получаемым образованием (объем выборки 266 студентов). Помимо описанных в статье авторских методик использованы личностные опросники: «Тест жизнестойкости» (Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) и методика «Стилевая саморегуляция поведения» (В. И. Моросановой, Е. М. Коноз). Показано, что интегральная оценка удовлетворенности образованием, показатели удовлетворенности процессуальными аспектами образования и близость образов реального и желательного образования взаимосвязаны и содержательно дополняют друг друга. Установлены связи между различными аспектами удовлетворенности и показателями жизнестойкости.

Ключевые слова: удовлетворенность, студенты, качество образования, субъективные показатели качества.

Введение

В психологических исследованиях последнего времени происходит обращение к таким междисциплинарным понятиям, как качество жизни и качество образования. Логично предположить, что они имеют существенные содержательные взаимосвязи, так как, с одной стороны, образование занимает значимое место в жизни любого современного человека, с другой – именно в образовании «строится», «образуется» жизнь не только отдельного человека, но во многом и всего общества. Однако если в исследованиях качества жизни существенное значение придается субъективным показателям (удовлетворенность, субъективное благополучие и др.), то в оценке качества образования в отечественных работах, в том числе психологических, преобладает ориентация на «объективную» диагностику образовательных достижений учащихся. Одной из причин, снижающих возможности обращения в оценке качества образования к субъективным показателям, является недостаточная разработанность методических средств их изучения. В данной статье на основе анализа результатов эмпирического исследования проведено сопоставление нескольких методических приемов оценки удовлетворенности студентов получаемым образованием.

Теоретический анализ проблемы

В зарубежной практике удовлетворенность студентов рассматривается как один из значимых показателей качества высшего образования. Предметом оценивания при этом, как правило, выступает удовлетворенность конкретными аспектами образовательного процесса, а не субъективное состояние студентов [1]. В контексте психологической работы не менее важной является диагностика удовлетворенности как одного из проявлений внутреннего мира, переживаний субъекта. В практическом плане методики изучения удовлетворенности студентов получаемым образованием могут использоваться как для оценки качества образования и выявления путей его совершенствования на уровне образовательной системы, так и в рамках психологического сопровождения – как средство индивидуальной и групповой рефлексии, показатель эффективности интервенций, направленных на активизацию личностного потенциала студентов.

Отметим, что в разработке содержания и методик, операционализирующих субъективные показатели качества высшего образования [2], мы в целом опираемся на идеи субъектного подхода (С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и др.), исследования проблематики личностного потенциала (Д. А. Леонтьева и др.).

Выборка, методики и методы исследования

Для оценки удовлетворенности студентов получаемым образованием нами были использованы следующие методические приемы.

1. *Качественная интегральная оценка удовлетворенности* была задана вопросом «Если бы сейчас Вы могли передать совет самому себе в то время, когда Вы принимали решение о выборе вуза и специальности для обучения, то Вы, скорее всего, посоветовали бы...» и предложенными шестью альтернативами. Использование такого вопроса основано на допущении, что ответ на него требует от студента выразить свое обобщенное, интегральное отношение к тому, устраивает ли его в целом получаемое образование, а в случае неудовлетворенности – конкретизировать, с чем это связано.

2. *Опросник для оценки удовлетворенности процессуальными аспектами образования* (в

предыдущих публикациях было использовано название «удовлетворенности образовательных потребностей в процессе обучения», которое в данный момент представляется менее точным). Опросник направлен на оценку общего эмоционального фона по отношению к обучению. В использованный вариант опросника включено 17 вопросов, распределенных по шести шкалам, которые были выделены на основе факторизации данных в выборке объемом 440 испытуемых. Исходные утверждения оцениваются испытуемым по шестибальной шкале согласия/несогласия, при обобщении по шкалам значения усредняются (оценки варьируются в диапазоне от -3 до +3).

3. *Дифференцированная оценка образовательного и желательного образования.* В основе методики лежит допущение о том, что удовлетворенность может быть понята как соответствие реальности некоторому желательному, идеальному состоянию. Если при описании эмоционального отношения предпочитаемое состояние, как правило, может быть определено достаточно однозначно (так, оценка предмета как интересного практически всегда является более позитивной, предпочитаемой, нежели как неинтересного), то в отношении того, каким должно быть «правильное», «хорошее», желательное образование, единогласия не наблюдается. Использование двойного оценивания позволяет не только определить удовлетворенность как степень близости реальных и желательных оценок, но и изучать содержание индивидуальных и групповых представлений об образовательной среде.

В использованной нами методике испытуемым предлагается дважды оценить образовательный процесс в вузе по 25 биполярным шкалам, используя 7 градаций – от -3 до +3, включая 0, при этом по каждой шкале могут быть проанализированы три значения: реальная и желательная оценки и разность между ними. Для получения обобщающего показателя удовлетворенности мы использовали «метрику города» – сумму абсолютных величин разностей между реальными и желательными оценками по всем шкалам (чем ниже показатель, тем более удовлетворен испытуемый получаемым образованием).

Помимо методик оценки удовлетворенности получаемым образованием задавались вопросы, направленные на самооценку успешности обучения («отраженную» – как обобщение получаемых оценок и прямую оценку знаний и умений по осваиваемой специальности), а также два личностных опросника: «Тест жизнестойкости» (Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) [3] и методика «Стилевая саморегуляция поведения» (В. И. Моросановой, Е. М. Коноз) [4]. Эти методики были включены в диагностическую программу, реализованную в формате электрон-

ной таблицы MS-Excel. Выборку исследования ($N = 266$) составили студенты Волгоградского государственного социально-педагогического университета ($N = 179$) и других вузов города и страны, привлеченные посредством компьютерной коммуникации ($N = 87$). При обработке полученных результатов был использован пакет SPSS 20.0.

Результаты исследования и их обсуждение

При ответе на вопрос *об интегральной оценке получаемого образования* большая часть испытуемых (191 человек – 72%) посоветовали бы себе повторить этот же выбор; выбрать тот же вуз, но другую специальность хотели бы 17 человек (6%); выбрать ту же специальность в другом вузе – 24 опрошенных (9%); выбрать другой вуз и специальность – 33 студента (12%). Ни один из опрошенных не хотел бы отказаться от высшего образования в пользу среднего, и только одна студентка хотела бы отложить получение высшего образования (из дальнейших сравнений этот случай был исключен).

На общую удовлетворенность не повлияло то, был ли выбор вуза и специальности сделан самостоятельно и обдуманно, случайно или под влиянием близких ($\chi^2 = 8,67$; $p = 0,19$).

К шкале *интегральной оценки удовлетворенности жизненным периодом* отнесится одно утверждение: «Я думаю, что студенческие годы станут одними из лучших в моей жизни». Студенты, удовлетворенные выбором вуза, оценили его значимо выше ($M = 1,80$; $S = 1,34$), чем те, кто хотел бы учиться в другом вузе ($M = 1,33$; $S = 1,58$; $U = 4851$; $p = 0,028$).

По шкале *влияния обучения на развитие*, к которой относятся утверждения, касающиеся развития способностей, взросления и формирования мировоззрения, значимо более низкие оценки дали студенты, которые полностью не удовлетворены выбором вуза и специальности ($M = 1,08$; $S = 1,28$), по сравнению с теми, кто полностью или частично удовлетворен ($M = 1,89$; $S = 0,93$; $U = 2244$; $p = 0,000$).

В шкале *отношения к содержанию обучения* отражается интерес к изучаемым предметам, понимание их значимости, понятность и т.п. Наиболее позитивно к осваиваемому содержанию относятся студенты, полностью удовлетворенные своим выбором ($M = 1,66$; $S = 0,85$) и удовлетворенные только выбором вуза ($M = 1,60$; $S = 0,67$). Несколько менее позитивно к содержанию относятся те, кто хотел бы учиться в другом вузе по той же специальности ($M = 1,18$; $S = 0,88$), а наиболее низкие оценки дали неудовлетворенные своим выбором студенты ($M = 0,81$; $S = 1,07$) при высокой значимости межгрупповых различий ($H = 15,756$; $p = 0,001$).

Общую позитивность своего состояния, включая низкий уровень стресса, значимо ниже оценили неудовлетворенные своим выбором студенты ($M = 0,65$; $S = 1,40$) по сравнению с теми, кто частично или полностью удовлетворен ($M = 1,19$; $S = 1,21$; $U = 2913$; $p = 0,025$).

Принятие способов обучения выше у студентов, которые удовлетворены выбором вуза ($M = 1,38$; $S = 0,90$), по сравнению с теми, кто предпочел бы учиться в другом вузе ($M = 0,77$; $S = 0,99$; $U = 3737,5$; $p = 0,000$).

Отношения с однокурсниками и преподавателями как более благоприятные оценили те студенты, которые в полной мере удовлетворены своим выбором ($M = 1,20$; $S = 0,97$), по сравнению с теми, кто полностью или частично им не удовлетворен ($M = 0,50$; $S = 1,24$; $U = 9531,5$; $p = 0,000$).

Общий уровень удовлетворенности максимален у студентов, которых полностью устраивает сделанный ими выбор ($M = 1,52$; $S = 0,63$). Несколько ниже он у тех, кто хотел бы учиться в том же вузе на другой специальности ($M = 1,44$; $S = 0,53$). Еще менее удовлетворены процессом обучения студенты, которые хотели бы учиться в другом вузе на той же специальности ($M = 1,15$; $S = 0,61$). Те, кто предпочел бы сменить и специальность, и вуз, показали самый низкий уровень удовлетворенности ($M = 0,77$; $S = 0,80$). Межгрупповые различия значимы на уровне $p = 0,001$ ($H = 15,756$).

По итоговому показателю методики дифференцированной оценки образов реального и желательного образования наиболее существенные различия были у групп студентов, удовлетворенных ($M = 38,2$; $S = 17,1$) и не удовлетворенных ($M = 44,9$; $S = 18,6$) выбором вуза ($U = 6488,5$; $p = 0,015$).

Можно отметить, что значительно больше различий у рассматриваемых групп отмечается в оценках реального, а не желательного образа образования. Не имея возможности давать подробные описания этих различий, отметим тенденции, соответствующие наиболее значимым различиям. Более удовлетворенные студенты оценивают получаемое образование как более качественное и разносторонне развивающее, в меньшей мере требующее доучиваться на рабочем месте, включающее постоянный (а не только итоговый) контроль, в большей мере ориентированное на реально достижимые для студентов цели. Важно отметить и единственное значимое различие в образе желательного образования: студенты, которые посоветовали бы себе сделать другой выбор при поступлении, в большей мере ожидают, что в вузе должны быть возможности для общения студентов вне учебы, организации их досуга ($M = 2,24$; $S = 1,41$), по сравнению с теми, кто удовлетворен своим выбором ($M = 1,65$; $S = 1,91$; $U = 8121$; $p = 0,014$).

При сопоставлении анализируемых групп по показателям личностных опросников было установлено, что более удовлетворенные студенты имеют значимо более высокие показатели по всем шкалам теста жизнестойкости. В отношении стилевой саморегуляции поведения подобные различия не были обнаружены; не выявлено различий и по показателям самооценки результативности обучения.

Шкалы опросника удовлетворенности процессуальными аспектами образования, за исключением шкалы принятия способов обучения, значимо коррелируют с показателями теста жизнестойкости, при этом наиболее тесной является связь всех проявлений жизнестойкости с общей позитивностью состояния во время обучения в вузе (для общего показателя $-r = 0,434$, $p = 0,000$; для вовлеченности $-r = 0,479$, $p = 0,000$).

Между показателями удовлетворенности процессуальными аспектами образования и саморегуляции корреляционные связи в целом менее выражены. Общая саморегуляция наиболее тесно связана с позитивным отношением к содержанию обучения ($r = 0,288$, $p = 0,000$). С общей позитивностью состояния в процессе обучения получены также наиболее тесные связи по шкалам гибкости ($r = 0,349$, $p = 0,000$) и моделирования ($r = 0,332$, $p = 0,000$). Важно отметить также отрицательные связи между шкалой самостоятельности и показателями удовлетворенности процессуальными аспектами образования: при этом наиболее выраженной является связь с общей удовлетворенностью ($r = -0,157$, $p = 0,010$), еще более слабые, но значимые связи обнаружены со шкалами влияния обучения на развитие ($r = -0,140$, $p = 0,023$), позитивного отношения к изучаемому содержанию ($r = -0,138$, $p = 0,025$), благоприятных отношений с однокурсниками и преподавателями ($r = -0,121$, $p = 0,048$).

Заключение

Таким образом, показатели удовлетворенности студентов образованием, полученные с помощью различных методических приемов, являются взаимосвязанными (что свидетельствует об их валидности), но при этом имеют свое специфическое содержание. Их комплексное использование возможно как в целях оценки качества образования, так и в рамках работы по психологическому сопровождению образовательного процесса в вузе.

В содержательном плане полная неудовлетворенность и вузом, и специальностью обучения связана с низкими оценками влияния обучения на собственное развитие, общей позитивности своего состояния, отношения к содержанию обучения. Для удовлетворенности и вузом, и получаемой специальностью особенно важное

значение имеют благоприятные отношения с однокурсниками и преподавателями.

Полученные результаты обосновывают возможность повышения удовлетворенности студентов благодаря не только изменениям в образовательном процессе, но и развитию таких личностных качеств, как жизнестойкость, гибкость и способность к моделированию в саморегуляции.

Библиографический список

1. Kane D., Williams J., Cappuccini-Ansfield G. Student satisfaction surveys : The value in taking an historical perspective // *Quality in Higher Education*. 2008. Vol. 14, iss. 2. P. 135–155.
2. Меркулова О. П. Субъективные показатели качества высшего профессионального образования // *Психология образования в XXI веке : теория и практика*. Волгоград, 2011. С. 446–450.
3. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006. 63 с.
4. Моросанова В. И., Коноз Е. М. Стилевая саморегуляция поведения человека // *Вопр. психологии*. 2000. № 2. С. 118–127.

Level Satisfaction Students get from Education: Methods of Diagnosis and Inter-Related Factors

Olga P. Merkulova

Volgograd State Sociol-Pedagogical University
27, Lenina ave., Volgograd, 400066, Russia
E-mail: Olga.Merkulova@list.ru

УДК 159.9

ЭКСПУРСИОННЫЙ МЕТОД КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Н. Ю. Стоюхина, В. В. Колосова

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия
E-mail: Natast0@rambler.ru

Колосова Валентина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия
E-mail: kolosova@uic.nnov.ru

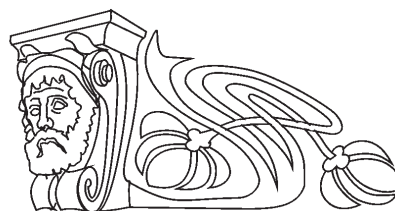
Показано, что экскурсионный метод является одной из эффективных форм проведения занятий по психологии. Отмечено, что разработанная экскурсионная программа основана на биографическом методе как одном из методов историко-научного исследования: провинциальная психология развивалась как равноправная часть российской психологической науки; на при-

The article provides the results of empirical studies on assessment of the consistency and specific diagnostic capabilities of a number of techniques for diagnosing the level of satisfaction of students with the education they receive (sample group size is 266 students). In addition to the author's techniques described in the article the researcher used personality questionnaires: viability tests and method of style self-regulation of behavior. It has been shown that the integral evaluation of satisfaction with education, satisfaction indicators of procedural aspects of education and the proximity of the images of the real and desired education are interrelated. These indicators are also able to complement each other in terms of contents. Also identified links between different aspects of satisfaction and indicators of hardiness, self-regulation of behavior.

Key words: satisfaction; contentment; students; quality of education; subjective indicators of quality.

References

1. Kane D., Williams J., Cappuccini-Ansfield G. Student satisfaction surveys: The value in taking an historical perspective. *Quality in Higher Education*. 2008, vol. 14, iss. 2, pp. 135–155 (in English).
2. Merkulova O. P. Sub"ektivnye pokazateli kachestva vysshego professional'nogo obrazovaniya (Subjective indicators of quality of higher education). *Psikhologiya obrazovaniya v XXI veke: teoriya i praktika*. (Educational psychology in XXI century: theory and practice). Volgograd, 2011, pp. 446–450 (in Russian).
3. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestoykosti* (Test of hardiness). Moscow, 2006. 63 p. (in Russian).
4. Morosanova V. I., Konoz E. M. Stilevaya samoregulyatsiya povedeniya cheloveka (Style self-regulation of human behavior). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psychologii), 2000, iss. 2, pp. 118–127 (in Russian).

мере Нижнего Новгорода описана типичная картина становления научной психологии в Российской империи. Предложенный подход расширяет знания обучающихся по истории психологии, систематизирует представления о развитии отечественной психологии.

Ключевые слова: биографический метод, методические приемы, образовательная экскурсия, провинциальная психология, ценностный регулятор поведения.

Введение

Принимая во внимание рост общественного интереса к проблемам профессиональной и нравственной компетентности выпускников

вузов, актуальны исследования по разработке совокупности методов её формирования. В этой связи практически важным представляется изучение истории психологии, формирование исторического сознания, исторической памяти как ценностного регулятора поведения личности в современных условиях [1].

Одним из эффективных методов, стимулирующих познавательную деятельность студентов и расширяющих их кругозор в области научной психологии, является образовательная экскурсия – особый тип взаимодействия преподавателя и студентов, а также особый тип воздействия на обучающихся. Как отмечает историк психологии М. В. Волкова, в начале XX в. интенсивно разрабатывалась методика проведения школьной экскурсии [2]. Известные люди, получавшие гимназическое образование в России первой четверти XX в., позже отмечали роль экскурсионных и исследовательских поездок в становлении их личности.

Экскурсия в структуре методов образовательного процесса

В современных условиях экскурсия в структуре методов образовательного процесса включает в себя образовательный, познавательный и воспитательный элементы. Каждая экскурсия, независимо от темы и цели её проведения, имеет совокупность признаков, которые определяют её особенность как метода образовательного процесса. Среди основных – показ экскурсионных объектов, целенаправленность осмотра, передвижение по заранее спланированному маршруту. Важно отметить, что речь идёт именно о показе, но не о случайном/произвольном «осмотре» экскурсионного объекта (ЭО), о первичности зрительных впечатлений. При этом методическими приемами показа являются: 1) предварительный осмотр – первоначальный показ ЭО, без чего невозможен рассказ о нем (в этот момент показывается и называется объект); 2) зрительный анализ; 3) зрительная реконструкция и зрительный монтаж предполагают восстановление с помощью рассказа по сохранившимся деталям несохранившегося объекта [3]. Кроме того, речь может идти о зрительном сравнении, зрительной аналогии, ряде наглядных пособий (картах, схемах, графиках, диаграммах), панорамном показе (показе целого населенного пункта, парка, мимо которого пролегает маршрут). Методические приемы рассказа хорошо известны преподавателю, и мы в данной статье не будем останавливаться на них. Структура экскурсии предполагает наличие вступления, основной части и заключения. Разработанная нами экскурсионная программа основана на биографическом методе, входящем в историко-научное исследование био-

графий тех, чей вклад в науку оказал влияние на ее развитие. История науки, показанная через биографию конкретного ученого, позволяет показать её как непрерывно развивающиеся идеи, созданные конкретными людьми.

В последние два десятилетия открыто множество забытых имён отечественных психологов, однако в научном психологическом сообществе отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальных психологов, что, по-видимому, связано с тем, что их судьбы остаются не обозначенным и не осмысленным явлением в истории психологии. До сих пор психология, развивавшаяся в провинции, не осознается как равноправная часть российской психологической науки [4].

На примере Нижнего Новгорода можно увидеть типичную картину становления научной психологии в Российской империи. На площади Минина находятся два экскурсионных объекта, являющихся корпусами Педагогического университета: бывшая губернская гимназия и бывшая Нижегородская духовная семинария. В Нижегородской духовной семинарии (пл. Минина, 7) учились многие выдающиеся личности: с 1886-го по 1892 г. после окончания Лысковского духовного училища и перед поступлением в Московскую духовную академию учился Николай Михайлович Боголюбов (1872–1934) – российский и украинский богослов, педагог и психолог, представитель одного из самобытнейших направлений отечественной дореволюционной психологии – религиозно-философского. Здесь же он преподавал логику, психологию, историю философии и дидактики после окончания Московской духовной академии, он также был редактором «Нижегородского церковно-общественного вестника».

Известны его психолого-философские работы: «Понятие о религии», «Алексей Степанович Хомяков (историко-психологический очерк)», «Современный индивидуализм и “интеллигентное мещанство”», «Гоголь (Психологическая характеристика его творчества)», «Творение и искусство», «Философия религии» и др., написанные им в Нижнем Новгороде и в Киеве, где он оказался по воле своего духовного руководства в университете Св. Владимира на кафедре богословия. В 1925 г. он вернулся в Нижний Новгород настоятелем храма Всемиловейшего Спаса, читал проповеди, лекции по вопросам Священного Писания, богословия и естественных наук. В конце 1928 г. о. Николая арестовали, но благодаря хлопотам старшего сына освободили в 1931 г. Умер Н. М. Боголюбов в 1934 г. [5]. Н. М. Боголюбов мог гордиться своими сыновьями: российский академик Н. Н. Боголюбов (1909–1992) – основатель научных школ нелинейной механики и теоретической физики в СССР, директор

Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) в г. Дубне, академик АН СССР; ему установлен памятник около одного из университетских корпусов (ул. Большая Покровская, 37); член-корреспондент Академии наук Украины А. Н. Боголюбов (1911–2004) – средний сын Н. М. Боголюбова – известный физик и математик; М. Н. Боголюбов (1918–2010) – младший сын – академик РАН, профессор восточного факультета Санкт-Петербургского университета, заведовал кафедрой иранского языка, был деканом восточного факультета.

В Нижегородской духовной семинарии учился и Вениамин Алексеевич Снегирев (1842–1889) – философ, психолог, тоже представлявший религиозно-философское направление; в 1864 г. по окончании курса семинарии он был послан на казенный счет в Казанскую духовную академию. Окончив академию, В. А. Снегирев остался на кафедре психологии и логики. Он был талантливым ученым и педагогом, стал одним из лучших преподавателей и лекторов, ему было присвоено звание профессора. В 1871 г. его пригласили читать психологию и логику в Казанском университете, он читал эти курсы до 1886 г. Курсы психологии и логики в академии и университете были различны, поэтому понятно, как много и с каким напряжением должен был он трудиться.

Автор целого ряда работ, среди которых «Психология» (1893) самая значимая, В. А. Снегирев рассматривает круг вопросов, связанных с понятием души, и обосновывает психологию как науку о душе; он разделяет психологию на субъективную, физиологическую и метафизическую. Основным методом психологического исследования учёный считает интроспекцию, самонаблюдение. Эта книга была полной и обстоятельной, по ней преподавалась психология в духовных академиях, а в Студенческом психологическом обществе при Санкт-Петербургской духовной академии её изучали по главам и отдельным темам. Здесь, думается, дело не только в содержании книги, но в еще большей степени в личности ее автора. «Мистик по природе, он требовал веры в личного Бога, в личное бессмертие и в мир духовный», – писал о Снегиреве его ученик, философ и богослов В. Несмелов. Также известны работы А. В. Снегирева: «Учение о лице Господа Иисуса Христа и трех первых веках христианства», «Спиритизм как религиозно-философская доктрина», «Вера в сны и снотолкование», «Наука о человеке», «Учение о сне и сновидениях», «Субстанциальность человеческой души», «Нравственное чувство (Опыт психологического анализа)» [6].

В здании Нижегородской мужской гимназии № 1, затем там был Горьковский педагогический институт им. М. Горького, а сейчас – Нижегородский педагогический университет им. Козьмы

Минина, произошло зарождение психологии в Нижнем Новгороде. В связи с тем, что мы говорим о гимназии, то упомянем несколько имен рядовых нижегородских интеллигентов, внесших скромную лепту в становление психологии в нашем городе в доинституциональный период науки «психология».

Вначале психология была учебным предметом у старшеклассников, преподавали ее в Нижегородском дворянском институте императора Александра II и в 1-й мужской гимназии. Преподавание психологии велось, чаще всего, учителями словесности. Известный нижегородский литературовед Александр Николаевич Свободов (1884–1950), работавший в Горьковском педагогическом институте с его основания, позже – в Горьковском государственном университете, начинал работу с должности штатного учителя русского языка и философской пропедевтики в Нижегородском дворянском институте. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, в 1913 г. он приехал в Нижний Новгород. До его приезда психологию преподавал институтский законоучитель протоиерей Николай Михайлович Архангельский, он же был настоятелем церкви института. В 1-й мужской гимназии с 1905-го по 1912 г. на должности преподавателя русского языка и словесности работал Борис Васильевич Лавров, также бывший выпускник историко-филологического факультета Московского университета, серьезно интересующийся психологией. В результате его интереса и ввиду недостатка учебных пособий для гимназистов по психологии был издан его «Курс психологии» [7]. С осени 1909 г. был назначен директором 1-й мужской гимназии Илья Семенович Баранов, преподаватель русского языка, словесности и философской пропедевтики. С июля 1912 г. там же начал свою учительскую деятельность Владимир Владимирович Бабкин, который также вел курс философской пропедевтики [8].

Не менее, чем ученики, в психологических знаниях нуждались учителя. Им помимо курсов, посещения научных мероприятий (съездов) требовалась учебно-методическая поддержка. Назначенный директором народных училищ Митрофан Семенович Григорьевский (1872–?), приехавший в Нижний Новгород из Киева, издал «Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям», внеся свой вклад в психологическое просвещение нижегородского учительства [8].

Заключение

В российских университетах психология преподавалась с 1912 г. на историко-филологических факультетах, а с 1905 г. она как учебный

предмет велась только в гимназиях. В губернских городах не было университетов, поэтому неизменно очагами психологического просвещения становились гимназии, а носителями – провинциальные учителя. Не менее интересна судьба психологии как учебной дисциплины в педагогических вузах, но это предмет отдельного рассмотрения. Подытоживая, можно сказать, что экскурсионный метод при изучении истории может стать динамично развивающейся образовательной деятельностью для конкретизации уже усвоенных знаний и обогащения новыми, для систематизации впечатлений и размышлений о прошлом или будущем.

Библиографический список

1. Колосова В. В. Парадигма профессионально-личностного развития и задачи модернизации образовательных программ // *Наукоеведение* : интернет-журнал. 2013. № 4 (17). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf> (дата обращения: 06.05.2014).
2. Волкова М. В. Экскурсия как метод обучения студентов-психологов // *Психология в вузе*. 2009. № 4. С. 5–18.
3. Яковченко Р. Н. Методика проведения экскурсий. Нюансы работы // *Мир экскурсий*. 2008. № 2. С. 13–18.
4. Стояхина Н. Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 1 (38). С. 152–157.
5. Стояхина Н. Ю. Религиозно-философская психология в творчестве Н. М. Боголюбова // *Психологическая наука и образование* : электронный журнал. 2014. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n1/68064.shtml (дата обращения: 06.05.2014).
6. Стояхина Н. Ю., Костригин А. А. Методологические аспекты психологии в работах В. А. Снегирева // *APRIORI*. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 1–9. URL: <http://apriori-journal.ru/serial/2-2013/Stoyukhina-Kostrigin.pdf> (дата обращения: 06.05.2014).
7. Стояхина Н. Ю. Б. В. Лавров – нижегородский педагог и психолог // *Нижегородское образование*. 2009. № 2. С. 194–198.
8. Стояхина Н. Ю. Психологическое образование в Нижнем Новгороде в начале XX в. // *Нижегородское образование*. 2013. № 3. С. 232–238.

Excursion Technique as Implementation of Subjective-Personal Approach to Studying History of Psychology

Nataliya Yu. Stoyukhina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23, Gagarina str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: Natast0@rambler.ru

Valentina V. Kolosova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23, Gagarina str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: kolosova@uic.nnov.ru

The article proves that excursion technique is one of the effective forms of conducting the psychology classes. The authors point out that the developed excursion program is based on biographic method as one of the scientific and historical research methods. The study points out the fact that provincial psychology has been developing as a full-fledged part of the Russian psychological science; typical picture of the Russian Empire scientific psychology development is presented in the article. The suggested approach expands the students' knowledge on history of psychology, systematizes the ideas of the Russian psychology development.

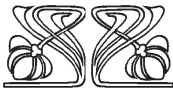
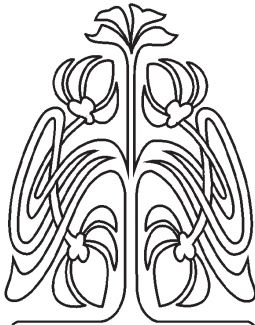
Key words: biographic method, methodic technique, educational excursion, provincial psychology, value behavior regulator.

References

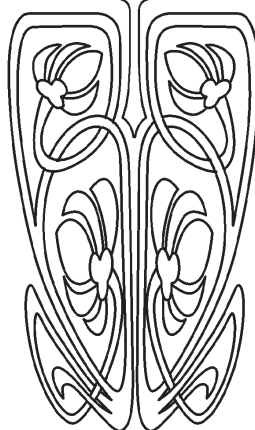
1. Kolosova V. V. *Paradigma professional'no-lichnostnogo razvitiya i zadachi modernizatsii obrazovatel'nykh program* (Paradigm of vocational and personal development and modernization of educational programs). *Naukovedenie*: internet-zhurnal (Naukovedenie: on-line Journal), 2013, no. 4 (17). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf> (accessed 6 May 2014) (in Russian).
2. Volkova M. V. *Ekskursiya kak metod obucheniya studentov-psikhologov* (Excursion as a method of teaching students-psychologists). *Psikhologiya v vuze* (Psychology in high school), 2009, no. 4, pp. 5–18 (in Russian).
3. Jakovchenko R. N. *Metodika provedeniya ekskursiy. Nyuansy raboty* (Methods of carrying out of excursions. Nuances of working). *Mir ekskursiy* (World Tour), 2008, no. 2, pp. 13–18 (in Russian).
4. Stoyukhina N. Yu. *Problemy izucheniya istorii «provintsial'noy psikhologii»* (Problems of studying the history of provincial psychology). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* (The world of science, culture and education), 2013, no. 1 (38), pp.152–157 (in Russian).
5. Stoyukhina N. Yu. *Religiozno-filosofskaya psikhologiya v tvorchestve N. M. Bogolyubova* (Religious and philosophical psychology in the work of N. M. Bogolyubov). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*: elektronnyy zhurnal (Psychological Science and Education: electronic journal), 2014, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n1/68064.shtml (accessed 6 May 2014) (in Russian).
6. Stoyukhina N. Yu., Kostrigin A. A. *Metodologicheskie aspekty psikhologii v rabotah V. A. Snegireva* (Methodological aspects of psychology in works of V. A. Snegirev). *APRIORI*. Ser. Gumanitarnye nauki (APRIORI. Ser. Human Sciences), 2013, no. 2, pp. 1–9. Available at: <http://apriori-journal.ru/serial/2-2013/Stoyukhina-Kostrigin.pdf> (accessed 6 May 2014) (in Russian).
7. Stoyukhina N. Yu. *B. V. Lavrov – nizhegorodskiy pedagog i psikholog* (B. V. Lavrov – Nizhny Novgorod pedagogue and psychologist). *Nizhegorodskoe obrazovanie* (Education in Nizhny Novgorod), 2009, no. 2, pp. 194–198.
8. Stoyukhina N. Yu. *Psikhologicheskoe obrazovanie v Nizhnem Novgorode v nachale XX v.* (Psychological education in Nizhny Novgorod in the early XX century). *Nizhegorodskoe obrazovanie* (Education in Nizhny Novgorod), 2013, no. 3, pp. 232–238.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

УДК 316.6

ФЕНОМЕН «АКМЕ»: ЛИЧНОСТЬ, УСПЕШНОСТЬ, СРЕДА (ОКРУЖЕНИЕ)

В. А. Толочек

Толочек Владимир Алексеевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-mail: tolochekva@mail.ru

Выделены неоднозначные аспекты взаимоотношений личности (в ситуациях успешности, в акмеологии обозначаемых понятием «акме») и окружения, аспекты взаимоотношений, ускользающие от обсуждения, от последовательного изучения в публикациях по акмеологии. Рассмотрены важные для понимания феномена «акме» его «измерения» (временные, этические, методологические). Выделены типичные ограничения, присущие современной акмеологии, такие как: изучение человека как отдельного индивида, отделенного от общества в целом, от непосредственного социального окружения; изучение человека как отдельного субъекта труда, субъекта профессиональной деятельности, не включенного в совместную с другими деятельность, независимого от этой деятельности и от своих партнеров; интерпретация феномена «акме» исключительно в позитивных «тонах»; интерпретация эволюции человека исключительно в позитивном свете – как гармонизации, интеграции, его развитие как профессионала и пр.; идеализация взаимодействий человека со средой, описываемая как актуализации его новых ресурсов.

Ключевые слова: акме, акмеология, субъект, личность, окружение, успешность.

Введение

В конце 1920-х гг. Н. А. Рыбниковым был предложен термин «акме»; в середине 1960-х гг. Б. Г. Ананьевым была научно обоснована проблема стадии зрелости человека, обозначена в ее контурах, в методологии ее изучения; с начала 1990-х гг. это направление в психологии стало активно расширяться вследствие энергии и организаторских способностей А. А. Деркача. Быстро были привлечены интеллектуальные ресурсы (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Бодалев, Е. А. Климов, В. Г. Зазыкин и др.), сформулированы базовые представления о сущности феномена «акме», определены методологические принципы его изучения, объяснены актуальность проблемы и оправданность широких исследований. Основными характеристиками «акме» признавались интеграция всех позитивных аспектов развития человека; его эволюция представлялась как последовательное возрастание таких позитивных изменений, как их продолжительное и стабильное состояние, как своего рода «плато благополучия». «Акме» рассматривалось как типичное для всех людей явление. Спустя 10 лет работы кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ под «акме» понималась «высшая точка, период расцвета личности, наивысших ее достижений, когда проявляется

зрелость личности во всех сферах; максимальное развитие способностей и дарований <...> акме приходится на период взрослости, или зрелости человека» [1, с. 217]; в феномене различались как целостный синдром – «макроакме» – наивысший уровень в развитии, достигнутый человеком или общностью людей», так и его составляющие – «микроакме» – вершины, предвещающие достижение макроакме людьми или большими или малыми общностями» [2, с. 300].

При этом успешность в определении объекта и предмета акмеологии, быстрый рост числа публикаций легко уживались с выраженной методологической эклектикой – к методологическим принципам относили едва ли не все, что так или иначе декларировалось в современной психологии [1, 2], с отсутствием широких планомерных исследований и инструментальных методов изучения человека, с выраженным дисбалансом «эмпирики» и «теории» в пользу последней [3–5]. Почему-то попытки конкретизации сущностных характеристик феномена – его темпоральных характеристик, связей «тотальной гармонизации» с социальной успешностью человека в целом [6, 7] – не встречали поддержки у признанного лидера акмеологов. Цель настоящей работы – выделить неоднозначные аспекты взаимоотношений личности (в ситуациях успешности, в акмеологии обозначаемых понятием «акме») и окружения, те аспекты взаимоотношений, которые ускользают от обсуждения, от последовательного изучения в публикациях, распространенных в акмеологии.

Теоретический анализ проблемы

Строго говоря, постановка проблемы «акме» в 1990-х гг. прямо не подкреплялась результатами исследований Б. Г. Ананьева и его сподвижников [8–14]. Очевидно, эволюцию человека в период взрослости, намеченную Б. Г. Ананьевым, нужно понимать как предвосхищение, осознание и определение новой социальной и проблемы психологической науки, постулирование новой области психологии и новых методологических принципов комплексного изучения человека [5–7], обозначение своеобразного «позитивного вектора» научного изучения человека, подобно тому, как идеи коммунистического общества могли выступать ориентиром для повседневной и повсеместной практики построения новых социальных организаций (это большая тема, заслуживающая отдельного обсуждения).

Без сомнения, проблема физической, психической, духовной эволюции человека актуальна. Постановка вопроса о необходимости изучения эволюции человека как индивида, субъекта труда, личности и индивидуальности в возрастном периоде взрослости правомерна. Ключевое понятие «акме», отражающее сущностные свой-

ства феномена, – специфической концентрации, сопряжения, может быть, даже эпизодической синергии в эволюции разных по природе функций и систем человека выбрано верно, во всяком случае, как необходимый ориентир, как вектор возможных многолетних широких исследований. Но при этом оставались и остаются «острые вопросы», касающиеся «акме», ответы на которые могли бы содействовать коррекции дальнейших исследований феномена. Выделим эти вопросы.

1. *Временная локализация «акме».* В каком возрасте человека и как долго может существовать феномен «акме»? Парадоксально, но на протяжении почти трех десятилетий современные акмеологи избегают это обсуждать.

2. *Однократный/многократный характер проявления «акме».* Принципиальный вопрос: достижение «вершины» есть мультивариативный процесс? Если да, то что понимать под «вершиной»? Что понимать под «акме»: краткое состояние человека в его высшей интеграции как личности и субъекта или процесс «восхождения»? Если «акме» – процесс, то он не может быть ни однократным, ни «безупречно позитивным», но, как всякая динамика, будет подвержен колебаниям в довольно широком диапазоне, а периодические перестройки психических структур, если мы говорим о развитии, субъективно восприниматься как кризисы. И какова вероятность одновременного «проявления зрелости личности во всех сферах»? Ведь не очевидно, что периоды наиболее высокой профессиональной продуктивности человека непременно совпадают с временем социального признания его достижений, что высокий профессионализм обязательно сочетается с социально-психологической компетентностью (проще говоря, с социальной ловкостью). Чаще мы встречаем обратные примеры: наиболее талантливые люди, как правило, допускают «грубые ошибки» в отношениях с людьми, в том числе с властью преобладающими.

3. *Одновершинность/многовершинность «акме» личности.* В начале 2000-х гг. С. Ю. Степанов предложил теорию многовершинности «акме» личности (в этом заключалась научная новизна его докторской диссертации), на наш взгляд, ничем не обоснованную теорию. Примечательно, что многовершинность «акме» личности, по С. Ю. Степанову, имела вид синусоиды, но не нормальной, что позволяло бы предлагать и верифицировать рабочие гипотезы, обращаться к аналогам и многому другому, а транспонированной под углом 45°, что задавало представление о неограниченности восхождения человека к новым и новым вершинам, о все более прекрасной и совершенной его гармонизации как личности. Критический анализ подобной интерпретации феномена «акме» личности, равно как и «акме» субъекта, мы оставляем за читателем.

4. «Достоинства» и «недостатки», «положительные» и «отрицательные» качества человека как детерминанты «акме». Еще один принципиальный вопрос: восхождение к «вершине» социальных достижений (непреренно сопряженных с гармонизацией личности и «вершиной» в профессиональных достижениях) доступно исключительно «положительным» личностям? Лишь только «положительные» качества человека выступают детерминантами «акме»? Только достоинства выступают детерминантами его социальных достижений? Тогда, например, что же осуждается в Библии, что выделяется как «заповеди»? И к кому они относились – к отдельным, немногим, не соответствующим нормам христианской морали, или же «заповеди» отражали какие-то сущностные особенности природы человека, которые должны быть отрефлексированы, и им должны быть противопоставлены четкие идеальные ориентиры?

5. Стадия «акме» и самовосприятие человека. Названная тема также исключена из научного изучения, хотя ее значимость едва ли нужно доказывать. Некоторые из поэтов и писателей давали свое понимание: «Веленью божию, о муза, будь послушна,/Обиды не страшась, не требуя венца,/ Хвалу и клевету приемли равнодушно,/И не оспоривай глупца». (А. С. Пушкин); «... но поражение от победы ты сам не должен отличать» (Б. Пастернак). Но ведь эти творческие императивы постулированы только некоторыми из выдающихся творцов, которым часто и самим недоставало этой способности – такой «толерантности» к суждениям близких лиц (референтной группы, социально статусных персон и пр.). Обратная сторона медали – самовосприятие человека, находящегося на «вершине» профессионализма, социальных достижений: остается человек тем же, кем и был до достижения им значимого социального успеха, или испытание «медными трубами», действительно, субъективно тяжелее, чем испытание «водой и огнем»?

6. Социальные достижения и «акме». В современной акмеологии фактически слиты, представляются как спаянные, а чаще – как единые, состояния высшего профессионализма, гармонизации личности и высших социальных достижений человека. Рассуждая таким образом, можно утверждать, что высшие профессиональные достижения могут быть только у личностно зрелых и совершенных людей («Гений и злодейство – две вещи несовместные»), что воплощенный в деятельности и ее продуктах профессионализм всегда и тотчас же получает достойную социальную оценку (комментировать этот тезис не хочется). Подобные «латентные послышки» современных акмеологов заставляют видеть в них лишь своеобразные личностные «проекции» («Мы социально успешны. Выводы делайте сами!»).

7. Методология современной акмеологии: она эклектична. Едва ли это нужно доказывать... Ее эмпирическая база неубедительна [3]. Достаточно сравнить, например, типичные диссертации, защищаемые в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете и на кафедре акмеологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

8. Роль других людей в достижении личностью «акме» (или «человек – окружение (среда)'). Данный вопрос рассмотрим более развернуто. Он может быть представлен в трех аспектах:

а) *прямое одностороннее использование ресурсов других людей.* Так, в истребительной авиации в период Великой Отечественной войны «ведомых» (молодых и неопытных летчиков), прикрывающих своих «ведущих» (более опытных), в воздушных боях сбивали в первую очередь; воздушный бой был скоротечен; внимание вражеских асов на «ведомых» не только тактически, но и темпорально давал «ведущим» огромное преимущество, позволявшее им не только успешно решать боевые задачи и накапливать боевой опыт, но и, самое главное, оставаться в живых (лучшие летчики за войну сменили до 10 – 20 «ведомых», так как последние погибали). Другие примеры: разного рода «вице-» и «замы», которые по своим профессиональным и личностным качествам далеко превосходили президентов, министров, «первых» руководителей, но никогда не имели шансов занять их должностную позицию (по политическим, этническим и др. причинам), что было обычным явлением в сословном обществе и остается обычной практикой в жестких социальных структурах, где назначения на высшие должности осуществляются по критериям, например, политического характера. *Использование ресурсов других людей* не исключительный факт, характерный только для экстремальных условий или для лиц, занимающих высокие должностные позиции. Винсент ван Гог всю свою жизнь художника находился на иждивении младшего брата Лео, скромного клерка; Александр Флеминг несколько лет, в период самой ответственной стадии поисков и исследований, де-факто жил на иждивении жены-медсестры. И совершенно обычная ситуация, когда мужья «делают карьеру» благодаря тому, что их жены «создают для них все условия»;

б) *прямо одностороннее овладение ресурсами, блокирующее к ним доступ других людей.* Примеров тому достаточно: из трех-пяти равных друг другу претендентов АА поступил в аспирантуру (занял должность руководителя подразделения/организации, назначен режиссером на главную роль, получил важный заказ и т.п.); немного уступившие ему ВВ, СС и другие в следующем году не смогли еще раз участвовать в таком же конкурсе (из-за разных субъективных

и объективных причин), вследствие чего профессиональная карьера АА успешно складывается, тогда как карьера ВВ, СС и других в лучшем случае уступает оптимальной лишь хронологически. Но более реальна другая ситуация: не попавшие своевременно в «свой возраст», в «команду», в «обойму» уже никогда не достигнут тех социальных позиций, которые волей случая стали «нормой» для АА;

в) *взаимоотношения человека, достигающего «вершины», и окружения*. Рассмотрим вопрос лишь в одном социальном «срезе» – через «призму дружбы». Наряду с признанием позитивной роли друзей в мировой литературе легко найти как обратные, так и «амбивалентные» суждения мыслителей о дружбе: «В беде познается друг и изобличается враг» (Энний), «У кого есть друзья, у того нет друга» (Аристотель), «Следует любить друга, помня при этом, что он всегда может стать врагом, и ненавидеть врага, помня, что он может стать другом» (Биас), «Во вражде друг ничем не отличается от врага» (Менандр), «Избавь меня от друзей, а с врагами я сам справлюсь» (NN), «Где дело пошатнулось, там друзья за дверь» (Персий Флакк), «Имя “друг” звучит повсеместно, но дружеская верность редка» (Федр), «Враги всегда говорят правду, друзья – никогда» (Цицерон). Суждения древних греков и римлян хорошо согласуются с суждениями деятелей искусства, историков, писателей XVIII – XIX – XX вв.: «Среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства» (Жан Ростан), «Суждения наших врагов о нас ближе к истине, чем наши собственные» (Франсуа Ларошфуко), «Дружба обыкновенно служит переходом от простого знакомства к вражде» (В. О. Ключевский), «Враги его, друзья его, / (что, может быть, одно и то же). ... / Врагов имеет в мире всяк, / Но от друзей спаси нас, боже! / Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я» (А. С. Пушкин); «Против кого дружите?» (приписывается Ф. Раневской).

На примере жизни многих деятелей, оставивших след в нашей истории, мы, к сожалению, видим подтверждение вышеприведенных суждений наших современников и давно ушедших из жизни. Эти высказывания о «дружбе» – не только отражения «пережитков прошлого»: они хорошо ложатся в выстроенное русло оценок роли друзей в нашей жизни, как и отношений с ними в ситуациях успеха и неудачи. Приведем лишь одно откровение и один пример: «В жизни есть успех и большой успех. Успех – это когда ты приобретаешь врагов, большой успех – когда теряешь друзей» (В. Меньшов); на следующий день после смерти В. Е. Алексеева, выдающегося конструктора судов на подводных крыльях – экранопланов (по мнению экспертов, на 50 лет опередившего свое время, входившего в десятку

самых засекреченных конструкторов в СССР), его вчерашние соратники и единомышленники стали жечь во дворе предприятия его чертежи, наброски, бумаги... Подобных случаев множество, и можно сразу обратиться к «базовым архетипам» поведения: Люцифер, любимый ученик, восстал против Создателя; Иуда – ученик и последователь Иисуса Христа – предал. Вероятно, что и в обозримом будущем у нас будут основания не раз восклицать: «И ты, Брут?»;

9. «Стадия спуска с вершины». И феноменологически, и образно при любой экспликации в проблеме «акме» различаются три части, три разных уровня функционирования человека (как личности, как субъекта): а) стадия восхождения; б) «вершина» (обратим внимание – она же и «плато», если речь идет не о часах и днях, а о более продолжительном временном периоде, т.е. когда существует особая проблема в деятельности и жизнедеятельности человека); в) стадия спуска. Если первые две фазы достаточно изучены и продолжают конструктивно разрабатываться в психологии, без обращения к понятийному аппарату акмеологов, то последняя только сравнительно недавно стала предметом пристального внимания ученых (кризисы окончания карьеры в спорте высших достижений, в государственной службе и др., снижение с возрастом научного потенциала, лучшие достижения деятелей искусства в молодые годы и т.п.).

Уход из спорта, со сцены, из науки, из политики – всегда личная драма, всегда жизненный кризис, и он тем глубже, чем выше была социальная позиция, занимаемая человеком до отставки. Это – острая социальная проблема, а не только личностная. Необходимо последовательное изучение психологических механизмов и закономерностей как становления гармонизации человека, так и последующего, к сожалению, неизбежного для большинства людей спуска с «вершины» их социальных достижений. Трудно объяснить, почему эта тема просто замалчивается в современной акмеологии.

Заключение

Понятно, что сложную проблему, широко изучаемую, привлекающую внимание ведущих специалистов, едва ли можно исчерпывающе описать в каком-то ограниченном числе тезисов, поэтому мы остановимся на пределе восприятия человеком информации – «миллеровом числе» вопросов темы (7 +/- 2).

Обобщая, выделим основные ограничения сложившейся методологии акмеологов комплексного человека, или «современного человекознания», говоря языком Б. Г. Ананьева, который стал своеобразным знаменем нового учения: 1) изучение человека как отдельного

индивида, отделенного от общества в целом, от непосредственного социального окружения; 2) изучение человека как отдельного субъекта труда, субъекта профессиональной деятельности, не включенного в совместную с другими деятельность, независимого от этой деятельности и от своих партнеров; 3) интерпретация феномена «акме» исключительно в позитивных «тонах»; 4) интерпретация эволюции человека исключительно в позитивном свете – как гармонизации, интеграции, его развития как профессионала и пр., наступающих почти с такой же неизбежностью, как старость и смерть; 5) идеализация взаимодействий человека со средой, описываемая как актуализация его новых и новых ресурсов.

Не последние вопросы, заслуживающие отдельного обстоятельного анализа, которые можно сформулировать как *внесубъектные, интересубъектные и интрасубъектные ресурсы «акме»* и «Акме»: *общие и профессиональные способности*, но, подчиняясь логике и формату научных публикаций, эти вопросы предпочтительнее рассмотреть в отдельной работе.

Библиографический список

1. Деркач А. А., Зызыкин В. Г. Акмеология. СПб., 2003. 256 с.
2. Акмеология / под общ. ред. А. А. Деркача. М., 2002. 681 с.
3. Толочек В. А. Акмеология : баланс методологии и эмпирики и перспективы развития // Акмеология. 2004. № 2. С. 6–11.
4. Толочек В. А. Квазидиагностика и проблемы целостного изучения человека // Мир психологии. 2004. № 4. С. 100–111.
5. Толочек В. А. Общий подход и частные результаты комплексных исследований феномена «человек» в научной школе Б. Г. Ананьева // Вопр. психологии. 2007. № 5. С. 161–169.
6. Толочек В. А. Социализация в квадрате : локализация феномена «акме» и его вероятные детерминанты // Мир психологии. 2005. № 4. С. 50–64.
7. Толочек В. А. Современное человекознание Б. Г. Ананьева – результаты, состояние и перспективы // Развитие психологии в системе комплексного человекознания : в 2 ч. / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М., 2012. Ч. 1. С. 221–228.
8. Акинищикова Г. И. Телосложение и реактивность организма спортсмена. Л., 1969. 90 с.
9. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 338 с.
10. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 380 с.
11. Возрастные особенности психических функций взрослых в период зрелости (41–46 л.) / отв. ред. Я. И. Петров. М., 1984. 88 с.
12. Развитие психофизиологических функций взрослых людей : в 2 кн. / под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1972. Кн. 1. 245 с.
13. Развитие психофизиологических функций взрослых людей : в 2 кн. / под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1972. Кн. 2. 198 с.
14. Розе Н. А. Психомоторика взрослого человека. Л., 1970. 128 с.

Phenomenon of «Acme»: Personality, Success, Medium (Environment)

Vladimir A. Tolochek

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
12, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia
E-mail: tolochekva@mail.ru

Dedicated ambiguous aspects of the relationship between the individual (in situations of success, occupational referred to as «Acme») and the environment, relationships, avoiding discussion of sequential study in publications typical of acmeology. Considered important for understanding the phenomenon of «Acme» his «measurements» (temporary, ethical, methodological). Selected typical limitations of modern acmeology, such as: the study of man as an individual, separated from society, from their immediate social environment; the study of man as a separate the subject of labor, the subject of professional activity, not included in the joint with other activities, independent of this activity and its partners; interpretation of the phenomenon of «Acme» extremely positive «colours»; interpretation of human evolution exclusively in a positive light - as harmonization, integration, as his development as a professional, etc.; idealization of human interactions with the environment, described as the actualization of its new resources.

Key words: acme, acmeology, subject, personality, environment, success.

References

1. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Akmeologiya* (Acmeology). St.-Petersburg, 2003. 256 p. (in Russian).
2. *Akmeologiya* (Acmeology). Ed. by A. A. Derkach. Moscow, 2002. 681 p. (in Russian).
3. Tolochek V. A. *Akmeologiya: balans metodologii i empiriki i perspektivy razvitiya* (Acmeology: balance between methodology and empirics and development perspectives). *Akmeologiya* (Acmeology), 2004, no. 2, pp. 6–11 (in Russian).
4. Tolochek V. A. *Kvazidiagnostika i problemy tselostnogo izucheniya cheloveka* (Quasi-diagnosis and issues of human integral study). *Mir Psikhologii* (The World of Psychology), 2004, no. 4, pp. 100–111 (in Russian).
5. Tolochek V. A. *Obshchiy podkhod i chastnye rezul'taty kompleksnykh issledovaniy fenomena "chelovek" v nauchnoy shkole B. G. Anan'eva* (General approach and partial results of complex researches of human phenomenon at B. G. Ananyev's scientific school). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psychologii), 2007, no. 5, pp. 161–169 (in Russian).
6. Tolochek V. A. *Sotsializatsiya v kvadrate: lokalizatsiya fenomena «akme» i ego veroyatnye determinanty* (Socialization quadratically: localization of phenomenon «acme» and its probable determinants). *Mir Psikhologii* (The World of Psychology), 2005, no. 4, pp. 50–64 (in Russian).
7. Tolochek V. A. *Sovremennoe chelovekoznanie B. G. Anan'eva – rezul'taty, sostoyanie i perspektivy* (Modern human

- study by B. G. Ananyev – results, status and perspectives) *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya: v 2 ch.* (Development of psychology in system of complex human study: in 2 part.). Ed. by A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'tsova. Moscow, 2012, part 1, pp. 221–228 (in Russian).
8. Akinshchikova G. I. *Teloslozhenie i reaktivnost' organizma sportsmena* (Body-build and reactivity of athlete's organism). Leningrad, 1969. 90 p. (in Russian).
 9. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* (Man as object of knowledge). Leningrad, 1968. 338 p. (in Russian).
 10. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya* (About problems of modern human study). Moscow, 1977. 380 p. (in Russian).
 11. *Vozrastnye osobennosti psikhicheskikh funktsiy vzroslykh v period zrelosti (41–46 l.)* (Age features of psychics functions at maturity period {41–46 years old}). Ed. by Ya. I. Petrov. Moscow, 1984. 88 p. (in Russian).
 12. *Razvitie psikhofiziologicheskikh funktsiy vzroslykh lyudey: v 2 kn.* (Development of adult persons' psychophysiological functions: in 2 part). Ed. by B. G. Anan'ev, E. I. Stepanova. Moscow, 1972, part 1. 245 p. (in Russian).
 13. *Razvitie psikhofiziologicheskikh funktsiy vzroslykh lyudey: v 2 kn.* (Development of adult persons' psychophysiological functions: in 2 part). Ed. by B. G. Anan'ev, E. I. Stepanova. Moscow, 1972, part 2. 198 p. (in Russian).
 14. Roze N. A. *Psikhomotorika vzroslogo cheloveka* (Adult person's psychomotor apparatus). Leningrad, 1970. 128 p. (in Russian).

УДК 316

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. В. Дробышева, М. Ю. Войтенко

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-mail: tdrobysheva@mail.ru

Войтенко Мария Юрьевна – соискатель, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-mail: m.voytenko@yandex.ru

В статье изложено теоретико-методологическое обоснование эмпирического исследования социально-психологического благополучия детей, проживающих в условиях мегаполиса. Сформулирована проблема исследования. Она связана с выявлением совокупности макро- и микросоциальных факторов мегаполиса, значимых для изучения благополучия детей, среди них: объективные условия проживания (район, тип застройки, уровень комфортности жилья и т.п.), социальные и социально-психологические характеристики семьи и родителей (экономический статус семьи, время проживания семьи в мегаполисе и т.п.). Характеристики самого ребенка изучаются в роли детерминант его социально-психологического благополучия. Определены показатели социально-психологического благополучия дошкольников. Анализ исследований обнаружил существование связи между автономностью, наличием самоконтроля у детей и условиями их проживания в мегаполисе. Сформированность самоконтроля является психологической предпосылкой формирования позитивных отношений ребенка с родителями, сверстниками, значимыми взрослыми на этапе его первичной социализации.

Ключевые слова: социально-психологическое благополучие, мегаполис, ранняя социализация личности, факторы социально-психологического благополучия.

Введение

Жизнедеятельность большинства современных людей складывается в условиях городской среды. В России наблюдается высокий уровень урбанизации. По оценке Росстата, доля городского населения в 2013 г. составляла 73,86% от общего числа россиян [1]. Опираясь на данные статистики, можно сделать вывод, что большинство детей нашей страны рождается и проживает в городах. Их социализация протекает в условиях городской среды, характеризуемой особой пространственно-временной организацией жизнедеятельности людей, системой социальных связей и т.п., причем существенную роль здесь играет размер города. Так, еще в начале прошлого века Л. Мамфорд указывал на негативные стороны жизни населения в мегаполисе: социальную дезинтеграцию, плохую экологию, нехватку элементарных условий жизни (солнечного света, свежего воздуха), беспорядочные городские районы и т.п. [2]. Г. Зиммель, подчеркивая специфику ментальности жителей большого города, отмечал их приспособляемость, рационализм, склонность к уединению, замкнутость в отношениях с окружающими людьми и т.п. [3].

В России примером сверхагломерации является г. Москва с населением 12108 тыс. чел. (данные 2014 г.). Жители этого города подвержены множественной стратификации, в основе которой лежат разные объективные критерии: экономический и социальный статус,

этнические и культурные особенности, район проживания, продолжительность проживания семьи в мегаполисе и т.п. Субъективные же критерии дифференциации населения связаны с самоощущениями людей, в первую очередь, их удовлетворенностью условиями проживания в мегаполисе. Адаптация москвичей в городе протекает по-разному. Для одних проживание в столице с ее потенциальными возможностями для самореализации – важное условие их психологического благополучия. Другие, наоборот, испытывают тревогу, страх и неудовлетворенность. Во многом это зависит и от времени проживания семьи в мегаполисе, поскольку наличие тесных связей с предшествующими поколениями, близость их проживания, наличие психологической поддержки со стороны старшего поколения и т.п. играют существенную роль в самоощущении людей. Все вышеизложенное, безусловно, относится к взрослому населению мегаполиса. Дети москвичей из разных социальных групп в основном родились в Москве, посещают одни и те же общеобразовательные учреждения, в которых условия социализации для всех одинаковы. Однако их благополучие, в том числе социально-психологическое, во многом зависит от характеристик семьи, родителей, отношений с окружающими людьми (сверстниками, чужими значимыми взрослыми) и т.п., которые детерминированы условиями проживания в мегаполисе. Выявление многоуровневой системы «внешних» и «внутренних» факторов социально-психологического благополучия детей, проживающих в условиях мегаполиса, стало целью нашего исследования. Для ее реализации был проведен анализ работ, выполненных в двух направлениях: феномена «субъективного благополучия», близкого к нему «психологического благополучия» и условий проживания личности в мегаполисе как фактора ее социализации.

Теоретико-методологические основы исследования

Анализ социально-психологических исследований условий проживания населения в городе показал, что большая часть из них направлена на выявление особенностей восприятия жителями предметно-пространственной среды города (Т. В. Семенова, Л. В. Давыдкина, С. Э. Габидулина, Н. В. Долгова, О. С. Шемелина и О. Е. Ванина и др.), изучение ее влияния на: психическое здоровье горожан (М. Падун и др.), этническую идентичность (Т. В. Гармаева и др.), психологическое благополучие (С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая и др.), субъективное экологическое благополучие (Н. Н. Хащенко и др.) и т.п. Феномен психологического благополучия личности вызывает повышенный интерес у современных исследователей

не только в вышеупомянутом контексте. Проблема его изучения все чаще становится предметом отечественных междисциплинарных исследований в области клинической, возрастной, социальной, этнической, экологической психологии, психологии личности и др. отраслей психологии.

В целом можно выделить два основных подхода, построенных на соотношении понятий «психологическое благополучие» и «субъективное благополучие». Один из них предполагает рассмотрение психологического благополучия как целостного феномена, тождественного субъективному благополучию, другой – как компонента субъективного благополучия. В первом случае подчеркивается, что субъективное благополучие выражает собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности [4, с. 180]. Во втором случае субъективное благополучие рассматривается как интегративное образование, складывающееся из совокупности элементов, его составляющих (М. В. Соколова, Л. В. Куликов, В. А. Хащенко и др.). К примеру, В. А. Хащенко выделяет в структуре субъективного благополучия психологическое, социальное, экономическое, *социально-психологическое благополучие*, а также качество жизни, обусловленное здоровьем [5]. Независимо от подходов большинство исследователей объединяет понимание феномена как *позитивного восприятия и переживания человеком своего актуального состояния* (М. Аргайл, Н. Брэдберн, Э. Динер, К. Рифф, М. Селигман, П. П. Фесенко, В. А. Хащенко, Р. М. Шамионов и др.), как удовлетворенность жизнью в целом, ощущение счастья и т.п.; многие из них отмечают социальную природу феномена, подчеркивают его активное начало [4].

Несмотря на повышенный интерес специалистов к изучению субъективного благополучия, его компонентов и факторов, следует отметить, что исследований социально-психологического благополучия личности на этапе ее первичной социализации мы не обнаружили. С нашей же точки зрения, уже в старшем дошкольном возрасте социально-психологическое благополучие может проявляться в самопринятии (отношении к себе, базирующемся на позитивной самооценке), в позитивных отношениях с окружающими (сверстниками, родителями и значимыми взрослыми). Сложившаяся система межличностных отношений ребенка со значимыми другими на данном этапе социального развития, а также отношение к себе как основному компоненту этой системы, представленные в позитивных оценках в сознании самого ребенка, могут рас-

смаиваться как показатели его социально-психологического благополучия. Уже на этапе первичной социализации ребенок выделяет себя из окружающей действительности, конструирует «картину мира» (во многом не идентичную родительской), элементом которой является он сам, приобретает качества субъекта. Определяя эти качества, одни исследователи выделяют автономию, саморазвитие и саморегуляцию (В. С. Мерлин), другие подчеркивают активность, автономию и системную целостность (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергеев и др.). Выраженность показателей автономии (независимости, самостоятельности) у детей дошкольного возраста в нашей работе будет приниматься как другой показатель их социально-психологического благополучия. Конечно, изучение данного феномена невозможно без рассмотрения сформированности саморегуляции поведения личности ребенка как «внутреннего» фактора социально-психологического благополучия. Существуют разные подходы в определении этого феномена. В своей работе мы будем опираться на системно-субъектный подход (Е. А. Сергиенко и др.), в рамках которого контроль поведения рассматривается как психологический уровень саморегуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека и обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. В нашем исследовании сформированность контроля поведения ребенка будет определяться как условие его позитивных отношений с другими.

Следует отметить, что выбор феномена «социально-психологическое благополучие личности» был непосредственно связан с проблемой изучения благополучия личности в условиях мегаполиса. Так, еще Г. Зиммель, М. Вебер, Ч. Кули и др. рассматривали специфику коммуникаций как один из социально-психологических эффектов проживания личности в мегаполисе. В современном мегаполисе такие коммуникации отличаются ориентацией на ближайшее окружение (родственников, друзей), низким контролем общества за личной жизнью горожан (исключение – «медийные лица»), потребностью в уединении и т.п. На это обращали внимание М. Раудсепп, М. Хейдметс, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и другие исследователи. Так, по мнению М. Раудсеппа, субъективно воспринимаемый контроль над ситуацией уменьшает влияние стрессовых факторов (стесненности, шума и др.) и повышает активность людей, проживающих в мегаполисе [6]. В качестве негативных эффектов проживания детей в высотных домах автор отмечает: отсутствие возможностей для игр – шум и нехватка пространства, плохие условия для наблюдения за детьми и т.п. [6]. Результаты данного исследования указывают

на существование связи между условиями проживания детей в мегаполисе и развитием их субъектных качеств. В работе М. Хейдметса отмечается важность наличия у ребенка своего стола, уголка или комнаты, т. е. объектов личного контроля. Их отсутствие влияет на степень конфликтности детей и их родителей и т.п. [7]. По мнению автора, реальный контроль среды, в которой человек выступает в качестве автономного субъекта в отношении некоторых внешних объектов, формирует у него такие личностные качества, как самостоятельность, способность самому принимать решения, активность. Данный вывод имеет методологическое значение для формулировки наших предположений о важности развития у ребенка автономности и контроля за поведением как показателей его социально-психологического благополучия, а также указывает на связь социально-психологического климата семьи и условий проживания в мегаполисе.

Постановка проблемы исследования

Проблема исследования связана с выбором оптимальной совокупности факторов, которая детерминирует социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса. Ребенок, родившийся в мегаполисе, воспринимает окружающие условия как «естественную среду обитания». Он адаптируется к «автомобильным пробкам», «высокому уровню шума», «плотности населения» и т.п., ориентируясь в своих оценках на собственный жизненный опыт и на мнение родителей. Восприятие и переживание детьми своего актуального состояния определяется не только родительскими установками, их отношением к ребенку, но и психологическим климатом в семье в целом, занятостью мамы, сферой деятельности отца и т.п. Социально-психологическое благополучие детей определяется объективными условиями проживания их семьи в мегаполисе: районом проживания (в центре, на периферии), типом застройки («повышенной комфортности», в «ветхом жилье», в «стандартном жилом фонде»), уровнем комфортности жилья, временем проживания семьи в мегаполисе («коренные москвичи», «москвичи первого поколения», «региональные мигранты» и т.п.). Вышеперечисленные факторы мегаполиса влияют на то, каким образом ребенок добирается в детский сад (на машине, пешком, на метро и т.п.), сколько времени проводят с ним родители (работающая мама или нет); присутствуют ли межпоколенческие связи (бабушки и дедушки, участвующие в воспитании ребенка); как семья проводит свой досуг и т.п. Оценки психологического климата в семье родителями и его восприятие детьми могут отличаться. В работе предполагается выявить согласованность этих

показателей. Другим существенным фактором в организации коммуникативных процессов столичных жителей является их экономический статус: выбор района проживания, проведение досуга, построение социальных связей и т.п. определяется тем, к какой экономической группе они относятся.

В целом анализ исследований, направленных на изучение влияния мегаполиса на социализацию детей, позволил обнаружить факты, подтверждающие наличие связи между показателями автономии ребенка и его психологическим благополучием, между автономией дошкольника и условиями его проживания в мегаполисе [6, 7].

Заключение

Итак, социально-психологическое благополучие личности на этапе ее первичной социализации следует рассматривать как позитивное восприятие и переживание личностью своего актуального состояния в связи с принятием себя, основывающимся на позитивных отношениях со значимыми другими (родителями, сверстниками, чужими взрослыми) при условии достижения личностью автономности, независимости, соответствующих актуальному этапу развития. Сформированность самоконтроля на этапе первичной социализации личности, по нашему мнению, будет являться психологической предпосылкой формирования позитивных отношений ребенка с родителями, сверстниками, значимыми взрослыми, его автономии (независимости, самостоятельности).

В рамках исследования первичной социализации личности особое внимание необходимо уделять совокупности факторов, определяющих благоприятные условия для достижения ею социально-психологического благополучия. В нашем исследовании мы остановимся на многоуровневой системе факторов, связанной с условиями проживания детей в мегаполисе. Речь идет об объективных условиях проживания (районе, типе застройки, уровне комфортабельности жилья, наличии у ребенка «своего» места в доме и т.п.); социальных и социально-психологических характеристиках семьи в целом и родителей (экономическом статусе семьи, сфере деятельности отца, занятости матери, структуре и размерах семьи, связи с предыдущими поколениями, психологическом климате в семье, времени проживания семьи в мегаполисе); социально-психологических и индивидуально-психологических характеристиках самого ребенка, являющихся детерминантами его социально-психологического благополучия (статус в группе сверстников, коммуникативность и т.п.).

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО РФ «Психологические отношения личности в разных условиях жизнедеятельности социальной группы: психосоциальный подход» (грант 94.1. № 1/2015).

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.11.2014).
2. Мамфорд Л. Культура городов. URL: <http://avangard.ru.org/files/urbanistika/mumford.ppt> (дата обращения: 25.11.2014).
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm (дата обращения: 25.11.2014).
4. Шапионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2008. 240 с.
5. Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М., 2012. 432 с.
6. Раудсепп М. Социально-психологическая эффективность жилища (обзор теорий и исследований) // Человек. Общение и жилая среда / под ред. Ю. Орна, Т. Нийта. Таллин, 1986. С. 115–147.
7. Хейдметс М. Социально-психологические проблемы жилой среды (аспект персонализации среды) // Человек, среда, общение / под ред. Х. Миккина, Ю. Орна. Таллин, 1980. С. 26–47.

Socio-Psychological Well-Being of Children in Megapolis: the Methodological Foundations of Research

Tatyana V. Drobysheva

Institute of Psychology Russian Academy of Science
13, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia
E-mail: tdrobysheva@mail.ru

Maria Yu. Voytenko

Institute of Psychology Russian Academy of Science
13, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia
E-mail: m.voytenko@yandex.ru

The article presents the theoretical and methodological rationale for the empirical study of socio-psychological well-being of children living in the city. Macro- and micro-social factors of the megapolis are considered. Among them are: the objective living conditions (the district, type of housing, dwelling comfort level and so on), social and socio-psychological characteristics of the family and parents (the economic status of the family, the families residence term in the metropolis and so on). Characteristics of the child as a determinant of socio-psychological well-being are studied. Indicators of socio-psychological well-being of children are revealed. Analysis of the studies revealed the existence of a link between the formation level of autonomy and self-control in children and the conditions of their stay in the city. Readiness of self-control is a psychological prerequisite for the formation of the child's positive relationships with parents, peers, significant adults at the stage of primary socialization.

Key words: socio-psychological well-being, megapolis, early socialization of the personality, factors of socio-psychological well-being.

References

1. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal service of state statistics). Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 25 November 2014).
2. Mamford L. *Kul'tura gorodov* (Cities culture) Available at: <http://avangard-ru.org/files/urbanistika/mumford.ppt> (accessed 25 November 2014).
3. Zimmel' G. *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* (Large cities and spiritual life). *Logos* (Logos), 2002, iss. 3–4. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm (accessed 25 November 2014).
4. Shamionov R. M. *Psikhologiya sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti*. (Psychology of personality's subjective well-being). Saratov, 2008. 240 p. (in Russian).
5. Khashchenko V. A. *Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* (Psychology of economical well-being). Moscow, 2012. 432 p. (in Russian).
6. Raudsepp M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya effektivnost' zhilishcha (obzor teory i issledovaniy)* (Social-psychological efficiency of home {review of theories and investigations}). *Chelovek. Obshchenie i zhilaya sreda* (Man. Communication and living environment). Ed. by Yu. Orn, T. Niyt. Tallin, 1986, pp. 115–147.
7. Kheydmets M. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy zhiloy sredy (aspekt personalizatsii sredy)* (Social-psychological problems of living environment). *Chelovek, sreda, obshchenie* (Man, environment, communication). Ed. by Kh. Mikkin, Yu. Orn. Tallin, 1980, pp. 26–47.

УДК 159. 942

СЧАСТЬЕ И СМЫСЛ: ДИСКУТИРУЯ С М. СЕЛИГМАНОМ

Л. З. Левит

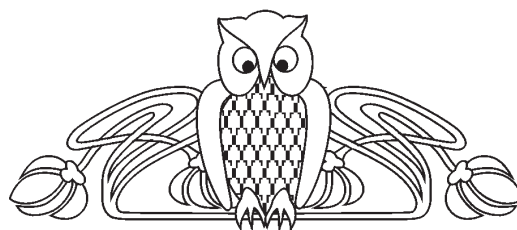
Левит Леонид Зигфридович – кандидат психологических наук, доцент, Центр психологического образования и здоровья, Минск, Беларусь
E-mail: leolev44@tut.by

В статье приводятся теоретические соображения и экспериментальные результаты, которые ставят под сомнения точку зрения известного позитивного психолога М. Селигмана относительно обретения человеком принадлежности к чему-то «внешнему» и «большому» ради достижения смысла жизни. В рамках теоретической концепции автора смысл достигается реализацией не «большого», а «меньшего», но «высшего». Выявленная в серии исследований положительная взаимосвязь конструкторов «смысл» и «эгоизм» гораздо более сильна, чем взаимосвязь между «смыслом» и «альтруизмом», и демонстрирует более предпочтительную для субъекта возможность конструирования смысла, основанного на внутреннем потенциале (идеальной части личности) и его реализации.

Ключевые слова: смысл, эгоизм, альтруизм, счастье, системный подход.

Постановка проблемы

Известный позитивный психолог М. Селигман выделяет в одной из своих работ три основные «разновидности» счастья: «эвдемонию» (реализацию индивидуального потенциала, сильных сторон субъекта), «гедонизм» (приятные переживания) и «смысл». Последний определяется им как принадлежность человека к чему-то *большому*, нежели он сам [1, с. 12]. При этом внутреннее «я» (self), по мнению М. Селигмана, не очень годится для этой роли. Чем большим является объект (либо сообщество), к которому решает

«принадлежать» индивид, тем легче последнему отыскать смысл собственной жизни. Следует отметить, что М. Селигман никак не аргументирует собственную точку зрения. В непродолжительной электронной переписке с автором настоящей статьи он просто повторил написанное в книге, не дав ответа на поставленные вопросы, поэтому мы решили привести и аргументировать собственную точку зрения относительно счастья, смысла жизни и его «местоположения».

Результаты и дискуссия

В серии исследований, проведенных нами в 2011–2013 гг. с помощью методов выборки переживаний (ESM) и диагностических опросников, были выявлены три фактора, которые приблизительно соответствуют трем указанным М. Селигманом «разновидностям счастья». Так, «Легкое счастье», включающее в себя шкалы «Удовольствие», «Позитивные эмоции», «Физическое самочувствие» и «Удовлетворенность жизнью в целом», может быть ассоциировано с гедонизмом. «Трудное счастье», включающее в себя шкалы «Уровень сложности», «Самореализация» и «Самосовершенствование», может быть ассоциировано с эвдемонией. Наконец, шкалы «Вовлеченность», «Эгоизм» («Польза, выгода для меня»), «Альтруизм» («Польза, выгода для других») и «Смысл» («Отвечает моим ценностям, имеет смысл для меня») могут быть отнесены к общей группе под названием «смысл» [2–4].

Смушают следующие обстоятельства: у всех испытуемых в проведенных нами исследованиях показатели шкалы «смысл» имеют умеренные и сильные корреляции со шкалой «эгоизм» (в несколько раз большие, чем между шкалами «смысл» и «альтруизм»), что полностью противоречит определению смысла М. Селигманом. Более того, корреляции шкал опросника «ЭЛУ Плюс», диагностирующих высший уровень развития систем «Эгоизм» и «Личностная Уникальность» в разработанной нами Личностно-ориентированной концепции счастья (ЛОКС), имели значимый положительный характер со всеми шкалами опросника «Смыслоразностных ориентаций» [2, 3]. Мы также разработали и успешно апробировали систему психологического консультирования («Терапия Личностной Уникальностью» – ЛУТ), основанную на контакте клиента со своей *внутренней идеальной* частью в период неудач и жизненных кризисов [2, 5]. Таким образом, «селф» (ее «лучшая» часть, олицетворяющая внутренний потенциал субъекта) совсем неплохо подходит на роль «вместилища смысла» еще и потому, что внешний мир индивиду практически неподконтролен.

Одно из наиболее заметных противоречий в работах М. Селигмана заключается в признании невозможности нахождения смысла жизни в собственном «я» и одновременной рекомендации индивиду отыскивать *свои сильные стороны* и реализовывать их в целях достижения счастья. Подобное противоречие между «смыслом» и «эгоизмом» до сих пор бытует в головах некоторых исследователей, хотя теперь оно опровергается и экспериментально, и с помощью несложного дискурса («реализация *моих* ценностей приносит мне эгоистическую пользу, выгоду и ощущение смысла»). Рекомендация М. Селигмана искать смысл «вне себя» кажется нам обоснованной только для мало-развитых лиц с доминированием низших форм эгоизма и краткосрочного гедонизма, однако такие индивиды и не озабочены экзистенциальными вопросами.

Мы также считаем, что применительно к нашей концепции (во всяком случае, ее высшему, четвертому уровню), смысл следует искать (точнее, создавать) не в «большем», а в «высшем». Как уже отмечалось, на эту роль прекрасно подходит Личностная Уникальность (ЛУ), обнаруживаемая и реализовываемая с помощью системы «Эгоизм» (на высшем уровне – зрелый индивидуализм). ЛУ является как раз «меньшим», а не «большим», поскольку представляет не всю психику индивида, а лишь ее «идеальную» часть. И в то же время *идеальная* часть психики является по определению «высшей». Поэтому смысл в рамках четвертого уровня ЛОКС достигается

реализацией «внутреннего», «меньшего», но «высшего», в отличие от нижележащего третьего, социального уровня, где искомое понятие, действительно может достигаться индивидом за счет отнесения себя к чему-то «большему» и «внешнему» (например к автозаводу). При отказе же индивида от дальнейшего уникального саморазвития во второй половине своей жизни стремление к «внешне ориентированному» смыслу становится легким выбором.

Как можно заметить, на четвертом уровне нашей концепции преобладают качественные критерии («высота»), на третьем, социальном – количественные («ширина», «размер»). Желание человека ассоциироваться со своим высшим внутренним идеалом, представленным Личностной Уникальностью, в полной мере поддерживается его стремлением к свободе, создающей оптимальные возможности для индивидуальной самореализации и обретения смысла жизни.

Если в мире, как считают некоторые современные философы, не существует никакого «внешнего» смысла, значит весь *создаваемый* (а не обретаемый) мной смысл *моей* жизни зависит полностью и только от моих усилий (моего воображения и соответствующей активности), в рамках Личностно-ориентированной концепции счастья – от того, как мой «Высший» Эгоизм «создает» мою «Личностную Уникальность» (или ее идею), а затем с помощью ее глубокого осознания и последующей реализации создает для меня и «смысл», делающий мою жизнь намного содержательнее и приятнее.

Многие источники смыслов существуют в человеческой культуре, их освоение индивидом может быть описано в рамках третьего, социального уровня ЛОКС. Индивид, поднимающийся на четвертый уровень (индивидуального творчества), сам способен (или даже обязан) сконструировать полностью уникальный смысл, основанный на понимании своей «созревшей» Личностной Уникальности и ее реализации. Разумеется, в качестве необходимого базиса при этом используются общепринятые культурные смыслы нижележащего уровня, ранее усваиваемые индивидом на этапе социализации.

Заключение

Приведенные результаты демонстрируют некоторую односторонность, если не спорность точки зрения М. Селигмана, при которой достижение индивидом смысла ассоциируется с принадлежностью к чему-то «большему» и «внешнему». Убрать «тень» эгоизма, упавшую на «кристально чистую» поверхность смысла, отныне не удастся путем устранения понятия «эгоизм» из научного обихода. Теперь стереть «темное пятно» можно будет, лишь устранив

негативно окрашенные моральные импликации самого термина «эгоизм». Разумеется, вышесказанное не отменяет и отдельных негативных сторон эгоизма – теперь, однако, ровно в той же степени, что и любого другого используемого конструкта.

Отныне эгоизм способен отбрасывать не «тьень», а наоборот, «свет» на понятие «смысл», исходя из того, что эгоистические «польза и выгода» (относящиеся к высшему уровню системы «Эгоизм» в ЛОКС) формируют, помимо прочего, осмысленную жизнь. Верно и обратное: смысл, в свою очередь, «освещает» родственные ему высшие формы эгоизма, связанные с реализацией индивидуального потенциала и достижением наполненной, счастливой жизни. Плоды подобного союза между двумя понятиями могут оказаться необычными и интересными, с точки зрения дальнейших исследований и теоретических построений.

Библиографический список

1. Seligman M. Flourish. N.Y., 2011. 354 p.
2. Левит Л. З. Уникальный потенциал, самореализация, счастье. Saarbrucken, 2013. 482 с.
3. Левит Л. З. Что же такое счастье : опыт трех исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 139–148.
4. Levit L. Z. Meaning and egoism : Are the notions compatible? // International Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2, № 1. P. 102–112.
5. Levit L. Z. Personal uniqueness therapy : living with an inner ideal // American Journal of Applied Psychology. January 2014. Vol. 3, № 1. P. 1–7.

УДК 159.9.072

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ФЕНОМЕНА ИНТУИЦИИ

И. В. Васильева

Васильева Инна Витальевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Тюменский государственный университет, Россия
E-mail: innaeng@mail.ru

Описаны теоретические противоречия в определении психологических механизмов интуиции. В исследованиях выделяется один подход, рассматривающий интуицию как комплексное функционирование когнитивных процессов, и другой – рассматривающий интуицию как получение «прямого знания», вне рационально объяснимых возможностей получения информации. Обозначены трудности, с которыми сталкиваются специалисты разных на-

Happiness and Meaning: the Discussion with M. Seligman

Leonid Z. Levit

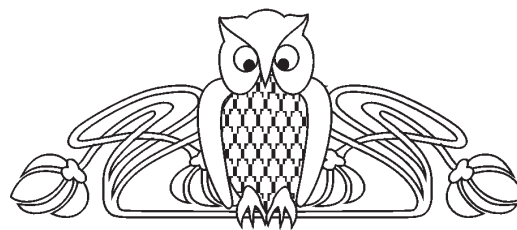
Center for Psychological Health and Education, Minsk, Belarus
8-114, K. Marksa str, Minsk, 220030, Belarus
E-mail: leolev44@tut.by

The author presents theoretical views and experimental results, which question M. Seligman's statement concerning the necessity of a person's attachment to something outer and bigger than herself in order to achieve meaning in life. In the frame of the author's theoretic conception, meaning is achieved with the help of realization of something inner, smaller and higher, not bigger and outer. Numerous positive correlations between the «meaning» and the «egoism» constructs are much stronger than between meaning and altruism. The results obtained demonstrate the preferable possibility for a person to construct meaning which is based on her own inner potential (the ideal part of self) and its realization.

Key words: meaning, egoism, altruism, happiness, systemic approach.

References

1. Seligman M. Flourish. New York, 2011. 354 p. (in English).
2. Levit L. Z. *Unikal'nyy potentsial, samorealizatsiya, schast'e* (Unique potential, self-realization, happiness). Saarbrucken, 2013. 482 p. (in Russian).
3. Levit L. Z. *Chto zhe takoe schast'e: opyt trekh issledovaniy* (What is happiness: experience of three researches). *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* (Pedagogical Education in Russia), 2014, iss. 4, pp. 139–148 (in Russian).
4. Levit L. Z. Meaning and Egoism: Are the Notions Compatible? *International Journal of Social Science Research*, 2014, vol. 2, iss. 1, pp. 102–112 (in English).
5. Levit L. Z. Personal uniqueness therapy: living with an inner ideal. *American Journal of Applied Psychology*. January 2014, vol. 3, iss. 1, pp. 1–7 (in English).

правлений (психологи, психофизиологи) при исследовании интуитивных феноменов. В качестве подходов к изучению интуиции предложены междисциплинарный и интраиндивидуальный подходы.

Ключевые слова: интуиция, когнитивные процессы, «прямое знание», междисциплинарный, интраиндивидуальный подходы.

Введение

Работа интуиции тесно связывается с представлением о возможности получения важного, жизненно ценного знания, позволяющего в

нужное время принять правильное решение, избежать опасности, сохранить жизнь. При этом интуиционные феномены являются одними из наименее объясненных.

Теоретический анализ проблемы

В академической науке термином интуиция обозначаются феномены, различные по своим механизмам зарождения и реализации. Отчетливо выделяется два основных теоретических взгляда на интуицию. Первый описывает её как способ обработки информации, получаемой из накопленного жизненного опыта посредством мыслительных операций. Фактически интуиция в рамках данного подхода – это особая форма мышления, где решение задачи осуществляется без достаточно отрефлексированного и осознанного анализа. Яркими представителями этого направления в представлениях об интуиции выступают А. Tversky, D. Kahneman [1], описывающие механизм ее работы через эвристики, Я. А. Пономарев [2], показавший роль «подсказок» как аналога прошлого опыта для успешности работы интуиции, D. Berry, D. Broadbent [3], продемонстрировавшие эксперименты, аналогичные исследованиям Я. А. Пономарева, на материале компьютерных игр, Е. А. Науменко [4], выделивший общение и внутреннюю речь как механизмы интуиции, описывая вполне рациональные способы обработки информации, поступившие к человеку от органов чувств.

Однако в рамках данного подхода совершенно не объяснимы случаи, когда человек получает принципиально недоступную органам чувств и способам анализа информацию благодаря явлениям, условно обозначаемым как «вещи сны», «дальновидение» (знание о событиях, происходящих на значительном удалении от человека и принципиально недоступных его органам чувств), «предвидение» (знание о будущих, еще не совершившихся событиях). В традиционном понимании источник этой информации принципиально удален и не доступен восприятию, зачастую отсутствует причинная связь таких событий с настоящими или наблюдаются чрезвычайные символические совпадения явлений психической жизни и физической реальности (синхроничность, по К. Г. Юнгу). Такого рода необъяснимые факты накапливаются в наблюдениях уже давно, традиционно их относят к паранормальным феноменам, однако всё чаще они попадают в область исследований академической науки. Примером тому могут служить исследования R. McCraty [5], P. Tressoldi, D. Radin [6], выполненные в соответствии с требованиями воспроизводимости, операционности, значимости.

R. McCraty в исследованиях связи сердечной и мозговой деятельности показал, что соответ-

ствующие психофизиологические корреляты опережающее реагируют на событие еще до того, как оно произойдет. В исследованиях P. Tressoldi исследованы эффекты проскопии (предвидения), опережающего восприятия с учетом влияния значимых, напряженных событий в жизни человека. D. Radin описывает физическое явление «квантовой запутанности» как механизм интуиции, предполагая, что именно оно обеспечивает связь сознаний людей друг с другом. Эти исследования показывают, что механизм функционирования интуиции необходимо искать, выходя на междисциплинарные исследования, опираясь на базовые, фундаментальные законы физики, биологии и других наук.

Существование этих двух подходов демонстрирует терминологическую запутанность понятия «интуиция». Под одним и тем же термином фактически подразумеваются разные по механизму функционирования феномены. С одной стороны, интуиция – процесс переработки информации, полученной в ходе жизненного опыта, через органы чувств от непосредственно, физически локально (в зоне восприятия) действующих стимулов. Этот механизм познания обобщает накопленный опыт (осознаваемый и неосознаваемый), источник этого опыта можно отследить и логически объяснить. С другой стороны – интуиция интерпретируется как «прямое чувствознание», необъяснимое с точки зрения традиционных, рациональных, логических представлений, вне известных способов восприятия и коммуникации, механизм переработки информации о физически нелокальных (принципиально не доступных органам чувств), личностно и/или биологически значимых событиях посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности, поведения.

Таким образом, термин один и тот же, а содержание этих феноменов принципиально разное. Этим может быть обусловлена путаница в теоретических представлениях о природе функционирования и методических подходах к исследованию интуиции. Так что же такое интуиция? Каким образом можно развести разное содержание устоявшегося термина?

Вопрос о механизме работы интуиции, объяснения природы интуиционных феноменов в рамках традиционных академических требований воспроизводимости, операционности, статистической значимости до сих пор не решен, но именно сейчас может и должен получить решающий импульс к своему разрешению.

Во-первых, в современный период развития науки глобализация и информатизация исследований позволяют с использованием компьютерных и информационных технологий, психофизиологических и психологических ме-

тодик организовывать и проводить стандартизированные исследования. Тем самым обеспечивается накопление большого массива достоверных данных с соблюдением канонов, принятых не только в психологических исследованиях, но и в доказательной медицине и даже в физическом статистическом эксперименте.

Во-вторых, достижения таких наук, как физика, кибернетика, системный анализ, гносеология, физиология, психология и другие направления формируют новые горизонты научного мировоззрения и научную парадигму, в рамках которых психические феномены рассматриваются как предмет изучения не только психологии, философии, но и традиционных фундаментальных наук, таких как физика и биология. Именно в этом междисциплинарном контексте возможно установление природы интуиции и особенностей ее функционирования.

В-третьих, в уже проведенных исследованиях [4] было показано, что интуиция является фактором эффективной профессиональной деятельности. Особенно роль интуиции оказывается велика в условиях информационной перегрузки или дефицита времени и информации, многофакторности, многозадачности и слабой структурированности, экстремальности профессиональных задач, необходимости прогнозирования чрезвычайных, внештатных ситуаций. Увеличивается число профессий, обладающих такими характеристиками, количество экстремальных, внештатных ситуаций, связанных с риском для жизни и здоровья людей. Следовательно, возможности тренировать интуицию и управлять ею, особенно у специалистов, отвечающих за безопасность, позволили бы прогнозировать и предотвращать разного рода катастрофы, минимизировать их последствия.

Заключение

Таким образом, в настоящий момент значительно расширились возможности для исследования интуитивных феноменов, появилась общенаучная методологическая база для постижения и интерпретации результатов, в связи с информационной перегрузкой возросла роль интуиции в деятельности.

Библиографический список

1. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журн. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.
2. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976. 303 с.
3. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems // *Complex problem solving* / Eds. P. Frensch, J. Funke. 1995. P. 131 – 150.
4. Науменко Е. А., Васильева И. В. Интуитивные основы эффективной деятельности следователей. Тюмень, 2008. 203 с.
5. McCraty R. Influence of cardiac afferent input on heart-brain synchronization and cognitive performance // *International Journal of Psychophysiology*, 2002, vol. 45 (1–2), pp. 72–73.
6. Mossbridge J. A., Tressoldi P., Utts J., Ives J. A., Radin D., Jonas W. B. Predicting the unpredictable: critical analysis and practical implications of predictive anticipatory activity // *Frontiers in Human Neuroscience*, 2014, no. 8. Available at: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fnhum.2014.00146/full/> (accessed 25 September 2014).

Theoretical Contradictions in the Defining the Phenomenon of Intuition

Inna V. Vasilieva

Tyumen State University
10, Semakova str., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: innaeng@mail.ru

The article describes theoretical inconsistencies in defining the psychological mechanisms of intuition. The research points out the approach that regards intuition as a complex functioning, and the other cognitive process considering intuition as the means to obtain «direct knowledge», which is beyond the rationally explicable availability of information. The authors outline the difficulties professionals of different areas face in the course of studying intuitional phenomena (psychologists, psycho-physiologists).

Key words: intuition, cognitive processes, «direct knowledge», interdisciplinary, intra-individual approaches.

References

1. Kahneman D., Tversky A. Racionalnyi vibor, cennosty, freimy (Rational choice, values and frames). *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 2003. Vol. 24, no. 4. pp. 31–42 (in Russian).
2. Ponomarev J. A. *Psikhologiya tvorchestva (Psychology of creativity)*. Moscow, 1976. 303 p. (in Russian).
3. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems. *Complex problem solving*. Eds. P. Frensch, J. Funke. 1995, pp. 131–150.
4. Naumenko E. A., Vasil'eva I. V. *Intuitsionnye osnovy effektivnoy deyatel'nosti sledovateley* (Intuitional basics of investigators' effective activity). Tyumen', 2008. 203 p. (in Russian).
5. McCraty R. Influence of cardiac afferent input on heart-brain synchronization and cognitive performance. *International Journal of Psychophysiology*, 2002, vol. 45 (1–2), pp. 72–73.
6. Mossbridge J. A., Tressoldi P., Utts J., Ives J. A., Radin D., Jonas W. B. Predicting the unpredictable: critical analysis and practical implications of predictive anticipatory activity. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2014, no. 8. Available at: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fnhum.2014.00146/full/> (accessed 25 September 2014).

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 159.9.072.432

СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫЕ НОРМЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА

О. В. Курышева

Курышева Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Волгоградский государственный университет, Россия
E-mail: o.kuryшева@yandex.ru

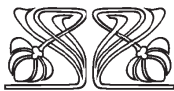
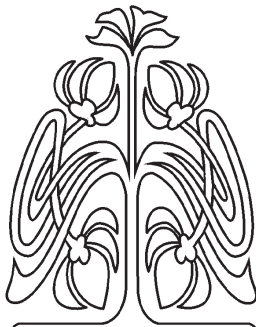
Обоснована необходимость интеграции социально-психологического и возрастного подходов к феномену возрастных норм. Предложено ввести понятие «социально-возрастные нормы», которые определяются как сконструированные в ходе социального взаимодействия и осознаваемые репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе, способствующие удовлетворению потребности в социальной и самоэффективности. Для его верификации проведено эмпирическое исследование. Результаты доказывают, что в сознании респондентов существуют социальные репрезентации о нормативном поведении людей определенного возраста. Их содержанием являются представления о значимых жизненных событиях, задачах и социальных действиях, достижениях и ценностях, а также психологических характеристиках, которым должен соответствовать типичный представитель определенной возрастной группы; они могут быть определены как комплексы социально-возрастных норм.

Ключевые слова: возрастные нормы, социально-возрастные нормы, социальные репрезентации, возрастная группа, период взрослости.

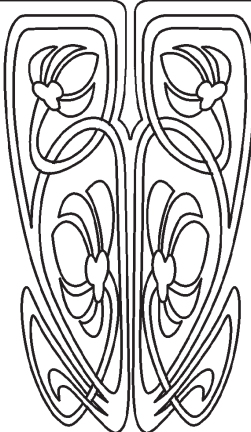
Введение

Проблема определения нормативных характеристик социального развития традиционно вызывает повышенный интерес. Смещение научных акцентов от психических и интеллектуальных стандартов в сторону выявления социальных и социально-психологических нормативов отражает возрастающую актуальность социального измерения возраста, который все чаще рассматривается как «социальный проект» (Э. Гидденс), конструируемый в повседневных социальных реалиях.

Современная социальная ситуация характеризуется кардинальными переменами, сопряженными с изменением привычного структурирования жизненного курса, размыванием традиционных жизненных траекторий, вариативностью ряда жизненных событий и времени их наступления. Всё отчетливее наблюдается явление «дестандартизации» жизненного пути, когда большое количество людей отклоняется от типичного жизненного расписания [1]. Это приводит к необходимости пересмотра содержания и значения существующих задач развития и возрастных норм, установления новых событийных маркеров, релевантных современному российскому контексту. Особую актуальность это приобретает в период взрослости. Являясь центральным для решения большинства жизненных задач, этот возрастной период оказывается наиболее уязвимым к различного рода трансформациям и коллизиям современного жизненного пути.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В связи с этим возникает необходимость поиска новых линий теоретизирования и эмпирического наполнения категории «возрастные нормы».

Теоретический анализ проблемы

В современной психологии категория «возрастные нормы» существует в двух научных пространствах и, соответственно, в двух значениях. Первое – традиционное для отечественной психологии – связано с психологией развития и возрастной психологией. Под возрастными нормами понимается «средний возраст, в котором ожидается достижение конкретных результатов», или, другими словами, среднестатистические показатели, которые характерны для человека определенного возраста [2, с. 146]. Совокупность возрастных норм для определенного возрастного этапа представляет собой индивидуально-психологический портрет человека определенного возраста, конкретизированный относительно основных сфер психологического развития. Применительно к социальной сфере такая конкретизация включает определение нормативов социального поведения и развития относительно каждого возрастного этапа. Например, это специфика общения со взрослыми и сверстниками в детские периоды или решение возрастных задач в профессиональной или семейной сфере во взрослых возрастах.

Ограничения этого подхода заключаются в том, что большинство существующих возрастных норм разработано в первой половине XX в. в рамках периодизаций психического развития и не отвечает современным социокультурным реалиям. Нормы рассматривались как унифицированные и неизменные стандарты, отражающие инвариантные этапы развития. Основной упор в их разработке был сделан на нормах психического развития, поскольку термин «онтогенетическое развитие» предполагает приоритет психических и личностных характеристик; социализация и соответствующие социальные нормы оказались менее замеченными.

Второе научное пространство реализации категории возрастных норм – пространство социальной психологии. В этом контексте в самом общем виде возрастные нормы понимаются как «идеи и ожидания, разделяемые членами данной культуры, о том, как следует себя вести человеку определенного возраста» [3, с. 84]. Недостатками этого подхода является слабая понятийная разработанность категории возрастных норм, заметный социологический уклон существующих работ, практически полное отсутствие эмпирических исследований в российской науке.

На наш взгляд, целесообразной является идея интеграции этих понятий, поиск точек пересечения их содержания и значений. Для ее

реализации нами вводится понятие «социально-возрастные нормы». В качестве рабочего будем использовать следующее определение: социально-возрастные нормы – это сконструированные в ходе социального взаимодействия и осознаваемые репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе, способствующие удовлетворению потребности в социальной и самоэффективности. Они отражают социальные ожидания и предписания относительно поведения людей определенного возраста и являются предметом санкций в случае их невыполнения.

Выборка, методики и методы исследования

Для верификации исходного определения социально-возрастных норм проведено эмпирическое исследование. В качестве исследовательской гипотезы выдвинуто следующее положение: в сознании людей разных возрастных групп существуют социально разделяемые репрезентации установок, моделей поведения и ценностей относительно поведения людей определенного возраста, которые могут быть поняты как социально-возрастные нормы. Они имеют социально разделяемый характер и являются комплексом норм, связанных с определенным возрастным этапом.

На первом этапе исследования респондентам в свободной форме предлагалось ответить на вопрос: Что, по Вашему мнению, должен делать человек в период ранней взрослости (20–35 лет), в зрелом возрасте (40–50 лет) и в пожилом возрасте (60 лет и старше), чтобы соответствовать своему возрасту?

Выборку испытуемых составили 150 респондентов – 50 человек в возрасте 20–28 лет (период ранней взрослости), 50 человек в возрасте 38–49 лет (период средней взрослости) и 50 человек в возрасте 60–73 года (период поздней взрослости). Полученные результаты были обработаны с помощью контент-анализа. После обобщения данные были внесены в первичную матрицу результатов и обработаны с помощью программы SPSS Statistic 17.0. Применялись методы описательной статистики.

На втором этапе проведено глубинное полуструктурированное интервью. Центральным исследовательским являлся вопрос: Существуют ли в сознании респондентов связанные с возрастом социальные нормы, и если «да», то каковы их содержание и основные характеристики? Выборку испытуемых составил 21 человек: 7 человек в возрасте 20–28 лет (период ранней взрослости), 7 человек в возрасте 38–45 лет (период средней взрослости) и 7 человек в возрасте 60–73 (период поздней взрослости). Полученные видеоматериалы были транскрибированы и обработаны с

помощью качественных методов: применялись феноменологическое описание, техника конденсации смысла [4, с. 224–236].

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования показывают, что в сознании респондентов всех возрастных групп каждый жизненный этап – возраст – связан с набором предписаний относительно социальных действий, ценностей и психологических качеств, а также основных жизненных событий, которые должны происходить в жизни человека определенного возраста. В частности, в период ранней взрослости человек должен: создать семью (87%), родить и воспитывать детей (84%), работать (75%), найти любимого человека и строить с ним отношения (65%), помогать родителям (55%), развиваться (48%), иметь много друзей и знакомых (47%), быть привлекательным внешне (38%). К событиям, которые должны произойти в этот период, относятся окончание вуза (20,6%), вступление в законный брак (17,7%), рождение детей (12,9%) и создание семьи (12,1%).

Подтверждением этого являются следующие высказывания: «До 30 лет у человека должна быть найдена любимая и хорошо оплачиваемая работа. Ну и семья» (Ж., 37 лет). Важным для этого периода, по мнению респондентов, является самоопределение, осознание своих целей и потребностей: «Должно быть уже чёткое понимание того, чего ты хочешь. Это касается семьи и профессии. И вообще каких-то своих взглядов – уже что-то должно сформироваться такое, что непоколебимо будет для тебя» (Ж., 25 лет).

Возраст тридцати лет рассматривается респондентами как время подведения первых итогов взрослости, когда должны быть решены задачи начала профессиональной деятельности и создания семьи. В целом период ранней взрослости респондентами всех возрастных групп характеризуется большим количеством событий и актуальных задач, которые имеют прескриптивный характер и обязательны для исполнения в определенный временной интервал.

Для средней взрослости также характерен комплекс норм, однако их событийная составляющая гораздо беднее, чем на предыдущем этапе. В качестве ключевых событий респонденты выделяют такие, как путешествия (26,7%), поступление ребенка в вуз (17,7%), повышение в должности (17,3%), а основными задачами считают профессиональную деятельность (13,4%), семейную жизнь (8,9%) и помощь взрослым детям (7,9). Однако, в отличие от ранней взрослости, они не имеют ярко выраженного прескриптивного характера. В то же время на первый план выходит социально-психологическая составляющая «портрета возраста» – определенные социальные

достижения и психологические характеристики: среди них – быть профессионалом своего дела (52%), достичь материального благополучия и иметь стабильный доход (45%), хорошо выглядеть (44%), быть уважаемым человеком (42%), иметь высокий социальный статус (39%). Подтверждением этого являются следующие высказывания: «До 40 лет надо настолько максимально выложиться в плане приобретения опыта и расширения своих знаний, чтобы можно было сказать: да, вот этот человек – хороший профессионал, хороший специалист, я его могу порекомендовать друзьям или знакомым» (М., 30 лет).

В представлении респондентов 40 лет – это некая точка, относительно которой измеряются жизненные успехи и достижения, а также соответствие нормативным ожиданиям: «В 40 лет должны быть дети, должна быть семья уже в это время. Должно быть всё стабильно и хорошо. Уже не надо метаться куда-то. Если ты там красишь волосы в зелёный цвет и отправляешься на какой-нибудь фестиваль рокеров в 40 лет, ты – неудачник, ты не понимаешь, что ты делаешь, ты ищешь себя, а себя надо было давно найти» (М., 30 лет).

Возраст сорока лет имеет также нормативное значение как период подведения итогов. В отличие от тридцати лет, относительно которых это тоже утверждается, здесь сильнее акцентированы социальные достижения и психологическая состоятельность, а также высокий уровень значимости этого периода: «К сорока годам у тебя есть уже социальный капитал, который ты можешь конвертировать, т. е. у тебя уже есть друзья и связи, навыки, ты уже какой-то там профессионал, у тебя уже должно быть больше дохода от твоих мозгов, и этот доход надо как-то направлять в нужное русло, у тебя должны быть квартира, собственная, машина...» (М., 30 лет).

Далее «предпенсионное» десятилетие включает в себя отделение детей от родительской семьи, а также дальнейший карьерный рост. Многие респонденты считают, что в этот период «можно уже время посвятить своим каким-то целям, а не только жить жизнью детей... Освобождается время на какие-то увлечения, на хобби, на карьеру или на взаимоотношения с супругом» (М., 40 лет). Однако в сознании респондентов этот период связан не столько с нормами, сколько с возможными неожиданностями: «Это переломный момент – дети взрослые, такой синдром пустого гнезда, бес в ребро, всё что угодно... Это как раз очень опасное, на мой взгляд, время, от сорока до пятидесяти, когда, действительно, или твоя вторая половина тебя подведёт и ей захочется чего-то нового, или она тебя переросла, или ты её перерос... Опасный момент, как в футболе, когда тебя могут обогнать молодые...» (Ж., 48 лет). В целом период средней взрослости связан не столько с событийными, сколько с ролевыми,

преимущественно профессиональными нормами, а также с нормами в сфере достижений и развития.

Период поздней зрелости представлен в сознании респондентов довольно узким кругом жизненных событий и задач, традиционно относящихся к пожилому возрасту. Чтобы соответствовать возрасту, в период поздней зрелости необходимо: воспитывать внуков (94%), передавать опыт молодому поколению (63%), помогать детям (59%), иметь хобби или любимое дело (57%), следить за своим здоровьем (51%) и любить жизнь (49%).

Многие респонденты отмечают, что для этого периода характерна «проблема большого количества времени, которое надо чем-то заполнять, т. е. это абсолютно новый образ жизни, к которому надо адаптироваться. И вот, наверное, удовлетворённость жизнью зависит от того, как человек эту задачу решает. Здесь задача после выхода на пенсию – грамотно организовать свою жизнь» (Ж., 30 лет). В то же время сам факт долголетия оценивается как достижение: «Если тебе 70 лет, и ты всё ещё жив, значит у тебя всё здорово, у тебя хорошее здоровье, потому что в нашей стране продолжительность жизни довольно небольшая; ты – хорошая бабушка или дедушка хороший, ты о них заботаешься, ты им передаёшь какой-то свой опыт» (Ж., 42 года). В целом поздняя зрелость представлена наиболее узким набором социально-возрастных норм, среди которых приоритетную позицию занимают психологические характеристики и ценности – здоровье, жизнелюбие, удовлетворённость жизнью.

Кроме событий, задач и социальных действий, которые рассматриваются респондентами как нормы применительно к конкретному жизненному периоду, в интервью много внимания уделяется «сквозным» темам – ценностям, которые являются константами на протяжении всей жизни. Это такие ценности, как опыт, активность, жизнелюбие, дружба, забота о других, развитие: «Это всю жизнь должно быть – человек должен уметь находить для себя источники радости. Когда ты что-то видишь хорошее – ты потом живёшь под впечатлением. А если человек злом переполнен, он начинает это на людей выливать, а это не есть хорошо» (Ж., 64 года).

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что в сознании респондентов существуют социальные репрезентации нормативного поведения людей определенного возраста. Их содержанием являются представления о значимых жизненных событиях, задачах и социальных действиях, достижениях и ценностях, а также психологических характеристиках, которым должен соответствовать типичный представитель

определенной возрастной группы. Они могут быть определены как комплексы социально-возрастных норм, присущие определенной возрастной группе. Выявленные комплексы социально-возрастных норм носят социально разделяемый характер, т. е., с одной стороны, являются унифицированным набором социально-возрастных предписаний для каждого этапа жизненного пути, в общих чертах одинаково понимаемых представителями всех возрастных групп; с другой стороны, имеют специфические характеристики и более детализированы относительно своей возрастной группы, а также отражают социокультурный контекст и когортную специфику.

Социально-возрастные нормы относятся как к типичному представителю возрастной группы (ранняя, средняя и поздняя зрелость), так и к определенному временному интервалу жизненного пути. В период зрелости социально-возрастные нормы связаны с «круглыми» датами и отражают нормативные ожидания и предписания для людей тридцати, сорока, пятидесяти и шестидесяти лет.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00326).

Библиографический список

1. Elchardus M., Smits W. The Persistence of the Standardized Life Cycle // *Time and Society*. 2006. Vol. 15. P. 303–326.
2. Ребер А. Большой толковый психологический словарь : в 2 т. Т. 1 (А–О). М., 2001. 584 с.
3. Morgan L. A., Kunkel S. R. *Aging, Society and the life course*. N.Y., 2011. 353 p.
4. Бусыгина Н. П. *Методология качественных исследований в психологии*. М., 2013. 304 с.

Socio and Age Norms: Construction of the Phenomenon

Olga V. Kuryшева

Volgograd State University
100, Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: o.kuryшева@yandex.ru

The article explains the necessity of integration of socio-psychological and age approaches to the phenomenon of age norms. It has been proposed to introduce the concept of «socio-age norms» that are defined as constructed in the course of social interaction and conscious representations of attitudes, behaviors, values, inherent in the specific age group to help meet the needs in social and self-efficiency. In order to verify it the empirical study has been implemented. The results prove that in the minds of the respondents there are social representations about normative behavior of people of a certain age. They contain the views about significant life events, tasks, and social actions, achievements and values, as well as psychological characteristics that should correspond to a typical representative of a specific age group. They can be defined as complexes of socio-age norms.

Key words: age norms, social-age norms, social representation, age group, adulthood.

References

1. Elchardus M., Smits W. The persistence of the standardized life cycle. *Time and Society*, 2006, vol. 15, pp. 303–326 (in English).
2. Reber A. *Bol'shoy tolkovyy psikhologicheskii slovar'*: v 2 t. T. 1 (A–O) (Big defining psychological dictionary: in 2 vol. Vol. 1 {A–O}). Moscow, 2001. 584 p. (in Russian).
3. Morgan L. A., Kunkel S. R. *Aging, Society and the life course*. New York, 2011. 353 p.
4. Busygina N. P. *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* (Methodology of qualitative studies at psychology). Moscow, 2013. 304 p. (in Russian).

УДК 159.9.072.432

ВЫЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ НОРМ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

А. Ю. Чернов, А. А. Змиевская

Чернов Александр Юрьевич – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, Волгоградский государственный университет, Россия
E-mail: achernov1@yandex.ru

Змиевская Анастасия Александровна – аспирант, кафедра психологии, Волгоградский государственный университет, Россия
E-mail: zmiievskaya.anastasia@gmail.com

Изложены результаты изучения социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных. Дается определение и перечень базовых функций социальных норм. Выборку эмпирического исследования составили представители трёх возрастных групп (по 7 человек в каждой, всего – 21 чел.): ранней взрослости (20–40 лет), средней взрослости (40–60 лет) и поздней взрослости (от 60 лет); метод исследования – полуструктурированное интервью. Предложена схема анализа данных, позволяющая выявлять содержание социально-возрастных норм, в особенности критериев, которые лежат в основе формирования норм. Описан круг основных социально-возрастных норм. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в психологическом консультировании, в том числе при разрешении возрастных и личностных кризисов.

Ключевые слова: социальные нормы, возрастные нормы, возраст, возрастная динамика норм, качественный анализ.

Введение

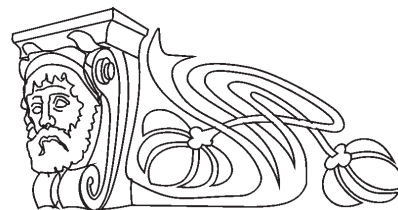
В психологии изучение социальных норм составляет часть обширного предметного поля исследований, связанных с проблемой социального влияния и конформности. Теоретическое разнообразие существующих подходов порождает дискуссии по поводу сущности норм и, следовательно, по поводу их дефиниции. С нашей точки зрения, целесообразно использовать определение норм с акцентом на их интрапсихические свойства; в этом случае они рассматриваются как репрезентации членами группы установок или способов поведения.

Целью данного исследования является анализ социально-возрастных норм, которые понимаются

нами как сконструированные в ходе социального взаимодействия и осознаваемые (осознанные) репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе, способствующие удовлетворению потребности в самооффективности и социальной эффективности (социального принятия). Для достижения поставленной цели используется интерпретационная схема анализа качественных данных (интервью).

Теоретический анализ проблемы

Нормы возникают в результате социальных обменов, в процессе социального и межличностного взаимодействий, выступают как сила, уравнивающая разнонаправленные векторы индивидуальных поведенческих стратегий. Как продукт социального конструирования нормы являются спонтанным, не планируемым заранее результатом социального взаимодействия. С. Vicchieri характеризует нормы как разновидность социальной «грамматики» [1]. Социальное взаимодействие осуществляется в соответствии с некоторыми правилами. Как и правила грамматики на письме и в речи, социальные нормы устанавливают, что приемлемо и что неприемлемо в обществе или в группе. В этой логике конформность по отношению к какому-то кластеру норм поддерживается побуждениями и мотивами самооффективности. Так же как человек, адекватно использующий грамматические правила, тот, кто использует нормы, наравне с другими участвует в социальном взаимодействии, а значит, переживает позитивные эмоции в связи с удовлетворением потребности в самооффективности. Открытая или латентная репрезентация самооффективности является условием осознанного выбора приверженности норме [2].

Среди базовых функций социальных норм можно обозначить следующие: увеличение уровня социальной стабильности (благополучия) и уменьшение роли случайных факторов; содействие оптимальному функционированию социальной группы (через существование норм честности, лояльности, взаимности и т.п.); альтернатива неформальному влиянию и т.д.

Выборка, методики и методы исследования

Выборку составили представители трёх возрастных групп (по 7 человек в каждой, всего – 21 чел.): ранней взрослости (20–40 лет), средней взрослости (40–60 лет) и поздней взрослости (от 60 лет); метод исследования – полуструктурированное интервью. Респонденты, главным образом, отвечали на вопрос: Какие задачи должен решать человек в данном возрасте (обсуждались три периода взрослости)? Анализ качественных данных проводился по представленной ниже схеме.

Результаты исследования и их обсуждение

В анализе текстов интервью было обнаружено три основных фактора, с позиции которых следует рассматривать нормы: контекстуальный (сфера социальной жизни); осознания наличия альтернатив; выбора нормативных ожиданий или нормативного поведения. Сочетание этих факторов позволяет установить некоторые социально-возрастные нормы.

Контекстуальный фактор (сфера социальной жизни): в интервью, говоря о задачах возраста, респонденты ограничиваются перечислением узкого круга задач в рамках нескольких сфер: работы, семьи, друзей, досуга. На исходный вопрос интервью о задачах, которые человек должен решать в том или ином возрасте, респонденты неизменно начинают называть сферы жизни, в которых эти задачи, по их мнению, могут быть понятно для них сформулированы: «Я так считаю, что первым делом, это получение образования. Затем – устройство на работу, обзаведение семьёй» (26 лет, женщина); «Желательно, чтобы человек работал по той специальности, которую он получил» (64 года, женщина); «Друзья должны появиться» (64 года, женщина).

Всего удастся идентифицировать несколько сфер жизни, которые называют респонденты: работу, учебу (получение образования), создание семьи, рождение детей, досуг, карьеру, пенсию, хобби, друзей. Одна из возможных интерпретаций этого факта заключается в использовании конструкта «экстрадискурсивные факторы». Респонденты подменяют трудное для них понятие «жизненные задачи» теми аспектами опыта разговорных практик, в которых они легко ориентируются. Под экстрадискурсивны-

ми факторами подразумеваются культурно обусловленные компоненты структуры организации социальной жизни [3].

Фактор осознания наличия альтернатив: в текстах интервью можно обнаружить «следы» перебора респондентами альтернатив. Явно или неявно, говоря о жизненных задачах разных периодов жизни, респонденты упоминают альтернативы, т.е. то, что, по их мнению, является более правильным, общепринятым, «нормальным». Иными словами, они осознанно пользуются «грамматикой норм», совершают выбор между правильным и неправильным «правописанием»: «...он должен получить высшее образование и начать пробовать работать» (30 лет, женщина): подразумевается, что есть альтернатива: получить высшее образование или не получать. Получение высшего образования – правильный выбор; «В 25 желательно родить первого ребенка, по крайней мере, до 30 лет. Поэтому если это произойдет позже определения, то могут быть медицинские какие-нибудь неприятности» (30 лет, женщина): выбор: родить или не родить первого ребенка в 25–30 лет; правильно – родить.

Фактор выбора нормативных ожиданий или нормативного поведения. Очевидно, что выбор осуществляется в соответствии с определёнными критериями. Динамика возрастных норм проявляется в специфической области наиболее очевидных различий между критериями, опираясь на которые, респонденты выводят суждения о том, что нормативно, а что – нет. Таким образом, чтобы отследить искомое содержание и динамику норм, следует выявить связи между критериями, в соответствии с которыми человек определяет важные для себя нормы.

Применяя схему выявления критериев для сравнения двух объектов W. van Naaften [4], можно сказать, что, например, «получить высшее образование» (А) лучше, по мнению респондентов, чем остаться без него (Б), тогда $A > B$. Но $A > B$ не всегда, не «вообще», а только относительно какого-либо критерия (Кр). В случае использования критерия (Кр) А лучше (нормативнее), чем Б, или, более точно, $A > B/Кр$. Тогда Кр становится социально-возрастной нормой. Кр – это нормативный критерий, типичный для специфической сферы жизни (Ф) (Ф – это экстрадискурсивный фактор, например, сфера жизни, пол, возраст и т.п.). При этом необходимо иметь в виду некоторые следствия данного положения:

критерии могут изменяться от возраста к возрасту;

есть центральные и периферические критерии;

человек может (и делает это в интервью) от-рефлексировать критерии; с другой стороны, это задача исследователя, анализирующего тексты интервью;

если брать один и тот же критерий, то $A > B : \Phi$. Тогда это указывает на то, что наиболее типично для специфической сферы жизни (Φ). В этом смысле $\backslash Kp : \Phi$ устанавливает общую специфическую нормативность. $A > B \backslash Kp$ показывает динамику;

можно одновременно использовать два и больше критериев, тогда ($Kp1$ и $Kp2$) : Φ . Между этими критериями можно устанавливать отношения взаимодополнения, иерархии и т.д.;

возрастные изменения норм могут характеризоваться как: а) увеличение количества критериев; б) спецификация, конкретизация критерия (например, уточнение смысла или содержания критериев, используемых в разных возрастах); в) замена одного критерия на другой в одной и той же сфере;

критерии могут быть релевантны или иррелевантны конкретной сфере;

критерии могут «мутировать» или заменяться другими.

Созданную схему можно применить к фрагментам некоторых интервью. Рассмотрим следующий отрывок: «Я так считаю, что первым делом, это получение образования. Затем – устройство на работу, обзаведение семьей, это главная цель для меня. Хотя типичный на современный лад человек, скорее всего, может всё это и отодвинуть подальше. Сначала – работа, развлечения, такое всё. В 20 лет что ещё надо, собственно говоря. Ну а потом уже серьёзно... бытовуха поперла» (26 лет, женщина). Здесь можно увидеть экстрадискурсивные факторы: респондент в контексте жизненных задач упоминает разные сферы жизни: образовательную, работы, семьи ($\Phi1$ – сфера образования, $\Phi2$ – сфера работы, $\Phi3$ – сфера семьи). В каждой из этих сфер респондент предполагает совершить какое-то действие: «получить образование», «устроиться на работу», «обзавестись семьей», с другой стороны, есть альтернатива – «развлечения». При этом, по мнению респондента, получить образование, устроиться на работу, обзавестись семьей все-таки «серьезней», чем «развлечения» ($A1 > B$; $A2 > B$; $A3 > B$).

В соответствии с используемой для анализа схемой возникает вопрос о критерии, который респондент использует для сравнения «А» и «Б». В данном случае есть два критерия: респондент говорит о том, что «получение образования, устройство на работу, обзаведение семьей» – «это главная цель для меня», т.е. $A1 > B$ цель; $A2 > B$ цель; $A3 > B$ цель. Получить образование, устроиться на работу, обзавестись семьей не просто лучше «развлечения», а потому, что эти действия телеологичны, являются целью (Π), к которой стремится человек, или подразумевают, что их совершение позволит достичь какой-то цели. С другой стороны, есть материальный критерий

– «бытовуха поперла», т.е. $A1, A2, A3$ «лучше» B , так как помогают справиться с бытовыми, материальными вызовами (M).

Таким образом, формула в целом будет выглядеть следующим образом: $A1 > B$ потому, что A предполагает наличие цели или само является целью (Π) : $\Phi1$ (в сфере образования). Убирая сравнение, можно получить норму: в сфере образования нужно иметь цель. То, что речь идет о возрасте 20–30 лет, делает эту норму возрастной. $A1 > B$ потому, что $A1$ позволяет подготовиться к решению бытовых (материальных) проблем: $\Phi1$ (в сфере образования). Таким образом, нормой будет: чтобы подготовиться к решению бытовых (материальных) проблем, нужно получить образование.

Сходным образом проанализируем другой фрагмент интервью с респондентом старшей возрастной группы: «В 20 лет человек должен закончить школу и думать о дальнейшей своей жизни, значит, надо получать образование, чтобы строить своё будущее. В 23–24 человек уже заканчивает вуз и начинается наработка опыта... пока свежи у человека знания, чтобы он их начал применять и понёс по жизни. Желательно, чтобы человек работал по той специальности, которую он получил. Это как у меня было – хотела после учёбы устроиться в музыкальную школу, но там не было места. Пришлось, чтобы время не терять, устроиться в детский сад» (64 года, женщина).

Экстрадискурсивным фактором (Φ) здесь также является сфера образования. Действия, которые должен совершить человек в этом возрасте, – «закончить школу», «получать образование». Снова можно сказать, что имплицитно присутствует сравнение: A (получать образование) лучше B (остаться необразованным). Говоря о том, почему $A > B$, респондент упоминает следующее: «думать о дальнейшей своей жизни», «строить своё будущее», «начинается наработка опыта», «[знания] начал применять и понёс по жизни», «время не терять». Здесь появляется категория времени. Эти высказывания можно проинтерпретировать как один критерий ($A > B$), потому что есть будущее, есть время впереди, которое нельзя терять и о котором надо заботиться. Условно этот критерий можно назвать «темпоральным». Таким образом, получаем норму: «в возрасте 20–30 лет человек должен заботиться о том, чтобы обеспечить свое будущее».

Сравнивая нормы в сфере образования у респондента 26 лет (первый фрагмент) и у респондента 64 лет (второй фрагмент), можно заметить следующее: в первом случае наблюдается наличие телеологической нормы, она связана с целью и целеполаганием в сфере образования; во втором случае акцент переносится на временной фактор, речь идет о будущем человека, которому «сейчас» 20–30 лет. Это – темпоральная норма.

Таким образом, характеризуя возрастной аспект, или возрастную динамику норм, можно сказать, что: 1) обе нормы релевантны сфере жизни (сфере образования); 2) изменение нормы происходит путем замены одной (телеологической) на другую (темпоральную); 3) изменяется содержание нормы.

Продолжая подобный анализ текстов, можно прийти к определению некоего круга норм:

темпоральные нормы – это репрезентации социально (культурно) одобряемого и принимаемого хронологического порядка наступления жизненных событий. Эти нормы имеют программирующую функцию – они задают порядок действий: время окончания учебы, начала профессиональной деятельности, вступления в брак, рождения первого ребенка и т.д.;

телеологические нормы – это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых достижений в области образовательного, профессионального (карьерного), семейного статуса. Этим нормам можно приписать терминальную функцию, т.е. они маркируют границу перехода от одного качества социальной ситуации личности к другому (от «бессемейного» к «семейному», от «обучающегося» к «работающему» и т.п.);

норма социальной и личностной идентификации – репрезентация социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов (схем) соотношения социально-психологических и индивидуально личностных свойств со свойствами референтной группы. Здесь проявляется компаративная функция, которая обеспечивает выбор надлежащих с точки зрения группы членства качеств и поведения;

нормы саморазвития – это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых тенденций личностного роста и самосовершенствования. Они выполняют рефлексивную функцию, позволяющую осознанно планировать наступление жизненных событий и оценивать их с точки зрения проявления субъектности личности;

нормы социальной коммуникации – репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Эта норма имеет функцию регуляции социальных отношений;

нормы стиля жизни – репрезентации социально (культурно) одобряемых и разделяемых образцов отношения к жизни, к жизненным событиям в целом. Здесь проявляется стабилизирующая функция норм, способствующая уменьшению влияния на жизненные события случайных факторов;

полорольевые нормы – репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов мужского или женского поведения. Они выполняют функцию регуляции социальных отношений.

Заключение

Таким образом, среди разных возрастных групп изменяются не столько содержательные характеристики норм (сами нормы могут и не изменяться), сколько качественно изменяются формы репрезентации норм. Это можно пояснить следующим образом: каждый возраст характеризуется набором норм (нормативной концептуализацией: какие нормы, каких сфер жизни они касаются, какие из них главные, какие на периферии и т.д.). Эта концептуализация содержит результаты нормативных оценок, суждений, которые выносятся на основе нормативных критериев. Следовательно, появление набора норм происходит как бы на двух разных уровнях: 1) содержания норм; 2) выработки критериев для определения и уточнения этого содержания. Изменения в системе норм происходят как изменения в уровне конформности к выработанным и принятым критериям: то, что «правильно», «нормативно» диктуется принятым критерием.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00326).

Библиографический список

1. *Bicchieri C.* The grammar of society : the nature and dynamics of social norms. N.Y., 2006. 260 p.
2. *Янчук В. А.* Концептуальные основания проблемы отклоняющегося поведения : социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива : материалы II Междунар. заочной науч.-практ. конф. Владимир, 2011. С. 35–43.
3. *Willig C.* Discourse analysis and health psychology. Basingstoke, 2004. P. 155–169.
4. *van Haafien W.* Conceptual change and paradigm change: What's the difference? // Theory and Psychology. 2007. №17 (1). P. 59–85.

Social Age Norms Detection by Means of Qualitative Data Analysis

Alexander U. Chernov

Volgograd State University
100, Yniversitetskiy ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: achernov1@yandex.ru

Anastasia A. Zmievskaia

Volgograd State University
100, Yniversitetskiy ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: zmievskaia.anastasia@gmail.com

The article presents the results of social age norms study by means of qualitative data analysis. The authors suggest definition and the list of basic functions of social norms. Sample group of empirical research were represented by three age groups (7 people in each, total – 21 people.): early adulthood (20–40 years), middle adulthood (40–60 years),

and late adulthood (60 years and older). The method of investigation is a semistructured interview. The researchers provide the scheme of qualitative data analysis allowing to identify the contents of social age norms, and, in particular, to identify the criteria underlying the formation of norms. The results of investigation can be applied in psychological counseling, including the resolution of age and personal crises.

Key words: social norms, age norms, age, age norms dynamics, qualitative analysis.

References

1. Bicchieri C. *The Grammar of society: the nature and dynamics of social norms*. New York, 2006. 260 p. (in English).
2. Yanchuk V. A. *Kontseptual'nye osnovaniya problemy otklonyayushchegosya povedniya: sotsiokul'turno-interdeterministskaya dialogicheskaya perspektiva* (Conceptual foundations of deviant behavior problem: sociocultural-interdeterministic dialogic perspective). Materialy II Mezhdunarodnoy zaochnoy nauch.-prakt. konf. (Proceedings of II International extramural scientific and practical conference). Vladimir, 2011, pp. 35–43 (in Russian).
3. Willig C. *Discourse analysis and health psychology*. Basingstoke, 2004, pp. 155–169 (in English).
4. van Haaften W. Conceptual change and paradigm change: What's the difference? *Theory and Psychology*, 2007, no. 17 (1), pp. 59–85 (in English).

УДК 159.922.8, 159.923.3, 378

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

З. М. Ахметгалева

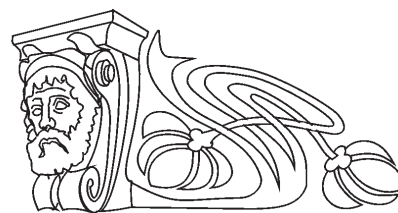
Ахметгалева Зульфия Мансуровна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Россия
E-mail: zula_a@inbox.ru

Изложены подходы к изучению креативности, связывающие ее с личностными чертами. Предложен список шестнадцати свойств, имеющих отношение к креативности. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на студенческой выборке (N = 93, от 18 до 33 лет; студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств, обучающихся на разных направлениях подготовки), с применением специально разработанного униполярного личностного семантического дифференциала. Установлены взаимосвязи креативности и продуктивности, индивидуализма, открытости новому опыту и настойчивости в представлении студентов вуза культуры и искусств. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в виде программ работы со студентами вуза культуры и искусств по расширению их представления о креативности и ее развитию.

Ключевые слова: креативность, теория личностных черт, имплицитная теория, личностный семантический дифференциал.

Введение

В современном обществе непрерывно возрастает значимость творческого потенциала личности. Зафиксированная в субъективной реальности модель креативности одновременно направляет поведение человека и служит опорой для оценки этого качества у других людей. Понимание того, какие личностные черты связаны в обыденном представлении с креативностью, может дать материал для обогащения научных знаний об этом феномене, а также для составления программ

работы со студентами вуза культуры и искусств по расширению их представления о креативности и ее развитию.

Теоретический анализ проблемы

В настоящее время существует огромное количество теорий креативности, по-разному определяющих этот феномен. Систематизацию концепций креативности можно найти в работах В. Н. Дружинина, Е. П. Ильина [1, 2]. Как правило, выделяется подход к изучению креативности, связывающий ее с личностными чертами (Д. Б. Богоявленской, А. Маслоу, К. Роджерса, М. Чиксентмихайи), о важной роли личностных черт также пишут Т. Амабиле, Т. Любарт, Р. Стернберг [3–7].

Т. Любарт называет шесть черт, которые, опираясь и на теоретические, и на эмпирические исследования, тесно связаны с креативностью: настойчивость, толерантность к неопределенности, открытость новому опыту, индивидуализм, склонность к риску, психотизм [6, с. 45]. В. Н. Дружинин, ссылаясь на А. Олах, называет черты, присущие творческим людям: независимость, открытость ума, высокая толерантность к неопределенности, развитое эстетическое чувство [1, с. 177], также он упоминает уверенность в своих способностях и силу характера, андрогинность, независимость в суждениях, самоуважение, предпочтение сложных задач, развитое чувство прекрасного, склонность к риску, внутреннюю мотивацию, стремление к порядку; ставит под сомнение взгляд гуманистических психологов, согласно которому творческой личности присущи эмоци-

ональная и социальная зрелость, адаптивность, уравновешенность, оптимизм [1, с. 177–178].

М. Чиксентмихайи провел крупномасштабное исследование креативности, в котором он и его помощники взяли интервью у девяноста выдающихся американцев. В результате он пришел к выводу, что творческих людей отличает комплексность, т.е. сочетание противоречащих друг другу крайностей. Он приводит десять пар противоположных черт, утверждая, что творческие люди способны на обе противоположности, в то время как обычные чаще всего склоняются к чему-то одному. Приведем дихотомии, выделенные М. Чиксентмихайи:

- 1) огромный запас физической энергии и спокойствие и расслабленность;
- 2) пронизательность, высокий общий интеллект и наивность, конвергентное и дивергентное мышление;
- 3) игра и дисциплина, ответственность и безответственность;
- 4) фантазия и здравый смысл;
- 5) экстраверсия и интроверсия, способность быть одному и способность активно общаться;
- 6) скромность и гордость, самокритичность и уверенность в успехе в любом деле;
- 7) сочетание мужских и женских черт, андрогинность;
- 8) консервативность и бунт, приверженность традиции и способность идти против правил;
- 9) страсть и объективность, вовлеченность и отстраненность;
- 10) открытость и чувствительность творческой личности, приносящие ей боль вместе с наслаждением от творческого процесса [4, с. 61–94].

Согласно Р. Стернбергу, огромный интерес представляют не только научные (эксплицитные), но и обыденные (имплицитные) теории интеллекта [8, с. 27]. Наряду с имплицитными теориями интеллекта существуют имплицитные теории креативности и имплицитные теории личности, которые задают системы координат, определяющие поведение людей, его оценку и предсказание. Реконструировать субъективные представления об интересующих исследователя феноменах позволяют психосемантические методы [9].

А. Н. Ворониным было проведено исследование с помощью метода репертуарных решеток Дж. Келли по выявлению имплицитных теорий креативности у людей, находящихся в различных условиях социального окружения. Были обнаружены отличия в представлениях о креативности у школьных учителей и представителей шоу-бизнеса, обусловленные влиянием привычной деятельности [8]. Нами также была предпринята попытка изучить обыденные знания о креативности у студентов творческих специальностей Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Поскольку использовались

«вызванные» конструкты, индивидуальные семантические пространства испытуемых были разнообразны и компоненты, входящие в единый фактор с креативностью, были индивидуальными. Тем не менее были выделены качества, наиболее часто сочетающиеся с креативностью: характеристики коммуникативной сферы (общительность), активность в достижении цели, психодинамические свойства, нравственные качества, необычность [10].

Обобщив вышеперечисленные работы, мы получили следующий перечень качеств, имеющих отношение к креативности:

- 1) адаптированность: хорошая приспособленность к текущим обстоятельствам, адекватность реакций;
- 2) высокая впечатлительность: обостренное восприятие, повышенная чувствительность к происходящему;
- 3) индивидуализм: предпочтение собственных идей, мнения, целей, уверенность в себе;
- 4) креативность: творческие способности;
- 5) настойчивость: склонность добиваться решения задачи, какой бы сложной она ни была;
- 6) «нестандартность»: своеобразность, чудачковатость, непонятность для окружающих.
- 7) нравственность: гуманизм, высокие моральные качества;
- 8) общительность: коммуникабельность, дружелюбие;
- 9) ориентация на коммерческий успех, внимание к материальному вознаграждению;
- 10) открытость новому опыту: готовность принять новые идеи и знания, любопытство;
- 11) предпочтение сложных задач простым;
- 12) продуктивность: результативность, наличие реальных достижений;
- 13) склонность к риску: готовность отказаться от имеющихся и уже проверенных решений в работе над задачей в пользу нового решения, несущего риски;
- 14) толерантность к неопределенности: спокойное отношение к неопределенным идеям, стимулам и ситуациям или стремление к ним;
- 15) чувство юмора: умение найти смешное в необычных ситуациях;
- 16) эстетические потребности: стремление к красоте, совершенству формы, гармонии.

Далее этот перечень был положен в основу изучения имплицитной теории креативности по принципу семантического дифференциала.

Выборка, методики и методы исследования

В исследовании приняли участие 93 студента различных направлений подготовки и всех курсов, кроме выпускного, Кемеровского государственного университета культуры и искусств, самых разных направлений подготовки. Участникам экс-

перимента предлагалось дать субъективную оценку выраженности перечисленных качеств у себя и одноклассников по пятибалльной шкале. Таким образом, мы получили униполярный личностный семантический дифференциал и могли применить по отношению к результатам опроса способы анализа данных, применяемые для семантических дифференциалов. Так, с целью выявления, какие качества из перечня связаны в представлении студентов вуза культуры и искусств с креативностью, мы рассчитали коэффициенты корреляций между качеством «креативность» и остальными пятнадцатью.

Для того, чтобы составить психологический портрет наших испытуемых, бралась во внимание их самооценка и подсчитывались средние групповые оценки (самооценка в этом случае не учитывалась) по каждому из шестнадцати вышеперечисленных качеств.

Результаты исследования и их обсуждение

При подсчете средней величины корреляции качества «креативность» с остальными было обнаружено, что в представлении испытуемых более, чем другие, связаны с креативностью *продуктивность* (среднее значение корреляции с креативностью $M = 0,52$), *индивидуализм* ($M = 0,46$), *открытость новому опыту* ($M = 0,46$), *настойчивость* ($M = 0,45$). Остальные характеристики также имеют положительные значения: склонность к риску ($M = 0,36$); общительность ($M = 0,34$); эстетические потребности ($M = 0,34$); адаптированность ($M = 0,31$); предпочтение сложных задач простым ($M = 0,27$); нравственность ($M = 0,26$); нестандартность ($M = 0,16$); ориентация на коммерческий успех ($M = 0,16$); толерантность к неопределенности ($M = 0,12$); чувство юмора ($M = 0,3$); высокая впечатлительность ($M = 0,1$).

На следующем этапе, опираясь на среднюю групповую оценку креативности, в каждой студенческой группе были выделены примерно по 15% испытуемых, получивших максимальную оценку этого качества. Иными словами, были выделены творческие лидеры групп. Далее мы сравнили показатели средней групповой оценки остальных качеств креативных лидеров и остальных участников эксперимента.

Испытуемые, оцененные остальными как более креативные, в восприятии одноклассников отличаются также большим индивидуализмом ($p < 0,018$), открытостью новому опыту ($p < 0,039$), продуктивностью ($p < 0,003$). При сравнении самооценки те, кто был остальными оценен как более креативный, считают себя более продуктивными ($p < 0,001$). Интересен тот факт, что самооценка креативности данных испытуемых выше, чем у остальных, но с уровнем значимости только $p < 0,036$.

Таким образом, результаты данного исследования свидетельствуют, что существует взаимосвязь креативности и продуктивности, индивидуализма, открытости новому опыту в представлении испытуемых и более высокая оценка по этим показателям участников эксперимента, оцененных остальными как более креативные. Настойчивость связана с креативностью в обыденном сознании, однако креативные лидеры не были оценены по ней более высоко, чем остальные. Кроме того, те, кого оценили как более креативных, не так выделяют свои творческие способности, как это делают окружающие.

Заключение

Исследование обыденного представления о креативности студентов вуза культуры и искусств показало, что далеко не все качества, описанные в психологической литературе как имеющие отношение к креативности, представлены в сознании наших испытуемых. Их понимание креативности близко к определению, данному Т. Любартом, как способности «создавать продукт, который обладает новизной и при этом соответствует контексту, в котором он находится» [6, с. 20]. Можно сказать, что они более ориентированы на результат, нежели на процесс творческой деятельности. При создании программ работы со студентами по расширению представления о креативности и ее развитию стоит обратить их внимание на такие качества, как впечатлительность, чувство юмора, толерантность к неопределенности, нестандартность и другие.

Библиографический список

1. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 2008. 368 с.
2. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2012. 448 с.
3. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М., 2002. 320 с.
4. Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. М., 2013. 528 с.
5. Amabile T. M. Componential theory of creativity // Harvard Business School Working Paper. April 2012. № 12-096. URL: <http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/12-096.pdf> (дата обращения: 10.02.2015).
6. Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М., 2009. 215 с.
7. Sternberg R. J. The assessment of creativity : An investment-based approach // Creativity Research Journal. 2012. Vol. 24, iss. 1. P. 3–12. URL: http://www4.ncsu.edu/~jlnietfe/Creativity_&_Critical_Thinking_Articles_files/Sternberg%20%282012%29.pdf (дата обращения: 10.02.2015).
8. Воронин А. Н. ИмPLICITные теории креативности при изменении параметров «окружающей среды» //

- Психология способностей : современное состояние и перспективы исследований : материалы науч. конф., посв. памяти В. Н. Дружинина. М., 2005. С. 26–30.
9. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М., 2008. 382 с.
10. Ахметгалева З. М. ИмPLICITная теория креативности у представителей творческих специальностей // Психологические исследования интеллекта и творчества : материалы науч. конф., посв. памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина. М., 2010. С. 113–116.

Implicit Theory of Creativity of University of Culture and Arts Students

Zulfia M. Akhmetgaleeva

Kemerovo State University of Culture and Arts
17, Voroshilova str., Kemerovo, 650029, Russia
E-mail: zula_a@inbox.ru

The article presents approaches to study creativeness that are connected to personal traits. The researchers suggest the list of traits related to creativity. The results of empirical research are shown that has been conducted on 93 students of Kemerovo University of Culture and Arts (aged from 18 to 33, studying different educational programs). Specially designed unipolar personality semantic differential has been applied. As a result the authors have revealed the correlation between creativity and productivity, individualism, openness to new experience and persistence in the mental representation of students of University of Culture and Arts. The results of study may be applied to design special programs for students of higher educational institution of culture and arts aimed at expanding their ideas of creativity and developing it.

Key words: creativity, personal traits theory, implicit theory, personal semantic differential.

References

1. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey* (Psychology of general abilities). St.-Petersburg, 2008. 368 p. (in Russian).
2. Il'in E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarenosti* (Psychology of creation, creativity, talent). St.-Petersburg, 2012. 448 p. (in Russian).
3. Bogoyavlenskaya D. B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey* (Psychology of creativity). Moscow, 2002. 320 p. (in Russian).
4. Chiksentmikhay M. *Kreativnost'. Potok i psikhologiya otkrytiy i izobreteniy* (Creativity. Flow and psychology of discovery and invention). Moscow, 2013. 528 p. (in Russian).
5. Amabile T. M. *Componential theory of creativity*. Harvard Business School Working Paper. April 2012, no. 12-096. Available at: <http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/12-096.pdf> (accessed 10 February 2015) (in English).
6. Lubart T., Mouchiroud C., Tordjman S., Zenasni F. *Psikhologiya kreativnosti* (Psychology of creativity). Moscow, 2009. 215 p. (in Russian).
7. Sternberg R. J. *The Assessment of Creativity: An Investment-Based Approach*. *Creativity Research Journal*, 2012, vol. 24, iss. 1, pp. 3–12. Available at: http://www4.ncsu.edu/~jlnietfe/Creativity_&_Critical_Thinking_Articles_files/Sternberg%20%282012%29.pdf (accessed 10 February 2015) (in English).
8. Voronin A. N. *Implitsitnye teorii kreativnosti pri izmenenii parametrov «okruzhayushchey sredy»* (Implicit theory of creativity under changing the «environment»). *Psikhologiya sposobnostey: sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy: materialy nauch. konf., posv. pamyati V. N. Druzhinina* (Current state and perspectives of researches: Proceedings of the scientific conference dedicated to V. N. Druzhinin). Moscow, 2005, pp. 26–30 (in Russian).
9. Serkin V. P. *Metody psikhologii sub'ektivnoy semantiki i psikhosemantiki* (Methods of psychology subjective semantics and psychosemantics). Moscow, 2008. 382 p. (in Russian).
10. Akhmetgaleeva Z. M. *Implitsitnaya teoriya kreativnosti u predstaviteley tvorcheskikh spetsial'nostey* (Arts representatives' implicit theory of creativity). *Psikhologicheskie issledovaniya intellekta i tvorchestva: materialy nauch. konferentsii, posv. pamyati Ya. A. Ponomareva i V. N. Druzhinina* (Psychological research of intellect and creativity: Proceedings of the scientific conference dedicated to Ya. A. Ponomarev & V. N. Druzhinin). Moscow, 2010, pp. 113–116 (in Russian).

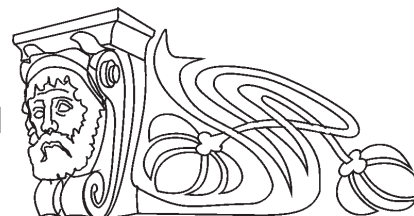
УДК 159.9.072.432

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

А. А. Акбарова

Акбарова Анастасия Азаматовна – соискатель, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-mail: Anastasia.akbarova@gmail.com

Изложены основные положения комплексной модели самоопределения. Показано, что социальная активность является важным как компонентом, так и индикатором социального самоопределения. В связи с этим представляется, что социальная активность явля-

ется необходимым феноменом для изучения при исследовании социального самоопределения. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на молодежной выборке (N = 100 чел., 18–30 лет), с применением диагностического инструментария: стандартизированной программы исследования социального самоопределения, разработанной А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко. Установлено, что социальная активность современной молодежи, в первую очередь,

ориентирована на удовлетворение потребностей своих и своей семьи. Мужчины больше ориентированы на активность, направленную на общественное благополучие, чем женщины, в то время как женщины больше стремятся реализовать себя в семье.

Ключевые слова: социальная активность, самоопределение, молодежь, сферы жизни, ценности.

Введение

Личность сталкивается с вопросом самоопределения на протяжении всей жизни, но наиболее остро этот вопрос стоит перед молодыми людьми. В научных исследованиях феномен самоопределения также не остался без внимания. Развитие данного научного направления состоит, прежде всего, в том, что психологи все чаще обращают внимание на малоизученные виды социального самоопределения – гражданское, политическое, правовое, нравственное, экономическое, культурное и др.

На данный момент в психологической науке не существует единого подхода к определению компонентов структуры самоопределения, отсутствуют и стандартизированные методики исследования данного феномена. Это относится практически ко всем видам самоопределения: личностному, жизненному, социальному, экономическому, политическому, этническому и др. Современное состояние теоретических и эмпирических исследований самоопределения предоставляет широкие возможности для дальнейшего наполнения и развития этого понятия.

Теоретический анализ проблемы

Феномен самоопределения личности, выделенный философами, главным образом экзистенциального направления, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание российских исследователей-психологов [1–3]. Наиболее представительным было и остается направление исследований профессионального самоопределения, которое являлось также предметом анализа в специальных социологических работах [4]. Под самоопределением понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу в целом, другим людям и самому себе, а также на основе собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний.

А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко говорят о необходимости выделить две основные совокупности его характеристик: содержательные и формально-динамические, если рассматривать самоопределение как процесс, состояние и

свойство субъекта (личности или группы) [1]. Авторами была разработана уровневая модель самоопределения в виде двухуровневой структуры, включающей относительно устойчивый «ценностно-нравственный стержень» и динамичную «оболочку», и предложено содержательное наполнение выделенных уровней [5, с. 48–56]. В основании выделения компонентов самоопределения положены различная степень устойчивости во времени образующих самоопределение психологических феноменов и различные функции, которые они выполняют в жизни субъекта.

Устойчивая составляющая самоопределения – «ценностно-нравственный стержень» – объединяет в себе представления о принципах устройства мира и организации человеческого сообщества, смыслы жизни, наиболее значимые ценности и ориентации личности, ценностные идеалы и табу (отвергаемые ценности), основные жизненные способности, принципы и притязания.

Динамичная и пластичная составляющая самоопределения – «оболочка» – включает представления об окружающем социально-психологическом пространстве, ценности, цели и мотивы различных этапов жизни, знания об актуальных способностях и своих возможностях на каждом жизненном этапе. Кроме того, «оболочка» включает психологическую (прежде всего мотивационную) готовность личности к неким действиям, связанным с достижением желаемой позиции в системе социальных отношений в определенный период жизни (психологические феномены «предповедения»). Ее содержание динамично и пластично, так как частично изменяется в соответствии с внешними условиями, с которыми взаимодействует субъект.

Устойчивая составляющая самоопределения – «ценностно-нравственный стержень» – выполняет функции системообразования, самосохранения, контроля, самопознания, преобразования личности, общей ориентации в жизни и мире, антиципации и т.д. Основные функции «оболочки»: адаптация, резервирование, накопление (аккумуляция), селекция, самореализация, апперцепция, преобразование среды, защита элементов «ценностно-нравственного стержня» и т.п. В качестве общей теоретической гипотезы можно предположить, что строение самоопределения может быть значительно более сложным [1].

Поскольку процесс социального самоопределения в общественной (социальной) сфере подразумевает активность субъекта в поиске своего способа жизнедеятельности, важным фактором такого самоопределения является социальная активность. Под ней понимается деятельное состояние субъекта, направленное на социальные изменения или противодействия им. В связи с этим представляется актуальным и важным исследо-

вать предпочтения и психологическую готовность к тому или иному виду социальной активности, что было осуществлено в нашем исследовании.

Выборка, методики и методы исследования

В исследовании участвовали 158 человек в возрасте от 18 до 30 лет, из них мужчин – 49%, женщин – 51%, работающих – 46% и неработающих – 54%. Использовалась авторская программа для комплексного изучения самоопределения, разработанная А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко. Один блок программы был направлен на изучение социальной активности молодежи в разных сферах и выраженных в различных формах.

Авторами программы были предложены следующие сферы, в которых может проявляться социальная активность: 1) образование и воспитание; 2) семья; 3) значимые отношения с другими людьми (круг общения, социальная сеть, друзья, любимые и т.д.); 4) культура, наука и искусство; 5) сельское хозяйство (в том числе подсобное); 6) транспорт (в том числе личный); 7) промышленное производство, добыча природных ресурсов, торговля и финансы; 8) жилье, коммунальное хозяйство, сфера быта; 9) защита отечества и воспитание патриотизма; 10) защита основных демократических прав и свобод граждан; 11) укрепление государственных институтов, охрана правопорядка и помощь в экстремальных ситуациях; 12) охрана природы; 13) возрождение и сохранение религиозных традиций; 14) развитие спорта, туризма и активного отдыха; 15) укрепление общественной нравственности и духовности; 16) здравоохранение; 17) средства массовой информации и Интернет; 18) социальная защита и помощь малоимущим, больным, сиротам; 19) изучение паранормальных явлений, оккультных и эзотерических учений.

Респондентам было предложено отметить сферы и в какой форме проявляется их активность, а именно: «С этим связана моя нынешняя или будущая профессиональная деятельность», «Я прилагаю много усилий, чтобы самостоятельно удовлетворить потребности свои и своей семьи в этой сфере», «С этим связано мое основное хобби, увлечение», «Я активно участвую в обсуждении этой проблемы в СМИ, Интернете, среди знакомых», «Изданка (1–2 раза в год) лично оказываю помощь другим людям и обществу в развитии этой сферы», «Я постоянно участвую в специальных общественных объединениях, фондах, клубах и т.д.»

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования было выявлено, что в целом активность молодых людей проявляется следующим образом: больше всего молодежь предпо-

читает проявлять свою активность в форме усилий для удовлетворения потребностей своих и своей семьи (31%), на втором месте по популярности такая форма активности, как помощь другим людям (20%), затем – хобби (16%), обсуждения вопросов в СМИ (15%) и профессиональная деятельность (14%). Наименее популярной формой активности среди молодежи является участие в специальных общественных объединениях, фондах, клубах (5%).

Если рассматривать более подробно, в каких сферах жизни различные формы активности проявляются, то можно увидеть следующую картину: наиболее популярная форма активности – это усилия для удовлетворения потребностей своих и своей семьи. Такая форма, естественно, в первую очередь проявляется в такой сфере, как семья (14%), затем – в образовании и воспитании (10%), отношениях с другими людьми (общении, налаживании отношений с друзьями и любимыми) (9%), жилье, сфере быта (8%), здравоохранении (7%). Таким образом, мы видим, что молодежь предпринимает действия в перечисленных сферах, исходя из существующих потребностей. Соответственно, можно предположить, что молодежь заботится о членах семьи, их здоровье, пытается обустроить свой быт и жилье желаемым образом.

Форма социальной активности через помощь другим людям, по мнению самих респондентов, чаще проявляется у них в таких сферах, как социальная защита (помощь сиротам, малоимущим) (12%), сельское хозяйство (9%), укрепление государственных институтов и защита правопорядка (8%), возрождение и сохранение религиозных традиций (7%), защита демократических прав и свобод граждан, охрана природы (7%). Наибольшая активность при обсуждении волнующих вопросов в СМИ проявляется в самих СМИ (возможно, обсуждение ТВ, влияние СМИ в Интернете) (12%), в сфере защиты демократических прав и свобод граждан, охраны природы и здравоохранения (7%), а также в области культуры, науки и искусства, в воспитании патриотизма, укрепления общественной нравственности (6%). Очевидно, молодежь считает, что помогает другим людям в развитии социальной защиты – сиротам, малоимущим, сельского хозяйства (поскольку туда включается и подсобное хозяйство, то возможно, они помогают родственникам на даче), в укреплении государственных институтов (соблюдают правопорядок) и сохранении религиозных традиций. Однако описать подробно, каким образом и какими способами молодежь реализует свою активность, не представляется возможным в силу ограниченности методического материала.

Участие в специальных общественных объединениях, фондах, клубах как форма социальной активности в наибольшей степени проявляется у молодежи в таких сферах, как значимые отношения с другими людьми (круг общения, социальные

сети) (14%), развитие спорта и туризма (13%). Довольно высока активность в сферах: охраны природы (9%), культуры, науки и искусства (7%), возрождения и сохранения религиозных традиций, здравоохранения, СМИ и Интернета (специальные группы в социальных сетях), социальной защиты (помощь малоимущим, сиротам) (6%), защиты отечества и воспитания патриотизма (возможно, служба в армии, участие в патрулировании) (5%). Вероятно, молодые люди в основном являются членами спортивных клубов и путешественников, поскольку это наиболее доступные для них объединения.

Можно отметить, что основной формой социальной активности молодежи являются усилия для удовлетворения потребностей своих и своей семьи: в первую очередь они пытаются удовлетворить их в сферах жилья, коммунального хозяйства и быта, здоровья, в налаживании отношений со значимыми людьми (друзьями, любимыми, партнерами в социальных сетях). Вероятно, молодые люди в зависимости от своих потребностей покупают жилье, ремонтируют его и т.д., заботятся о здоровье, возможно, покупая медицинские страховки, посещают санатории и т.д. Любые формы социальной активности, направленные на укрепление общественной нравственности (возможно, пропаганда, а также соблюдение нравственных норм), воспитание патриотизма (защита отечества), развитие науки и искусства, представлены у молодежи в меньшей степени.

Проведенное исследование позволило также выделить значимые различия (метод Манна-Уитни) между работающей и неработающей молодежью. Неработающие молодые люди, по сравнению с работающей молодежью, проявляют больше активности в получении образования для приобретения профессии, являются членами общественных объединений, помогают значимым другим. Они также больше, чем работающие, склонны считать, что оказывают помощь другим людям в укреплении общественной нравственности и духовности, проявляют активность в СМИ и Интернете (обсуждение, создание групп) по вопросам сельского хозяйства. Помимо этого, они уверены, что больше участвуют в общественных объединениях для защиты отечества, воспитания патриотизма и развития культуры и искусства. Вероятно, большая социальная активность неработающей молодежи объясняется тем, что для них она более доступна вследствие большего количества свободного времени, в то время как активность работающей молодежи в основном направлена на семью, удовлетворение ее потребностей.

Заключение

Современная молодежь склонна в своей социальной деятельности, в первую очередь, ориентироваться на потребности свои и своей семьи, решать задачи, связанные с её благопо-

лучием (жилье, сфера быта, здоровье и др.). Скорее всего, создать семью, обеспечивать ее всем необходимым, построить карьеру – приоритетные задачи самоопределения в течение этого жизненного этапа, поэтому мероприятия, которые могли бы способствовать развитию общественной нравственности, защите отечества и воспитанию патриотизма, отходят на второй план.

Молодые люди, которые не работают в настоящий момент, проявляют больше социальной активности в областях, направленных на общественное благополучие (воспитание патриотизма, укрепление общественной нравственности и духовности), в то время как работающие сосредотачивают свою активность на удовлетворении потребностей семьи. Возможно, это объясняется тем, что работающие и семейные вынуждены тратить свои ресурсы и прилагать много усилий для обеспечения приемлемого уровня существования, а неработающая молодежь имеет больше времени и возможностей для самореализации на поприще общественной деятельности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Нравственно-психологические и социально-экономические факторы самоопределения личности» (№ 12-36-01099 а1).

Библиографический список

1. *Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 47 с.
2. *Пряжников Н. С.* Профессиональное и личностное самоопределение. М. ; Воронеж, 1996. 256 с.
3. *Угарова М. Г.* Проблема структуры профессионального самоопределения в трудах российских психологов // Социальная психология XXI столетия : в 2 т. Ярославль, 2004. Т. 2. С. 320–324.
4. *Падалко О. В.* Профессиональное самоопределение молодого специалиста с высшим образованием в современном российском обществе : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1998. 176 с.
5. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение : теория и эмпирические исследования. М., 2007. 480 с.

Social Activity as an Element of the Youth Social Self-Identification

Anastasia A. Akbarova

Institute of Psychology Russian Academy of Science
13-1, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russia
E-mail: Anastasia.akbarova@gmail.com

The article outlines the main provisions of an integrated model of self-determination. Social activity is an important component as well as an indicator of social self-determination. The empirical study was carried out on a sample of youth (N = 100 people, 18–30 years old) using the

author's program for comprehensive studying the phenomenon of self determination, developed by A. L. Zhuravlev and A. B. Kupreychenko. It was found that social activity of modern youth is primarily focused on the satisfaction of their needs and their families. Forms of activity aimed at social activities, defense of the fatherland are represented less. During investigation was revealed that young people, which have a job more focused on family, youth without job can afford to be more involved in public organizations on social protection and social help (assistance to the poor, orphans).

Key words: social activity, self-determination, youth, areas of life, values.

References

1. Kupreychenko A. B. *Nravstvenno-psikhologicheskaya determinatsiya ekonomicheskogo samoopredeleniya lichnosti i gruppy*: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk (Moral and psychological determination of economic self-determination of individuals and groups: author's abstract of doctoral dissertation of psychological sciences). Moscow, 2010. 47 p. (in Russian).
2. Pryazhnikov N. S. *Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie* (Professional and personal self-determination). Moscow; Voronezh, 1996. 256 p. (in Russian).
3. Ugarova M. G. *Problema struktury professional'nogo samoopredeleniya v trudakh rossiyskikh psikhologov* (Problem of the structure of professional self-determination in the works of Russian psychologists). *Sotsial'naya psikhologiya XXI stoletiya*: v 2 t. (Social Psychology XXI century: in 2 vol.) Yaroslavl', 2004, vol. 2, pp. 320–324 (in Russian).
4. Padalko O. V. *Professional'noe samoopredelenie molodogo spetsialista s vysshim obrazovaniem v sovremennom rossiyskom obshchestve*: dis. ... kand. sotsiol. nauk (Professional self-determination of young specialists with higher education in contemporary Russian society: Ph/D thesis of sociological sciences). St.-Petersburg, 1998. 176 p. (in Russian).
5. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. *Ekonomicheskoe samoopredelenie: teoriya i empiricheskie issledovaniya* (Economic self-determination: theory and empirical research). Moscow, 2007. 480 p. (in Russian).

УДК 316.6:159

АДАПТАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К СИТУАЦИЯМ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е. Е. Бочарова

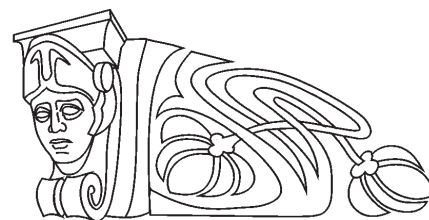
Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследований адаптационной готовности личности. Показано, что адаптационная готовность не только является результатом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, но и представляет собой интегральный эффект разноуровневой интеграции регуляторных систем (подсистем) личности. Отмечено, что субъективное благополучие выступает в качестве системообразующего фактора, отвечающего за согласованность разных систем реализации значимых для субъекта целей, и тем самым обеспечивает оптимальный уровень адаптационной готовности личности к ситуациям социальных изменений. Показана специфика проявления уровневых характеристик субъективного благополучия в системе межфункциональных взаимосвязей в структуре саморегуляции. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ психолого-педагогического сопровождения формирования и развития адаптационной готовности личности учащегося.

Ключевые слова: личность, адаптационная готовность, саморегуляция, субъектное благополучие.

К постановке проблемы

В числе актуальных проблем современного образования весьма существенным является во-

прос формирования способностей школьников, обеспечивающих их готовность к личностному, профессиональному и социальному самоопределению в условиях многообразия социальной вариативности, неопределенных социальных ситуаций. Сама по себе подобная вариативность в ее развитом виде, как указывает Г. М. Андреева, не свидетельствует о социальном кризисе, а скорее является необходимым атрибутом развитого гражданского общества [1]. Однако она считает, что в настоящих условиях места и времени, в своей становящейся, неразвитой и неподкрепленной изменениями на макросоциальном уровне форме данная социальная вариативность становится фактором социального кризиса.

Действительно, важной характеристикой современного общества является стремительный распад существующих социальных институтов, интенсивное формирование новых типов общностей и деятельностей, их социальное оформление и наложение друг на друга, а в итоге – формирование принципиально нового многомерного социального пространства. Эффективная жизнедеятельность в таком обществе подразумевает соответствующее развитие личности: наличие способности к осуществлению и координации различных видов деятельности и себя в них. В психологическом отношении это означает, в

первую очередь, развитие адаптационных способностей личности, которые обеспечивали бы её готовность к осознанному проектированию и реализации траектории собственного будущего, успешному принятию решений, проявлению инициативы в новых реалиях. Это относится в определенной степени и к ситуации конкуренции, и к прогнозированию успеха или неудачи. При этом, как показано в ряде работ, подобное понимание адаптационной готовности представляет значительный интерес, поскольку в нем содержится идея активности личности, творческом и целеустремленном, преобразующем характере ее социальной активности [2–6].

Феноменология адаптационной готовности

Отметим, что накопленная в психологических исследованиях эмпирическая база подготовила достаточные основания для теоретических обобщений, трактующих адаптационную готовность (адаптивность) как проявление субъектом потенциальных возможностей в соотношении с теми социальными воздействиями, которые испытывает человек. Так, в работах Л. Филиппа особое внимание уделяется изучению проблемы «относительного потенциала» личности к адаптации, понимая его как способность удовлетворять требования общества. Автор высказывает мысль о необходимости изучения особенностей адаптации личности в прошлом и настоящем, что позволит прогнозировать будущий потенциал адаптации, поскольку в личности сохраняются те психологические ресурсы, при помощи которых она адаптируется к сложным ситуациям [7]. Обращаясь к проблеме адаптивности, А. А. Налчаджян отмечает целесообразность дифференциации потенциальных адаптивных способностей (потенциальной адаптивности) и актуальных адаптивных способностей (актуальной адаптивности). Автор выдвигает идею, согласно которой потенциальная адаптивность личности в будущем, в новых социальных ситуациях трансформируется в ситуативную способность для реализации актуальной адаптации. При этом уровень развития этой способности и её гибкости зависит от развития общей адаптивности личности, обеспечивающей её внутреннюю готовность к адаптации в быстро меняющихся условиях социальной жизни [8].

Определяя адаптационную готовность как интегральное свойство личности, характеризующее как в целом ее структурную сложность, так и уровень развития, состояние отдельных функций и свойств, С. Т. Посохова акцентирует внимание на необходимости комплексного изучения данного феномена. Так или иначе готовность связывается с процессами развития личности как субъекта жизнедеятельности и формирования жизненной стратегии, свободного

выбора, социализации, со *сформированностью* субъектной позиции, способности к осознанному и самостоятельному построению перспектив своего развития, с *саморегуляцией* произвольной активности человека [9].

Согласно концепции В. А. Петровского, готовность предстает как динамическое образование, определяемое активностью самого субъекта, связанное с самодвижением деятельности, актуальной причинностью в системе побудительных факторов [10]. Именно «надситуативная активность» фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Но, преодолевая препятствия, ограничения на пути движения деятельности, субъект преодолевает себя, реализуя свои субъектные возможности и потребности преодоления себя в подтягивании к общественно задаваемым «мотивам», целям, средствам, реализуя необходимость состояться и утвердиться в своей самости. И в этом плане надситуативная активность личности является самоосуществлением ее в отношении: к предметному миру, к миру людей, к своему внутреннему миру. Весьма существенным является и то, что представленность личностной активности связывается с адаптивными механизмами на разных уровнях регуляции – от преодоления реактивного до уровня сознательного.

Между тем необходимо отметить, что в современных психологических исследованиях функционирование человека в его взаимодействиях с социальной средой рассматривается как результат деятельности целостной саморегулирующейся системы, активность которой обеспечивается не просто совокупностью отдельных компонентов (подсистем), а их взаимодействием и «взаимосодействием», которые порождают новые интегративные качества, не присущие отдельным образующим подсистемам. Это приводит, как отмечает Р. М. Шамионов, к образованию в структуре личности новых, более обобщенных свойств с более сложной структурой – адаптационных новообразований [2]. Развитие системы за счет приобретения нового системного качества является, таким образом, основным результатом адаптации. В ряде работ отечественных исследователей показано, что именно в условии процесса адаптации может сформироваться психологическая система, представляющая собой согласованную деятельность регуляторных систем разного уровня, а может и не сформироваться, и тогда принято говорить о процессе дезадаптации [2, 3, 6]. Принципиальным отличием функциональной деятельности системы взаимодействий человека и окружающей среды от деятельности всех других самоуправляемых систем является наличие механизмов сознательного саморегулирования, в

основе которых лежит субъективная индивидуально-личностная оценка природных и социальных воздействий на человека.

Адаптационная готовность как интегральный эффект взаимодействия регуляторных систем

Содержательно процесс адаптации представляет собой активное формирование (осознанное или неосознаваемое) субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции поведения, деятельности, состояния. О. А. Конопкин в исследованиях личностного уровня саморегуляции именно общую способность к осознанной регуляции определяет как основу субъектного развития человека [11]. Ориентация на регуляторную активность личности позволяет признать, что человек не просто испытывает воздействия внешней среды и реагирует на них определенным образом, пытаясь соответствовать предъявляемым к нему требованиям, а взаимодействует со всей окружающей реальностью, произвольно изменяя степень свободы и диапазон реализации собственного адаптационного потенциала. Следует отметить, что упорядочение взаимодействия (вектор, содержание, приоритетные компоненты) определяется психологическими особенностями личности.

Как показано в ранее проведенных нами исследованиях, одним из существенных факторов упорядочения такого взаимодействия является субъективное благополучие, представляющее собой интегральную форму эмоционально-оценочного отношения человека к самому себе, различным сторонам своей жизни, определяющее характер переживаний, особенности восприятия окружающего мира, специфику поведенческих реакций на внешние воздействия, стратегий поведения. Показано, что направленность активности личности в зависимости от уровня субъективного благополучия проявляется в различиях стратегий адаптации: смещении от стратегий пассивного подчинения ситуации через пассивное противопоставление себя ей – к активному преобразованию. Например, у школьников с высоким уровнем субъективного благополучия в значимых сферах деятельности в качественно различных ситуациях (успеха и неуспеха) доминируют преимущественно адаптивные стратегии поведения, ориентированные на внешний мир (активность в учебной деятельности, расширение социальных контактов, заинтересованность в сфере профессиональных интересов). У «неблагополучных» неудача сопровождается преимущественно дезадаптивными стратегиями поведения, ориентированными на внешний и внутренний мир на уровне восприятия и эмоций (снижение работоспособности, негативные эмо-

циональные переживания) и достижение успеха в значимых сферах (профессиональных интересов, семейных отношений) приводит к дезадаптивным соматически ориентированным стратегиям поведения (ухудшению самочувствия) [12].

Адаптационная готовность довольно тесно связана с представлением человека о себе как источнике дальнейших преобразований ситуации неопределенности, их подконтрольности в субъективной интерпретации причинности развития событий. При этом сознание меры собственных возможностей, как отмечалось ранее, во многом определяется системой субъективных отношений человека, регулирующей объем и меру активности личности, отражающей потенциальную готовность к адаптации в новых социальных ситуациях. Играет роль и то обстоятельство, что предпочтения стратегий поведения связываются с проявлением личностью возможностей саморегуляции в том смысле, что человек сам исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует и корректирует результаты. Весьма существенной в этом отношении является высказанная К. А. Абульханова-Славской идея, согласно которой способность личности к организации собственной активности, ее мобилизации, регулированию, согласования с объективными требованиями и активностью других людей есть не что иное, как проявление субъектности личности [13].

Вместе с тем оценка своих возможностей и готовность к их реализации проявляются в характеристиках функциональной взаимосвязи регуляторных образований личности. Определяя субъективное благополучие как интегральное социально-психологическое образование, исследователи подчеркивают его полифункциональность, отмечая, прежде всего, оценочные, активационные и регулятивные функции. Следует подчеркнуть диалектический характер взаимодействия субъективного благополучия с другими психическими образованиями: будучи обусловленным ими, субъективное благополучие в то же время само выступает важнейшей детерминантой их дальнейшего развития. В связи с этим особое внимания заслуживает вопрос о регуляторной роли субъективного благополучия, поскольку весьма существенным оказывается не сам по себе ход событий, а, прежде всего, отношение человека к тому, что происходит. Именно отношения, проявляющиеся во взаимосвязях человека с объективной реальностью, являются теми условиями, которые обеспечивают определенный уровень активности, с одной стороны, и определяют внутреннее переживание, ощущения, состояния, свойства субъекта (в целом удовлетворенность жизнью) – с другой.

Обобщенные данные исследований саморегуляции осознанной активности субъекта в достижении поставленных целей в разных видах

деятельности позволяют рассматривать саморегуляцию как функцию психического отражения, сущность которой заключается в согласовании активности индивида с внешними условиями и объективными связями объектов и явлений действительности, с одной стороны, и внутренними «необходимостями» субъекта, с другой, как функциональное средство субъекта, позволяющее ему мобилизовать свои личностные и когнитивные возможности (выступающие как психические ресурсы) для реализации собственной активности, для достижения субъектно принятых целей [10].

Вместе с тем осознанная саморегуляция концептуализируется как преимущественно целенаправленное планирование, построение и преобразование субъектом своих действий и поступков в соответствии с личностно значимыми целями, актуальными потребностями [14].

Обобщенный анализ данных эмпирического исследования, выполненного на пропорционально подобранных выборках по 35 человек (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ г. Саратова), отличающихся уровнем субъективного благополучия (на достоверно значимом уровне), свидетельствует о включенности субъективного благополучия в систему регуляторного процесса, являющегося одним из механизмов саморегуляции активности личности [12].

Сопоставительный анализ показателей выраженности компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия позволил выявить существенные различия в исследуемых выборках. Наибольшая выраженность компонентов «планирование», «оценка результатов», «самостоятельность» наблюдается в выборке «благополучных» ($p \leq 0,01$); но общий уровень саморегуляции отличается наименьшей выраженностью, по сравнению с выборкой «неблагополучными» ($p \leq 0,05$). Эти данные можно интерпретировать как свидетельство относительной автономности, независимости в выдвижении и удержании целей, способности адекватно оценивать результаты своей деятельности и степень рассогласования промежуточных результатов.

В выборке «неблагополучных» наиболее выраженную представленность имеют показатели «программирование» и общий уровень саморегуляции, наименьшую – «планирование», «оценивание результатов», «самостоятельность» ($p \leq 0,01$). Иначе говоря, «неблагополучным» свойственно проявление тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей. Вместе с тем самостоятельное выдвижение целей, адекватная оценка достигнутых результатов и степени рассогласования промежуточных результатов вызывают затруднения. Важно и то, что общий уровень саморегуляции отличается наибольшей выраженностью в выборке с низким

уровнем благополучия. Очевидно, переживание неблагополучия, неудовлетворенность собой и результатами своих достижений является одним из компенсаторных механизмов саморегуляции активности.

Анализ межфункциональных связей в структуре системы саморегуляции в соотношении с уровневыми характеристиками субъективного благополучия позволил выявить существенные различия: в выборке с низким уровнем благополучия система саморегуляции представлена практически всеми функциональными звеньями (10 связей). Отмечается наличие тесных связей между такими регуляторными компонентами, как «планирование», «программирование», «моделирование» ($r_{cp} = 0,366, p < 0,01$). Полагаем, что для данной категории испытуемых является важным тщательное продумывание способов своих действий для достижения намеченных целей, детализация и развернутость разрабатываемых программ с учётом значимости внешних и внутренних условий своей активности. Обращает на себя внимание наличие взаимосвязи между «планированием» и «самостоятельностью» (связь отрицательная), свидетельствующая, на наш взгляд, об ожидании поддержки окружающих в выдвижении, принятии и удержании целей.

Наряду с этим отмечается некоторая «отстраненность» такого компонента, как «оценивание результатов», проявляющаяся в косвенной связи с компонентами «планирование», «программирование», «моделирование» (через общий уровень саморегуляции), что свидетельствует о недостаточной развитости межфункциональной связи и, следовательно, о наличии структурно-функционального дефекта процесса регуляции, существенно ограничивающего эффективность достижения поставленных целей. Именно регуляторный компонент «контроль и оценка реальных результатов» обеспечивает непрерывную информацию о согласовании между желаемым и достигнутым (конечным) результатом. В связи с этим становится очевидным, что «неблагополучные» достаточно гибко относятся к интерпретации полученных результатов деятельности и способны изменять субъективные критерии оценки результатов достигнутого: либо просто снижают «строгость» субъективных критериев успешности при оценивании результатов своей деятельности, либо снижают уровень притязаний или повышают его в зависимости от полученного итога.

В целом нельзя не отметить, что наибольшее количество взаимосвязей приходится на общий уровень саморегуляции (5 связей): практически все компоненты саморегуляции («планирование», «программирование», «моделирование», «оценивание результатов») коррелируют с общим уровнем саморегуляции, кроме того, обнаружена взаимосвязь с «гибкостью».

В выборке с высоким уровнем субъективного благополучия система саморегуляции представлена всеми функциональными звеньями, взаимосвязанными в единое целое (14 связей). Данный факт свидетельствует о том, что система саморегуляции «благополучных» структурно более совершенна и согласованна, нежели у «неблагополучных». Одновременно с этим обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее количество связей выпадает на такие компоненты саморегуляции, как «контроль и оценка результатов» (6 связей), «планирование» (5 связей) и «программирование» (5 связей). Наиболее тесные связи обнаружены между такими функциональными звеньями, как «контроль и оценка результатов», «планирование», «программирование», «моделирование» ($r_{\text{ср}} = 0,372$, $p < 0,01$). Необходимо подчеркнуть важность данной взаимосвязи в системе саморегуляции «благополучных».

Известно, что сформированный регуляторный компонент «контроль и оценка реальных результатов» обеспечивает непрерывную информацию о степени соответствия между субъектно принятой целью, запрограммированным ходом деятельности, ее этапными и конечными результатами и реальным ходом их достижения. Вместе с тем оценочное действие замыкает процесс регулирования, превращает его в замкнутую систему и тем самым качественно меняет возможности произвольной активности человека. Более того, именно оценка субъектом результатов деятельности делает его «деятельность не только «целенаправленной», но и «целедостигающей»» [14]. Таким образом, у «благополучных» отмечаются самостоятельность и независимость в выдвигании целей активности, тщательное продумывание способов своих действий для достижения намеченных целей, детализация и развернутость разрабатываемых программ, оценка и коррекция достигнутых результатов с учётом значимости внешних и внутренних условий своей активности. Кроме того, отмечается устойчивость субъективных критериев оценки успешности достижения результатов, о чем свидетельствует наличие отрицательной взаимосвязи между компонентами «контроль, оценка результатов» и «гибкость».

Обобщенная интерпретация полученных результатов позволяет констатировать, что система саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия имеет определенные структурные особенности: количество межфункциональных связей компонентов саморегуляции уменьшается от «неблагополучных» к «благополучным» испытуемым, но в отличие от «неблагополучных», структура саморегуляции «благополучных» более согласованна и совершенна.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в целом адаптационная готовность является результатом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, действие которых, в свою очередь, преломляется через систему отношений личности. Полагаем, что именно субъективное благополучие является системообразующим фактором, обеспечивающим согласованность разных систем при реализации значимых для субъекта целей, и тем самым обеспечивает оптимальный уровень адаптационной готовности личности в ситуациях социальных изменений.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 7, № 5 (26). С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html> (дата обращения: 22.11.2014).
2. Шамонов Р. М. Адаптационная готовность выпускников школы и первокурсников вуза во взаимосвязи с социально-психологическими факторами // Психология обучения. 2012. № 11. С. 116–123.
3. Арендачук И. В. Адаптационная готовность личности к учебно-профессиональной деятельности : системно-диалогический подход // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. 2013. № 10 (30). URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10201327/pdf_447 (дата обращения: 15.12.2014)
4. Сагитова В. Р. Место компетенций и компетентности в среде образование – практическая деятельность // Вестник МГОУ. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 15.12.2014).
5. Ваганова А. Р. Этногрупповые представления о благополучии и эмоционально-оценочное отношение к другим // Психология обучения. 2014. № 12. С. 143–150.
6. Акименко А. К. Позитивная психология в системе образования // Психология обучения. 2014. № 11. С. 131–141.
7. Philips L. Human adaptation and his failures. N.Y., 1968. 266 p.
8. Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности : формы, механизмы и стратегии. Ереван, 1988. 263 с.
9. Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности. СПб., 1998. 324 с.
10. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 326 с.
11. Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопр. психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
12. Бочарова Е. Е. Стратегии копинг-поведения и субъективное благополучие личности // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып 1. С. 22–29.

13. Абульханова-Славская К. А. Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания (Психологические, философские, социокультурные аспекты). М. ; Воронеж, 2001. С. 36–52.
14. Прыгин Г. С. Психология самостоятельности. Ижевск, 2009. 408 с.

Adaptation Readiness of Personality to Situations of Social Changes

Elena E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail:bocharova-e@mail.ru

The article presents the results of theoretical and empiric research of adaptation readiness of personality. It has been shown that adaptation readiness is not only the result of difficult cooperation between external and internal factors but also an integral effect of multi-level integration of regulatory systems (subsystems) of personality. The researchers argue that subjective well-being serves as a backbone factor that ensures the consistency of different systems towards implementation of important objectives for the subject and thus ensures optimum adaptation readiness of an individual to situations of social change. The specific of display of level descriptions of well-being is shown in the system of interfunctional interrelation communications in the structure of the system of self-regulation. The applied aspect of the problem under practice can be put to practice in developing the programs for psychological and pedagogical accompaniment of formation and development of adaptation readiness of students' personality.

Key words: personality, adaptation readiness, self-regulation, subjective well-being.

References

1. Andreeva G. M. *Prezentatsii identichnosti v kontekste vzaimodeystviya* (Identity presentation in interaction context). *Psikhologicheskie issledovaniya Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological researches), 2012, vol. 7, no. 5 (26). P. 1. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html> (accessed 22 November 2014) (in Russian).
2. Shamionov R. M. *Adaptatsionnaya gotovnost' vypusknikov shkoly i pervokursnikov vuza vo vzaimosvyazi s sotsial'no-psikhologicheskimi faktorami* (Adaptation readiness of school graduates and first-year university students in interaction with social and psychological factors). *Psikhologiya obucheniya* (Educational Psychology), 2012, no. 11, pp. 116–123 (in Russian).
3. Arendachuk I. V. *Adaptatsionnaya gotovnost' lichnosti k uchebno-professional'noy deyatel'nosti: sistemno-diakhronicheskiy podkhod* (Adaptation readiness of personality to teaching-professional activity: the system-atic-diachronic approach). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* (Modern Research of Social Problems: Scientific e-Journal), 2013, no. 10 (30). Available at: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/10201327/pdf_447 (accessed 15 Desember 2014) (in Russian).
4. Sagitova V. R. *Mesto kompetentsiy i kompetentnosti v srede obrazovaniya – prakticheskaya deyatel'nost'* (The place of competences and awareness in the environment education – practical activity). *Vestnik MGOU* (Bulletin of Moscow State Regional University), 2014, no. 3. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/Authors/View/9631> (accessed 15 Desember 2014) (in Russian).
5. Vagapova A. R. *Etnograppovye predstavleniya o blagopoluchii i emotsional'no-otsenochnoe otnoshenie k drugim* (Representations of Ethnic Groups Regarding Well-Being and Emotional-Evaluative Attitude to Others). *Psikhologiya obucheniya* (Educational psychology), 2014, no. 12, pp. 143–150 (in Russian).
6. Akimenko A. K. *Pozitivnaya psikhologiya v sisteme obrazovaniya* (Positive psychology in the system of education). *Psikhologiya obucheniya* (Educational Psychology), 2014, no. 11, pp. 143–150 (in Russian).
7. Philips L. *Human adaptation and his failures*. New York, 1968. 266 p. (in English).
8. Nalchadzhyan A. A. *Sotsial'no-psikhicheskaya adaptatsiya lichnosti: formy, mekhanizmy i strategii* (Socially-psychical adaptation of personality: forms, mechanisms and strategists). Erevan, 1988. 263 p.
9. Posokhova S. T. *Psikhologiya adaptiruyushcheylya lichnosti* (Psychology of adapting oneself personality). St.-Petersburg, 1998. 324 p. (in Russian).
10. Petrovskiy V. A. *Psikhologiya neadaptivnoy aktivnosti* (Psychology of non-adaptive activity), Moscow, 1992. 326 p. (in Russian).
11. Konopkin O. A. *Obshchaya sposobnost' k samoregulyatsii kak faktor sub'ektnogo razvitiya* (General capacity for self-regulation as a factor of subject development). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psychologii), 2004, no. 2, pp. 128–135 (in Russian).
12. Bocharova E. E. *Strategii koping-povedeniya i sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti* (Strategies of coping-behavior and subjective well-being of personality). *Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Adaptation of personality is in the modern world: interuniversity collection of scientific works). Saratov, 2008, iss. 1, pp. 22–29 (in Russian).
13. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Problema opredeleniya sub'ekta v psikhologii: psikhologicheskie, filosofskie, sotsiokul'turnye aspekty* (Problem of determination of subject in psychology: psychological philosophical, sociocultural aspects). *Sub'ekt deystviya, vzaimodeystviya, poznaniya* (Subject of action, cooperation, cognition). Moscow; Voronezh, 2001, pp. 36–52 (in Russian).
14. Prygin G. S. *Psikhologiya samostoyatel'nosti* (Psychology of independence). Izhevsk, 2009. 408 p. (in Russian).

УДК 316.627

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ

Н. В. Молчанова

Молчанова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Смоленский гуманитарный университет, Россия
E-mail: nat-mo39@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «поведенческая активность»; раскрыто содержание таких категорий, как деструктивная и конструктивная поведенческая активность; отмечено, что их влияние на исход конфликтной ситуации в юношеском возрасте неоднозначен. Эмпирическим путем доказано, что достижение цели в ситуации межличностного конфликта может в равной степени зависеть от использования как деструктивной поведенческой активности, так и конструктивной, тогда как в ситуации недостижения цели всегда преобладает деструктивное поведение, при этом в одной и той же ситуации используются разные формы поведенческой активности. Результаты показали также, что только при конструктивной поведенческой активности наблюдаются элементы осознания и анализа межличностной ситуации.

Ключевые слова: межличностный конфликт, поведенческая активность, конфликтная компетентность.

Введение

В научно-прикладных исследованиях уделялось и уделяется много внимания изучению психологических феноменов, связанных с межличностными конфликтами (Н. В. Гришиной, А. П. Егидеса, Т. А. Полозовой, С. Л. Братченко, Б. И. Хасана, Я. В. Спиридонова, Н. У. Заиченко, С. М. Емельянова, Н. И. Леонова). Постоянный интерес к исследованию этой темы во многом определяется нарастанием конфронтационных тенденций в обществе, что часто приводит к тем или иным межличностным конфликтам. Под межличностным конфликтом понимают «ситуацию противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими (или, по крайней мере, одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешения ситуации в интересах обеих или одной из сторон» [1, с. 88].

Среди основных причин возникновения межличностных конфликтов можно выделить постоянно растущие нагрузки (и перегрузки) на психическую деятельность, неблагоприятные внешние условия, различия в ценностях, интересах и желаниях людей, а также в способах достижения целей. Все это способствует эмоциональному напряжению и разнообразию поведенческих проявлений в процессе непосредственного общения между людьми. Это разнообразие как

поведенческая активность может носить как конструктивный характер, так и деструктивный, т. е. характеризоваться негативными проявлениями.

Содержание понятия «активность» в психологической науке обширно. В контексте любого конфликта, по мнению Н. В. Гришиной, активность – обязательный атрибут, она проявляется как «столкновение», «несовместимость», «противодействие»: это – активность, направленная на преодоление противоречия [1, с. 72].

С точки зрения А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, активный тип реагирования на трудную (в нашем случае конфликтную) ситуацию можно рассматривать как деятельную форму адаптации субъекта к трудной ситуации и активное ее преобразование [2, с. 185].

Так как понятие «активность» шире понятия «поведенческая активность», то сюда можно отнести не только внешние поведенческие признаки, но и соответствующие способы мышления, восприятия и эмоционального реагирования, что является как причиной, так и следствием тех или иных внешних поведенческих действий.

В контексте заявленной темы исследования *конструктивная поведенческая активность* выражается в словах и действиях, которые способствуют улучшению отношений между оппонентами, снятию напряжения, нахождению обоюдодоприемлемого варианта достижения целей. Мы согласны с мнением В. Н. Дружинина и других исследователей о том, что «конструктивная активность соотносится с понятием творческого поведения (творческое поведение более узкое понятие, чем активность) – это та активность, посредством которой создается новая среда» [3, с. 139]. Попадая в трудную, сложную (конфликтную) ситуацию, участник вынужден для достижения желаемой цели актуализировать свой творческий потенциал – обратиться к новым способам взаимодействия (поведения) и осознания случившегося, а также дополнительным возможностям урегулирования эмоционального состояния. Эти моменты и можно соотнести с понятием «новая среда».

Существует положение, согласно которому психологически конструктивное влияние должно отвечать трем критериям: 1) не быть разрушительным для личностей, участвующих во взаимодействии, и их отношений; 2) быть психологически корректным (учитывающим психологические особенности партнера и текущей ситуации и использующим «правильные» психологические

приемы взаимодействия); 3) удовлетворять потребности обеих сторон [4, с. 125].

Под *деструктивными поведенческими проявлениями* мы понимаем такие слова и действия (или бездействия), которые способствуют усугублению возникшей конфликтной ситуации, т.е. приводят к ее эскалации (увеличению моральных и материальных затрат, нарастанию негативных эмоций у конфликтующих сторон, росту числа прецедентов, увеличению объема и числа немедленных непродуманных высказываний). В качестве деструктивных приемов в ситуации межличностного конфликта можно назвать такие, как запугивание и угрозы, оскорбления в адрес партнера, уклонение от обсуждаемой проблемы, лесть, психологическое давление, физическое насилие и некоторые другие. Как отмечает ряд исследователей, «зачастую конфликтные действия из средства достижения первоначально поставленных целей превращаются в конечную цель – нанесение максимального ущерба оппоненту» [2, с. 225].

Целью нашей исследовательской работы является изучение влияния конструктивной и деструктивной поведенческой активности на разрешение межличностного конфликта в юношеском возрасте. В научно-практических исследованиях уделялось конфликтам близкого по возрасту контингента – в подростковом возрасте (А. Л. Цветковой, А. А. Ганеевой, О. В. Рубцовой, И. В. Воспитанник). Конфликты в юношеском возрасте рассматривались меньше и преимущественно в рамках учебного пространства (Ю. Л. Астраханцевой, Г. А. Хрипковым, И. Н. Чуриковым, А. Л. Колтуновым).

Известно, что именно в юношеском возрасте происходит *окончательное* формирование развития человека (или основного вектора этого развития) по всем направлениям – умственному, духовному, нравственному, социальному и физическому. Одной из ведущих потребностей для юноши и девушки остается общение со сверстниками, в группе которых и происходит спонтанный или целенаправленный обмен опытом. Однако в силу многих причин общение между сверстниками временами носит деструктивный (конфликтный) характер, способствуя разрыву отношений, недостижению желаемых целей, ухудшению настроения, определяя, в конечном итоге, развитие умений молодого человека гармонично сосуще-

ствовать в социуме, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее развитие его навыков, ценностной сферы, самооценки, достижение стратегических жизненных задач и т.д. Изложенное предполагает, что целесообразно исследовать особенности поведения молодого человека в конфликтных ситуациях. Практическая значимость данной работы будет заключаться в дальнейшем выявлении способов минимизации неконструктивной активности и оптимизации конструктивных способов непосредственного общения в юношеском возрасте.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирической базой исследования являлись студенты Смоленского гуманитарного университета – 28 человек в возрасте от 17 до 20 лет. В работе рассматривается следующая *гипотеза*: в юношеском возрасте деструктивная и конструктивная поведенческая активность в равной мере может приводить как к отрицательному, так и к положительному результатам разрешения межличностного конфликта. При этом оба варианта не исключают использования *в одной и той же ситуации* элементов как конструктивной, так и деструктивной активности. *Основными методами исследования* были методы опроса и контент-анализа. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью критерия χ^2 .

Результаты исследования и их обсуждение

Процедура эмпирического исследования: каждый испытуемый-студент в письменной форме подробно описывал две конфликтные ситуации, участником которых он был. Одна межличностная ситуация предполагала достижение желаемого результата, другая – недостижение своей цели, всего было описано и проанализировано 56 ситуаций. В процессе исследования был проведен качественный анализ всех ситуаций. Для контент-анализа были выделены определенные категории (элементы) письменных высказываний, в качестве которых выступили: 1) слова, связанные с *осознанием* своих действий; 2) поведенческие проявления, связанные с *эмоциональным выражением*; 3) поведение, относящееся к *действиям*.

Сначала все элементы (категории) были поделены на две группы – «деструктивную поведенческую активность» и «конструктивную поведенческую активность» (табл. 1).

Таблица 1

Формы проявления конструктивной и деструктивной поведенческой активности

Формы проявления	Активность	
	Конструктивная	Деструктивная
Осознание	39 высказываний	0 высказываний
Эмоциональное выражение	16 элементов	35 элементов
Действие	72 элемента	137 элементов

Из результатов (см. табл. 1) видно, что при использовании конструктивных составляющих наблюдаются признаки, связанные с осознанием своего поведения (39 элементов), тогда как при деструктивных проявлениях их не обнаружено совсем. В эмоциональных проявлениях прослеживается незначительное увеличение деструктивной активности. Можно предположить, что навык регуляции своего эмоционального состояния развит недостаточно и/или молодые люди не хотят достигать желаемых целей мирным путем.

Кроме того, контент-анализ письменных ситуаций показал, что при деструкции студенты были менее сдержанны в своих действиях, проявляя нетерпимость друг к другу (данный показатель выше почти в 2 раза). Мы полагаем, что соотношение двух признаков (осознание и действие) имеет определенную психологическую закономерность, а именно – осознание предшествует действию. С нашей точки зрения, так как осознаваемых признаков поведения (преимущественно, слов) не наблюдалось при деструктивном поведении, это способствовало увеличению агрессивных, импульсивных, негативных действий и эмоциональных проявлений.

Таким образом, промежуточные результаты показали, что конкретная возрастная группа студентов (17–20 лет) в целом не обладает достаточными навыками регуляции своего поведения, которое, с нашей точки зрения, в контексте разрешения конфликтной ситуации должно выражаться не только в осознании своих намерений, но и в способах влияния на партнера.

Дальнейший анализ результатов предполагал разделение всех ситуаций на две группы. В качестве критерия деления на группы было выделено положение о том, была или не была достигнута желаемая цель (в контексте конфликтной ситуации). Мы поставили задачу выяснить:

1) сколько элементов конструктивной активности было выявлено в ситуациях с положительным результатом (т.е. была достигнута поставленная цель);

2) сколько элементов деструктивной активности было выявлено в ситуациях с положительным результатом;

3) сколько элементов конструктивной активности было выявлено в ситуациях с отрицательным результатом (т.е. цель не была достигнута);

4) сколько элементов деструктивной активности было выявлено в ситуациях с отрицательным результатом (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение конструктивной и деструктивной поведенческой активности в группах

Результат разрешения конфликтной ситуации	Элементы поведенческой активности	
	Конструктивные	Деструктивные
Положительный (достижение цели)	69	62
Отрицательный (недостижение цели)	58	110

Как видно из результатов (см. табл. 2), при отрицательном разрешении конфликтной ситуации наблюдается явный численный перевес в пользу деструктивной поведенческой активности. Согласно гипотезе, следовало проверить – значимо или незначимо соотношение элементов конструктивной и деструктивной поведенческой активности в каждой из групп. Значимость различий в числовых показателях была проверена с помощью математического критерия χ^2 для единственной выборки (при $\alpha = 0,01$), т.е. для каждой группы в отдельности.

Мы определяли: является ли разница между элементами конструктивной и деструктивной активности в ситуациях с положительным результатом статистически значима. Для этого были сформулированы следующие статистические гипотезы:

гипотеза H_0 : вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов в ситуации достижения цели одинакова;

гипотеза H_1 : вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов в ситуации достижения цели не одинакова.

Выявлено, что $\chi^2_{эмп} = 0,374$. Критическое значение для χ^2 с $df = 1$; $\chi^2_{0,05} = 3,84$. Поскольку $\chi^2_{эмп} = 0,374$ меньше, чем $\chi^2_{крит} = 3,84$, то H_0 подтверждается. Вероятность использования конструктивных и деструктивных элементов в ситуации достижения цели одинакова, т.е. в конфликтной ситуации, когда человек достигает своей цели, могут использоваться как конструктивные, так и деструктивные способы воздействия на партнера. С нашей точки зрения, это объясняется следующим образом: не встречая соответствующей положительной реакции (конструктивных способов взаимодействия) со стороны партнера, сталкиваясь, например, с негативными проявлениями, сложно этому противостоять (особенно в юношеском возрасте). Происходит эмоциональное «заражение», и молодой человек переходит на деструктивные

методы воздействия, которые могут в равной степени привести к желаемому результату.

Далее мы выявили, является ли разница между элементами конструктивной и деструктивной активности в группе *ситуаций с отрицательным результатом* статистически значима. Для этого были сформулированы следующие статистические гипотезы:

гипотеза H_0 : вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов в ситуации недостижения цели одинакова;

гипотеза H_1 : вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов в ситуации недостижения цели не одинакова.

Выявлено, что $\chi^2_{\text{эмп}} = 16,094$. Критическое значение для χ^2 с $df = 1$; $\chi^2_{0,05} = 3,84$. Поскольку $\chi^2_{\text{эмп}} = 16,094$ больше, чем $\chi^2_{\text{крит}} = 3,84$, то H_0 отклоняется и принимается альтернативная (H_1). Вероятность использования конструктивных и деструктивных элементов в ситуации *недостижения цели* не одинакова, т.е. соотношение конструктивных и деструктивных поведенческих элементов складывается в пользу последних.

Интересно заметить, что в ходе промежуточного математического расчета было обнаружено, что в целом «стратегия» конструктивного поведения с использованием определенного количества элементов является более экономной – на деструктивное поведение затрачивается в два раза больше элементов поведенческой активности.

Выводы

Выявлено, что при конструктивной активности наблюдается *осознание поведенческих проявлений* как своих, так и партнера, тогда как при использовании деструктивной активности осознаваемых признаков поведения (высказываний) *не* наблюдалось, что способствовало увеличению деструктивных действий, нетерпимости и/или эмоциональных проявлений со стороны участника конфликтной ситуации.

В ситуации *достижения цели* вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов одинакова. Таким образом, деструктивная и конструктивная поведенческая активность в равной мере может приводить как к отрицательному, так и к положительному исходу ситуации для участника межличностного конфликта, при этом оба варианта, как правило, используются *в одной и той же ситуации*.

В ситуации *недостижения цели* вероятность использования конструктивных и деструктивных поведенческих элементов не одинакова. В подобных ситуациях деструктивная поведенческая активность преобладает.

Во всех ситуациях наряду с негативными поведенческими элементами использовались и положительные. Данный факт можно объяснить следующим образом: сталкиваясь с нежелательными проявлениями партнера (в ответ на конструктивное поведение), что субъективно оценивалось как отдаление от достижения желаемой цели, оппонент переходил к использованию неконструктивных форм воздействия на партнера, считая их более «эффективными». Подобный («смешанный») стиль реагирования доказывает, что в данном возрасте еще окончательно не сформировались конструктивные способы и методы взаимодействия с партнером, приводящие к обоюдодостижимым достижениям.

Таким образом, детальное рассмотрение конструктивной и деструктивной поведенческой активности в межличностном конфликте, качественный анализ результатов позволили сделать более точные выводы относительно: во-первых, эффективности данных методов в исследовании подобных психологических феноменов; во-вторых, раскрытия соотношения между особенностями поведенческой активности человека в конфликтной ситуации и результативностью подобных ситуаций для одного из участников.

Заключение

Результаты исследования доказывают необходимость использования методов оптимизации взаимодействия в конфликтной ситуации (в частности, в юношеском возрасте). Вопрос о совершенствовании приемов взаимодействия в конфликте остается важным и предполагает учет многих факторов: их можно рассматривать в контексте понятия «конфликтная компетентность». Под конфликтной компетентностью понимается способность человека оптимальным способом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликтов и умение их конструктивно разрешать. М. М. Кашапов и М. В. Башкин в структуре конфликтной компетентности выделяют три основных уровня, каждый из которых включает в себя ряд компонентов: 1) когнитивный уровень (знаниевый и креативный компоненты); 2) мотивационный уровень (мотивационно-потребностный и компонент личностных характеристик); 3) регулятивный уровень (эмоциональный, волевой и коммуникативный компоненты) [5, с. 34].

Таким образом, с точки зрения дальнейшего усовершенствования способов взаимовлияния в конфликтных ситуациях направление работы должно касаться комплексного развития навыков человека, а именно – умений анализировать, прогнозировать и регулировать негативные эмоциональные состояния, творчески подходить к разрешению противоречия, пониманию мотивов

того или иного действия, знанию психологических особенностей человека и некоторых других. В коммуникативном аспекте выбор того или иного способа взаимодействия с партнером будет зависеть от всех этих навыков в комплексе.

Библиографический список

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2005. 464 с.
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. 3-е изд. СПб., 2007. 496 с.
3. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996. 224 с.
4. Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. СПб., 1997. С. 123–142.
5. Кашапов М. М., Башкин М. В. Исследование и формирование базовых характеристик конфликтной компетентности студентов // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Акмеология образования. 2008. Т. 4. С. 33–38.

Peculiarities of Behavioral Activity Manifestations in Interpersonal Conflict

Natalia V. Molchanova

Smolensk Humanitarian University
2, Herzen str., Smolensk, 214014, Russia
E-mail: nat-mo39@yandex.ru

Discusses the concept of «behavioral activity». Contents of such categories as destructive and constructive behavioral activity. It is noted that their influence on the outcome of the conflict in adolescence

УДК 159.99

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

И. В. Воробьева

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: lorisha@mail.ru

Описана проблема распространения вандального поведения среди подростков и юношей и отсутствия в современной практике эффективных механизмов предупреждения и профилактики подобных форм девиантного поведения. Показано, что одним из детерминационных оснований готовности к совершению вандальных действий является деструкция и деформация ценностной сферы респондентов. Представлены результаты

эмпирического исследования, выполненного на подростковой и юношеской выборках с нормативным и девиантным поведением ($N = 457$ человек) с применением диагностического инструментария: «Опросник ценностей» Ш. Шварца, авторская методика «Опросник мотивов вандального поведения» С. А. Острикова, И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой. Установлена связь выбора действий, причиняющих ущерб чужой или общественной собственности подростками и юношами, с их рассогласованными и деформированными ценностными ориентирами. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в предложенной модели профилактики и предупреждения вандального поведения.

References

1. Grishina N. V. *Psikhologiya konflikta* (Conflict psychology). St.-Petersburg, 2005. 464 p. (in Russian).
2. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov* (Conflictology: the textbook for high school). 3-d ed. St.-Petersburg, 2007. 496 p. (in Russian).
3. Druzhinin V. N. *Psikhodiagnostika obshchikh sposobnostey* (Psychognosis of general abilities). Moscow, 1996. 224 p. (in Russian).
4. Sidorenko E. V. *Lichnostnoe vliyaniye i protivostoyaniye chuzhomu vliyaniyu* (Personal influence and opposition to alien influence). *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* (Psychological problems of personality's self-realization). Eds. A. A. Krylov, L. A. Korostyleva. St.-Petersburg, 1997, pp. 123–142 (in Russian).
5. Kashapov M. M., Bashkin M. V. *Issledovanie i formirovaniye bazovykh kharakteristik konfliktnoy kompetentnosti studentov* (Investigation and formation of base characteristics of students' conflict competence). *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. Ser. Akmeologiya obrazovaniya* (Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Ser. Educational Acmeology), 2008, vol. 4, pp. 33–38 (in Russian).

эмпирического исследования, выполненного на подростковой и юношеской выборках с нормативным и девиантным поведением ($N = 457$ человек) с применением диагностического инструментария: «Опросник ценностей» Ш. Шварца, авторская методика «Опросник мотивов вандального поведения» С. А. Острикова, И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой. Установлена связь выбора действий, причиняющих ущерб чужой или общественной собственности подростками и юношами, с их рассогласованными и деформированными ценностными ориентирами. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в предложенной модели профилактики и предупреждения вандального поведения.

Ключевые слова: вандализм, ценности, модель, профилактика, предупреждение.

Введение

Распространение вандального поведения среди подростков и юношей становится одной из актуальных проблем современного общества, требующих своевременного решения как в связи с определенными экономическими потерями, так и с точки зрения выбора дальнейших более серьезных форм девиантного поведения теми молодыми людьми, которые уже получили опыт причинения вреда чужой или общественной собственности. Соответственно, эффективные методы и технологии профилактики и предупреждения подобных действий крайне востребованы и в рамках воспитательного процесса общеобразовательных учреждений и учреждений профессионального образования, и в специальных учреждениях, занимающихся подростками и юношами с отклоняющимся поведением. В основе уже существующих вариантов лежит принцип наказания за уже предпринятые действия, что требует либо признания человека в их совершении (что маловероятно), либо наличия неопровержимых доказательств в причастности человека к ним. При этом без внимания остается специфика мотивационных оснований вандального поведения, личностных и средовых детерминант, а также ценностных ориентиров личности, принимающих данное поведение как приемлемое и допустимое, что снижает результативность используемых мер и лишает их возможного профилактического и предупреждающего эффекта. Таким образом, разработка модели профилактики и предупреждения вандального поведения подростков и юношей, в основе которой будут лежать представления о ценностно-смысловых конструктах личности и учитываться разнообразные мотивы вандальных действий, будет одной из превентивных мер, которые сегодня практически отсутствуют в данной проблемной области.

Теоретический анализ проблемы

Согласно Е. В. Змановской, девиантное поведение можно определить как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся социальной дезадаптацией [1]. Соответственно, можно предположить, что система ценностных ориентиров личности является одним из возможных оснований или условий выбора подобных поведенческих вариантов. Например, многочисленные социологические и статистические исследования подтверждают значимость для подрастающего поколения таких ценностей, как деньги, удовольствия, власть, развлечения, но при этом культурно полезные ценности, позволяющие адекватно и паритет-

но интегрироваться в современное общество, ими зачастую игнорируются. Как указывает Е. А. Горьковая, проблема состоит не столько в различиях целевой ориентации современных подростков и юношей, сколько в деструкции их инструментальных ценностей, отвечающих за средства достижения поставленных целей [2]. В связи с этим можно предположить, что меры по профилактике и предупреждению отклоняющегося поведения в обязательном порядке должны, с одной стороны, учитывать аксиологическую составляющую личности подростков и юношей и ориентироваться на когнитивный принцип, предполагающий высокую степень информированности человека относительно оценки его поступков в нормативном и социальном аспектах, а с другой – включать эмоционально-личностный компонент, предполагающий учет персонального отношения человека к ситуации, самому себе и окружающему миру в целом.

Выборка, методики и методы исследования

Для выявления связи ценностно-смысловой сферы и склонности подростков и юношей к вандальному поведению были сформированы две выборки: с нормативным поведением (218 подростков и 139 юношей, обучающихся в общеобразовательных школах, учебных заведениях профессионального образования Екатеринбурга и Свердловской области) и фактами отклоняющегося поведения (50 подростков и 50 юношей, обучающихся в вечерних средних общеобразовательных школах Екатеринбурга и Свердловской области). Полученные данные были подвергнуты математико-статистической обработке, были использованы: корреляционный анализ, сравнительный анализ и многомерный регрессионный анализ в статистическом пакете SPSS 19.0. Разработка модели осуществлялась посредством теоретического моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выявления психологических основ предлагаемой модели первоначально была проанализирована ценностная сфера респондентов. В рамках используемого инструментария можно сопоставить ценности, которые человек декларирует в качестве ведущих в настоящий момент времени, и те ценности, которыми он руководствуется при построении собственного поведения. При согласованности этих конструктов можно утверждать, что основные принимаемые и используемые ориентиры человека в настоящем тесно связаны и не противоречат друг другу, соответственно, поведение человека, определяемое этими ценностями, вряд ли будет иметь выраженный импульсивный или компенсаторный характер. Результаты были

подвергнуты корреляционному анализу на транспонированной матрице с помощью коэффициента Спирмена. Далее на основании корреляционной матрицы было сформировано по три подгруппы: к первой были отнесены респонденты, у которых существует положительная взаимосвязь ценностей и профиля личности, ко второй – те, у которых статистически достоверной связи между конструктами нет, т.е. наблюдаются деформации системы ценностей, к третьей – респонденты с обратной статистически достоверной связью, свидетельствующей о деструкции системы ценностей.

Результаты распределения по группам следующие: в нормативной выборке подростков первая группа (с согласованной системой ценностей) составляет 28%, вторая группа (с рассогласованной системой ценностей – деформацией жизненных ориентиров) – 72% опрошенных, третья группа не представлена. В нормативной выборке юношей респонденты с антагонистическими ценностными профилями, т.е. деструктивной системой ценностей составили 2,2% от общей выборки; респонденты с рассогласованными ценностными профилями, т.е. деформированной системой ценностей – 62,8%; респонденты с согласованными ценностными профилями – 35% от общей выборки [3]. В выборке подростков и юношей с отклоняющимся поведением согласованную систему ценностей имеют 13% опрошенных, деформированную – 87%, деструктивный вариант также не представлен. Далее были проведены сравнительные и многофакторный регрессионный анализы.

Опираясь на полученные данные, можно утверждать, что юноши нормативной выборки с прямо противоположными декларируемыми ценностями и ориентирами собственного поведения наиболее предрасположены к совершению вандальных действий. Так, они скорее выберут этот вариант поведения как возможность выразить своё несогласие, протест против чего-либо; посредством несанкционированного изменения объектов чужой или общественной собственности они обозначают свою персональную позицию, мнение относительно чего-либо. Необходимо заметить, что данный способ носит, скорее, анонимный характер, и если юноша все-таки обозначает себя как автора содеянного, то использует маркеры, понятные только конкретной социальной группе, к которой он относится (теги, граффити и т.п.). Кроме того, юноша с деструкцией ценностной сферы по антагонистичному типу склонен совершать акты вандализма, исходя из собственного любопытства, интереса, стремления получить новые впечатления и пережить необычные эмоции (выплеск адреналина, чувство опасности, риск и т.п.). С другой стороны, поступки, причиняющие ущерб чужим объектам, могут приносить реальную выгоду самому субъекту активности:

тогда вандальное поведение становится продуманным, частично или полностью осознаваемым действием.

Подростки и юноши нормативной выборки с рассогласованностью между ориентирами, которые человек определяет для себя, и теми ценностями, которые лежат в основе его реального поведения, демонстрируют повышение вероятности выбора девиантного поведения, среди видов которого довольно широко представлен вандализм, и психологическую готовность к причинению ущерба чужой или общественной собственности. Данные респонденты относятся к группам риска по совершению вандальных действий, так как в основе выбора подобной формы поведения могут лежать конформизм, мотивы любопытства и эстетические. Соответственно, эти молодые люди не всегда адекватно прогнозируют результаты своих действий и своевременно идентифицирует их как вандальные.

Наиболее явно вандальная активность представлена в подгруппе юношей и подростков с отклоняющимся поведением и имеющих согласованную систему жизненных ориентиров. Данный факт говорит не только об осознании собственного поведения, но и о наличии сформированной установки к совершению подобных действий. Подростки и юноши прекрасно понимают разрушающий характер своих действий и получают при этом от них максимальную выгоду, выражающуюся либо в материальном, либо в психологическом эквивалентах.

Таким образом, исследование показало, что в выстраивании процессов профилактики вандальных действий необходимо учитывать такую специфику ценностно-смысловой сферы подростка или юноши, как согласованность системы жизненных ориентиров. Собственно коррекционная работа должна затрагивать группу респондентов, которые уже имели опыт разнообразных форм девиантного поведения (в том числе, и вандализма) и сформировали согласованную, но антисоциальную систему ценностей. В этом случае целесообразным будет использование комплексных мер работы с данной категорией, включающих как нормативно-правовые механизмы, так и психолого-педагогические.

Предупреждающий комплекс мероприятий в основном ориентирован на те группы подростков и юношей, которые имеют рассогласованную или деформированную ценностную систему. Они будут являться потенциальными группами риска, так как имеют высокую степень готовности к совершению вандальных действий. Предполагается использовать две ключевые формы работы – индивидуальную и групповую: к первой можно отнести такие варианты, как персональная диагностика, консультирование и т.п.; вторая будет содержать широкий спектр мероприятий, основная цель

которых – оптимизация жизненных ориентиров личности в поле социально-пространственных отношений с другими людьми и с самим собой. Таким образом, общая логика модели включает в себя последовательную реализацию следующих блоков: диагностического (изучение системы ценностных ориентаций личности, склонности к различным видам девиантного поведения, готовности к вандальным действиям и т.п.), просветительского (информационное сопровождение с целью создания условий для правовой социализации) и формирующего. Последний реализуется с учетом степени и характера согласованности ценностно-смысловой сферы личности: так, например, при деформации жизненных ориентиров предлагается работать с системой личностной саморегуляции, моральными выборами, способствовать формированию осознанной ценностной позиции и ранжированию индивидуальных приоритетов человека. При деструктивном варианте, крайне редко встречающемся, необходима индивидуальная работа по разрешению внутриличностного конфликта, для которой могут быть использованы глубинные психологические техники, направленные на принятие себя и мира.

Заключение

Работа с любым видом отклоняющегося поведения, представленным в современной молодежной среде, чрезвычайно актуальна и востребована, однако в силу объективных и субъективных причин привычные формы воздействия морально устарели и не приносят желаемого результата. Соответственно, попытки заложить в модель профилактики и предупреждения такого вида девиантного поведения, как вандализм представления о социально-психологических механизмах его детерминации обоснованы не только вероятной эффективностью предлагаемых мер, но выстраиванием превентивной системы на основе логичного научного подхода.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, проект РГНФ-Урал «Деструкция ценностей современных подростков и юношей как предпосылка вандального поведения» (№ 13-16-66017 а/У).

Библиографический список

1. Змановская Е. В. Девиантология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. 288 с.
2. Горьковская И. А. Эффективность копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением // Психоло-

гия стресса и совладающего поведения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (Кострома, 26–28 сентября 2013 г.). Кострома, 2013, Т. 1. С. 238–241.

3. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Роль ценностно-поведенческих деформаций в мотивационной готовности подростка к вандальному поведению // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 45–52.

The Problem of Developing the Model of Prophylaxis and Prevention Measures Towards Vandal Behavior of Teenage Boys and Young Men

Irina V. Vorobyeva

Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov str., Ekaterinburg, 620017, Russia
E-mail: lorisha@mail.ru

Discussed the problem of proliferation of vandal behavior among teenage boys and young men and the lack of modern practice or effective mechanisms for prevention of these forms of deviant behavior. The researcher points out that one of the reasons of determinational readiness to commit a vandal acts is destruction and deformation of the respondents' value area. The results of empirical research carried out in the teenage boys and young men sample groups with normative and deviant behavior (N = 457) used diagnostic tools: questionnaire value by S. Schwartz, the author's technique «Questionnaire of motives for vandal behavior» (S. A. Ostrikov, I. V. Vorobyeva, O. V. Kruzhkova). The researcher detected the connection between the choices of actions causing damage to public someone else's property by teenage boys and young people, and their mismatched and distorted value systems. The applied aspect of the problem under study is in the proposed model of vandal behavior prevention.

Key words: vandalism, values, model, prevention, prophylaxis.

References

1. Zmanovskay E. V. *Deviantology*: ucheb. posobie dlya stud. vysch. ucheb. zavedeniy (Deviantology: for students of high school). Moscow, 2004. 288 p. (in Russian).
2. Gorcovay I. A. *Effektivnost' coping-strategiy u podrostcov s deviantnem povedeniem. Psihologiy stressa i sovladaucsego povedeniy*: materialy III Mezhdunarodnoy nauch.-pract. conf.: v 2 t. (The effectiveness of coping strategies at teenagers with deviant behavior. The psychology of stress and coping: in 2 vol.). Kostroma, 26–28 sentyabrya 2013. Kostroma, 2013, vol. 1, pp. 238–241 (in Russian).
3. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Rol tsennostno-povedencheskikh deformatsiy v motivatsionnoy gotovnosti podrostka k vandalnomu povedeniy (The role of values and behavioral strains in motivational readiness to vandalism teenager behavior). Vestnik Uzhno-Ural'scogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya (Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology), 2013, vol. 6, no. 4, pp. 45–52 (in Russian).

УДК 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ К ЭКСТРЕМИСТАМ

Н. В. Муращенкова

Муращенкова Надежда Викторовна – аспирант, кафедра общей и социальной психологии, Смоленский гуманитарный университет, Россия
E-mail: muraschenkova.n@yandex.ru

В статье описаны результаты эмпирического исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании различий в психологических особенностях молодых людей с разными типами отношения к экстремистам. Выявлено, что ценностные ориентации, базовые убеждения, этническая идентичность и представления молодежи об экстремисте характеризуются спецификой у респондентов с негативным, индифферентным и лояльным типами отношения к экстремистам. Наиболее выпуклыми являются психологические особенности респондентов с лояльным типом отношения к экстремистам: для них характерны этнический фанатизм и этнический изоляционизм, выраженная приверженность индивидуалистическим ценностям, положительные представления об экстремистах. Значимость результатов исследования связана с необходимостью выявления психологических детерминант актуализации экстремистского сознания и поведения современной молодежи.

Ключевые слова: отношение к экстремисту, представления об экстремисте, ценности, базовые убеждения, этническая идентичность.

К постановке проблемы

Важной проблемой современной социальной психологии является выявление особенностей и психологических детерминант социальной идентификации современной молодежи, проходящей на фоне экстремизации массового сознания и поведения. Формирование просоциальной направленности, являющейся гарантом позитивного развития как самой личности, так и общества в целом, во многом зависит от специфики представлений, установок, отношения и готовности молодежи к различным конструктивным и деструктивным формам взаимодействия, в частности к экстремизму.

Проблематика отношения населения к экстремизму и к экстремистам как субъектам реализации соответствующей идеологии и поведения все чаще находит отражение в современных гуманитарных исследованиях [1–7]. Ученые отмечают необходимость регулярного мониторинга отношения населения (особенно молодежи) к экстремизму [3, 7, 8]. Исследования показывают, что большинство людей сегодня относится к экстремизму отрицательно, но существует определенный процент респондентов с нейтральным и позитивным отношением к экстремизму и терроризму [1, 3].

Иногда терпимое отношение к экстремизму диагностируется на территории целых республик [7].

Современная социальная действительность диктует необходимость анализа психологических детерминант актуализации экстремистского сознания и поведения молодежи. Значимый этап на пути решения данной задачи – выявление психологических особенностей молодых людей с различными типами отношения к экстремистам. Актуальность данной проблематики наряду с недостатком психологических исследований в этой области определили выбор темы и цели нашего эмпирического исследования.

Программа эмпирического исследования

Цель исследования – выявление и анализ психологических особенностей молодых людей с негативным, индифферентным и лояльным типами отношения к экстремистам. Выборку исследования составили молодые люди (314 человек, из них 157 мужчин и 157 женщин) в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,66$ и $SD = 2,79$), постоянно проживающие в Смоленске и Смоленской области, отмечающие свою принадлежность к русской национальности и указывающие на отсутствие опыта участия в экстремистских организациях.

Эмпирическое исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. Отношение респондентов к деятельности экстремистов выявлялось с помощью закрытого вопроса (Каково Ваше отношение к деятельности экстремистов в нашей стране?), предложенные варианты ответов на который отражали определенный тип отношения к экстремистам: негативный («я отношусь к их деятельности негативно, она опасна и вредна»), индифферентный («я отношусь к их деятельности спокойно, мне все равно») и лояльный («я поддерживаю их взгляды и убеждения, их деятельность полезна»). Процедура проведения исследования предполагала предварительное ознакомление респондентов с выдержкой из Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности (с изменениями и дополнениями)» (ст. 1. Основные понятия) [9], отражающей правовую трактовку экстремизма, принятую в России на законодательном уровне. Благодаря этому молодые люди в дальнейшем при работе с анкетой обозначали собственный тип отношения к экстремистам и приписывали

экстремисту те или иные качества, в том числе исходя из правовой трактовки экстремизма, принятой в России.

В процессе эмпирического исследования выявлялись следующие психологические особенности респондентов: ценностные ориентации, базовые убеждения, типы этнической идентичности и представления о личности экстремиста.

Для выявления ценностных ориентаций респондентов, проявляющихся на индивидуальном уровне – уровне их поведения, использовалась вторая часть опросника Ш. Шварца («Профиль личности») в адаптации В. Н. Карандашева [10]. Базовые убеждения личности диагностировались при помощи «Шкалы базовых убеждений», разработанной Р. Янофф-Бульман (перевод и адаптация О. А. Кравцовой) [11]. Типы этнической идентичности определялись при помощи опросника «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдаговой и С. В. Рыжовой [11]. Представления об экстремисте выявлялись с помощью личностного семантического дифференциала «Образ экстремиста», шкалы-дескрипторы, 26 пар антонимов для которого были отобраны в ходе пилотажного исследования как наиболее часто встречающиеся при описании экстремиста.

Математическая обработка данных осуществлялась в программе Statistica 6.0.: для первичной обработки использовались методы описательной статистики. Для определения достоверности различий в уровне исследуемых признаков в различных группах применялся H -критерий Краскела-Уоллиса, а для определения различий в уровне признаков при парном сравнении групп использовался φ^* -критерий Фишера и U -критерий Манна-Уитни. Факторный анализ (метод главных компонент, вращение факторной структуры по методу Varimax normalized) применялся для уменьшения размерности данных, полученных с помощью психосемантического дифференциала.

На предложение выразить свое отношение к деятельности экстремистов в нашей стране респонденты отреагировали следующим образом: 77,71% опрошенных (из них 36,94% – мужчины, 40,77% – женщины) выразили негативное отношение к экстремистам; 12,10% (из них 6,37% – мужчины, 5,73% – женщины) относятся к деятельности экстремистов в России спокойно; 10,19% (из них 6,69% – мужчины, 3,50% – женщины) ответили, что поддерживают экстремистов и считают их деятельность полезной. Причем выявлено, что мужчины в большей степени склонны к проявлению лояльного отношения к экстремистам, нежели женщины ($\varphi^*_{\text{эмп}}=1,896, p<0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство молодежи характеризуется негативным отношением к деятельности экстремистов в нашей стране, однако немалая часть молодых людей (22,29%) все же проявляет терпимое

отношение к экстремистам, при этом половина из них относится к экстремистам индифферентно, а другая половина одобряет экстремистскую деятельность (проявляет лояльный тип отношения).

С помощью H -критерия Краскела-Уоллиса обнаружены статистически достоверные различия в уровнях выраженности следующих признаков у респондентов, демонстрирующих различные типы отношения к экстремистам: значимости ценностей «самостоятельность» ($H = 12,487, p = 0,0019$), «стимуляция» ($H = 9,381, p = 0,0092$), «гедонизм» ($H = 7,969, p = 0,0186$), «достижение» ($H = 7,868, p = 0,0196$) и «власть» ($H = 11,900, p = 0,0026$); выраженность базовых убеждений в благосклонности мира ($H = 9,402, p = 0,0091$) и ценности собственного «Я» ($H = 11,446, p = 0,0033$); представлений о личности экстремиста, отраженных в факторах «спокойствие, доброжелательность и нравственность – тревожность, враждебность и безнравственность» ($H = 21,706, p = 0,0000$) и «власть и достижения – подчинение и неудачи» ($H = 9,393, p = 0,0091$).

Наиболее выпуклыми (в сравнении с другими типами) являются психологические особенности респондентов, отличающихся лояльным типом отношения к экстремистам. Именно для них характерны наибольшие средние значения всех ценностей индивидуалистического спектра («самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм», «достижение», «власть») и значимые различия, относительно представителей негативного ($p < 0,01$) и индифферентного ($p < 0,05$) типов отношения, в выраженности практически всех из них за исключением ценности «самостоятельность», различия в выраженности которой обнаружены лишь с представителями негативного типа отношения ($p < 0,001$). Респонденты – лояльные к экстремистам – отличаются также этноизоляционизмом ($p < 0,05$), этнофанатизмом ($p < 0,05$), большей убежденностью в ценности собственного «Я» ($p < 0,001$) в сравнении с респондентами, относящимися к экстремистам негативно. Помимо этого, согласно представлениям респондентов с лояльным типом отношения (в отличие от представлений респондентов с негативным отношением), экстремисты являются спокойными, доброжелательными и нравственными людьми ($p < 0,001$), а также (в отличие от представлений респондентов с негативным и индифферентным отношением) властными и успешными ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно).

Молодежь, относящаяся к экстремистам индифферентно, также имеет свои особенности. От представителей лояльного типа их отличают меньшая ориентация на ценности индивидуалистического спектра «стимуляция», «гедонизм», «достижение» и «власть» ($p < 0,05$) и меньшая убежденность в ценности собственного «Я» ($p < 0,05$), а экстремиста они рассматривают как

менее властного и успешного ($p < 0,05$). В сравнении же с теми, кто относится к экстремистам негативно, представители индифферентного типа в большей степени склонны к проявлению этнонигилизма ($p < 0,05$) и в меньшей – к проявлению позитивной этноидентичности ($p < 0,05$), они отличаются слабой убежденностью в благосклонности мира ($p < 0,01$), а также позитивной оценкой экстремиста и приписыванием ему таких качеств, как спокойствие, доброжелательность и нравственность ($p < 0,001$).

Молодые люди, негативно оценивающие деятельность экстремистов в нашей стране (в сравнении с представителями других типов отношения), характеризуются меньшей ориентацией на ценности индивидуалистического спектра, демонстрируют позитивную этноидентичность и меньшую степень проявления этнонигилизма, этноизоляционизма и этнофанатизма, отличаются выраженным убеждением в благосклонности мира, но меньшей убежденностью в ценности собственного «Я», склонны приписывать экстремисту такие характеристики, как тревожность, враждебность, безнравственность, зависимость и неуспешность.

Таким образом, позитивное (лояльное) отношение к экстремисту имеет положительные связи с выраженностью у молодежи этнической гиперидентичности, базового убеждения в ценности собственного «Я», ценностей индивидуалистического спектра, а также связано с позитивными представлениями об экстремисте (касающимися оценки эмоциональной, коммуникативной и нравственной сфер, достижений и степени доминирования). Полученные результаты свидетельствуют о сходстве психологического профиля экстремистов и молодых людей с лояльным типом отношения к ним, что позволяет включить данных респондентов в группу риска, с высокой вероятностью проявления экстремистского поведения. Полученные данные позволяют также выдвинуть предположение (требующее дополнительной эмпирической проверки в будущем) о том, что позитивные представления об экстремисте (особенно об уровне его успешности и степени доминирования) у молодежи с выраженными мотивационными целями индивидуалистического спектра («самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм», «достижение», «власть») детерминируют позитивное отношение к деятельности экстремистов, самоидентификацию с ними и определяют формируемый в сознании молодых людей образ желаемого будущего для себя, связанный с экстремистским типом (стилем) поведения и жизни.

Молодые люди, демонстрирующие индифферентное отношение к экстремистам, могут быть включены в группу риска в связи с высокой вероятностью формирования у них лояльного

типа отношения и экстремистского типа поведения. Подтверждением данного тезиса являются присутствующие в сознании респондентов представления об экстремисте как о спокойном доброжелательном и нравственном человеке, слабая убежденность в благосклонности мира, выраженный этнонигилизм (проявляющийся в ощущении собственной этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса) и слабо выраженная, в сравнении с респондентами, негативно относящимися к экстремистам, позитивная этноидентичность. Особенно вероятна ситуация смены типа отношения молодежи к экстремистам с индифферентного на лояльный в случае трансформации ценностной сферы (повышения значимости индивидуалистических ценностей) и развития представлений данных респондентов об успешности и доминировании экстремиста. В свою очередь, профилактика формирования экстремистского сознания и поведения в среде молодежи, обладающей безразличным отношением к экстремистам, может быть связана с повышением значимости ценностей коллективистского спектра, с коррекцией (повышением) базового убеждения в благосклонности мира, с развенчанием романтизированных и формированием соответствующих реальности представлений об экстремистах, с коррекцией сферы этнической идентичности, с развитием положительного отношения к своему и другим народам, с формированием межэтнической толерантности как важнейшего условия конструктивного межэтнического взаимодействия и профилактики межэтнической напряженности.

Заключение

Полученные нами результаты подтверждают выводы современных ученых о том, что значимую роль в профилактике экстремизма в молодежной среде играет формирование негативного, нетерпимого отношения и адекватных представлений об экстремизме и экстремистах [2, 8]. Именно негативное отношение, неприятие экстремистов, так же как и соответствующие реальности представления и оценка их деятельности, являются барьером на пути формирования экстремистской самоидентичности молодежи. Как показывают результаты исследования, молодежь, отличающаяся неприятием экстремизма (в сравнении с теми, кто терпит к деятельности экстремистов), характеризуется меньшей ориентацией на ценности индивидуалистического спектра, позитивной этнической идентичностью, связанной с положительным отношением к своему и другим народам, а также сформированным чувством доверия к миру, проявляющимся в базовых убеждениях в благосклонности мира и ценности собственного «Я».

Библиографический список

1. Бузыкина Ю. С. Отношение к проявлениям экстремизма у представителей различных социально-демографических групп : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
2. Воронов В. А., Беспаленко П. Н. Общественное мнение молодежи о причинах молодежного экстремизма. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. Белгород, 2008. С. 33–46.
3. Забарин А. В., Иванова А. С. Отношение к экстремизму студенческой молодежи: психолого-политическое измерение // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 1. С. 126–135.
4. Корнилова О. А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 43 с.
5. Мурашченкова Н. В. Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме. Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. 2012. № 12 (20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/murashchenkova.pdf> (дата обращения: 03.03.14).
6. Мурашченкова Н. В. Ценности, убеждения и этническая идентичность как детерминанты выраженности экстремистской идентичности личности // Изв. Смоленск. гос. ун-та. 2014. № 2(26). С. 456–464.
7. Муслимов С. Ш. Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме // Социс. 2011. № 11 (331). С. 42–47.
8. Вехов И. В. Экстремизм в современной России : механизм воспроизводства и меры социального контроля : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2011. 243 с.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности (с изменениями и дополнениями)». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (дата обращения: 05.04.14).
10. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 72 с.
11. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М., 2008. 112 с.

Psychological Peculiarities of Young People with Various Types of Attitude to Extremists

Nadezhda V. Murashchenkova

Smolensk Humanitarian University
2, Herzen's str., Smolensk, 214014, Russia
E-mail: murashchenkova.n@yandex.ru

In article author described results of the empirical research directed on check of a hypothesis of existence of distinctions in psychological features of young people with different types of the relation to ex-

tremists. The received results testify that values, basic beliefs, ethnic identity and representations of youth about extremist are characterized by specifics at young people with negative, indifferent and loyal type of the attitude towards extremists. The most convex are psychological features of respondents with loyal type of the attitude towards extremists. The ethnic fanaticism and the ethnic isolationism, the expressed commitment to individualistic values, positive representations about extremists are peculiar to these young people. The importance of results of research is connected with need of studying psychological factors of development of extremist consciousness and behavior of young people.
Key words: attitude towards an extremist, idea about an extremist, values, basic beliefs, ethnic identity.

References

1. Buzykina Yu. S. *Otnoshenie k proyavleniyam ekstremizma u predstaviteley razlichnykh sotsial'no-demograficheskikh grupp: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* (Stance on extremism manifestations by representatives of different social-demographic groups: autoref. diss. ... cand. of psychology). Chelyabinsk, 2013. 24 p. (in Russian)
2. Voronov V. A., Bepalenko P. N. *Obshchestvennoe mnenie molodezhi o prichinakh molodezhnogo ekstremizma* (Youth's public opinion about causes of youth extremism). *Prichiny rasprostraneniya etnicheskogo ekstremizma i ksenofobii sredi molodezhi (Tsentral'nyy federal'nyy okrug)* (Causes of expansion of ethnic extremism and xenophobia between young people {Central Federal canton}). Ed. by L. Ya. Dyatchenko. Belgorod, 2008, pp. 33–46 (in Russian).
3. Zabarina A. V., Ivanova A. S. *Otnoshenie k ekstremizmu studencheskoy molodezhi: psikhologo-politicheskoe izmerenie* (Students youth's stance on extremism: psychological and political measure). *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* (Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 12. Psychology. Sociology. Education), 2013, no. 1, pp. 126–135 (in Russian).
4. Kornilova O. A. *Marginal'naya lichnost' kak predposylka formirovaniya studencheskogo ekstremizma: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Marginal personality as supposition of students extremism formation: autoref. diss. ... doct. of psychology). Moscow, 2012. 43 pp. (in Russian).
5. Murashchenkova N. V. *Struktura sotsial'nykh predstavleniy molodezhi ob ekstremizme i patriotizme* (Structure of youth's social representation of extremism and patriotism). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyy nauchnyy zhurnal* (Modern research of social problems: scientific e-journal). 2012, no. 12 (20). Available at: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/murashchenkova.pdf> (accessed 03 March 2014) (in Russian).
6. Murashchenkova N. V. *Tsennosti, ubezhdeniya i etnicheskaya identichnost' kak determinanty vyrazhennosti ekstremistskoy identichnosti lichnosti* (Values, creeds and ethnic identity as determinants of personality's extremist identity degree). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* (Izvestia of Smolensk State University), 2014, no. 2 (26), pp. 456–464 (in Russian).
7. Muslimov S. Sh. *Molodezh' Dagestana o religiozno-politicheskom ekstremizme i terrorizme* (Dagestan youth about religious and political extremism and terrorism).

- Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 2011, no. 11 (331), pp. 42–47 (in Russian).
8. Vekhov I. V. *Ekstremizm v sovremennoy Rossii: mekhanizm vosпроизводства i mery sotsial'nogo kontrolya: dis. ... kand. sotsiol. nauk* (Extremism in contemporary Russia: mechanism of reproduction and actions of social control). St.-Petersburg, 2011. 243 p. (in Russian).
 9. *Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti (s izmeneniyami i dopolneniyami)»* (Russian Federation Federal Law 25.07.2002 114-FZ (with changes and additions) {About reaction to extremist activity}). Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (accessed 05 April 2014) (in Russian).
 10. Karandashev V. N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* (Shvarts's method of investigation of personality's values: conception and procedure manual). St.-Petersburg, 2004. 72 p. (in Russian).
 11. Soldatova G. U., Shaygerova L. A., Prokof'eva T. Yu., Kravtsova O. A. *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* (Psychodiagnosis of personality's tolerance). Moscow, 2008. 112 p. (in Russian).

УДК 316.6

ВЛИЯНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ВЫБОР МИГРАНТАМИ ИХ АККУЛЬТУРАЦИОННОЙ УСТАНОВКИ

Д. С. Григорьев

Григорьев Дмитрий Сергеевич – стажёр-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт ВШЭ, Москва, Россия
E-mail: dgrigoryev@hse.ru

В статье с позиций теории социальной идентичности Г. Тежфела и Дж. Тёрнера и теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера рассматривается влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки. Предполагается, что в новой для себя культурной среде мигранты испытывают дискомфорт из-за несоответствия собственных культурных ценностей и норм нормам и ценностям принимающего общества. Для того, чтобы вернуть свою когнитивную структуру в состояние соответствия, мигрантам необходимо определиться со своей аккультурационной установкой. При этом выбор аккультурационной установки будет обусловлен во многом характеристиками этнической идентичности. Сильная выраженность этнической идентичности может способствовать сегрегации, а слабая выраженность не будет препятствовать ассимиляции.

Ключевые слова: аккультурация, социальная идентичность, когнитивный диссонанс, аттитюд, мигранты.

Введение

На сегодняшний день изучение психологии аккультурации является важной задачей на пути понимания личности в контексте культуры и межкультурных взаимодействий в целом. Более того, исследования в этой области крайне актуальны для современной России в силу полиэтничности состава её населения и большого числа мигрантов на её территории. Если говорить о миграции, то следует отметить, что исследования аккультурации в этом плане необходимы также и для проведения эффективных практических шагов по устранению накопившихся связанных с миграцией проблем.

Существующая литература, посвящённая культурным изменениям, содержит конкурирующие точки зрения относительно отношений между культурой происхождения мигранта и принимающей. В линейной биполярной модели адаптации мигрантов этнические изменения рассматриваются как континуум от сильных этнических связей в одном конце до сильных связей с доминирующей культурой на другом. В основе этой модели лежит предположение, что укрепление одной идентичности требует ослабления другой, т. е. сильная выраженность этнической идентичности невозможна среди вовлечённых в принимающее общество мигрантов – аккультурация неизбежно сопровождается её ослаблением. Подобный взгляд хорошо согласуется с ассимиляционными теориями. Конкурирующая же модель предполагает, что изменения охватывают лишь отдельные аспекты этнической идентификации.

Одним из широко распространённых методов изучения аккультурации мигрантов является линейная биполярная модель, в которой рассматриваются выбранные мигрантами аккультурационные установки [1]. Несмотря на то, что данная тема в отдельных аспектах хорошо разработана многими авторами, а одно из центральных мест в этой модели занимает понятие социальной идентичности, объяснительный потенциал в поддержку этой модели таких социально-психологических теорий, как теория социальной идентичности Г. Тежфела и Дж. Тёрнера и теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера для изучения того, что конкретно стоит за тем или иным выбором, использован исследователями не до конца.

Далее будет сделана попытка использовать названные теории как дополняющие друг друга для описания влияния выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки.

Теоретический анализ проблемы

Если обратиться к теории когнитивного диссонанса [2], то можно предположить, что из-за культурных различий мигранты в новой культурной среде будут испытывать некоторый дискомфорт, так как их оригинальные культурные ценности и нормы, как правило, неадекватны окружающему культурному контексту, например, условиям на рабочем месте или нормам социальных отношений в принимающем обществе. В результате этого обстоятельства мигрант будет пытаться снизить этот дискомфорт, причём исследования показывают, что лица, пытающиеся свести к минимуму когнитивный диссонанс для поддержания собственной Я-концепции, могут: 1) избегать определённого поведения; 2) адаптировать собственные ценности и поведенческие нормы к культурному контексту принимающего общества [3].

Опираясь на это предположение, можно говорить о том, что бороться с состоянием когнитивного диссонанса мигрант может четырьмя способами, выбрав соответствующую аккультурационную установку [1]: 1) попытаться полностью принять изначально для него чужие ценности и нормы посредством ассимиляции; 2) принять некоторые из новых ценностей и норм, в то же время сохраняя некоторые из изначальных собственных ценностей и норм посредством интеграции; 3) пытаться дистанцироваться от новых ценностей и норм, отвергая их, и в то же время строго придерживаться самобытной культуры посредством сепарации; 4) отвергнуть ценности и нормы новой культуры и одновременно отказаться от своих собственных, добившись маргинализации.

Однако стоит отметить, что полное принятие или отказ от культурных ценностей и норм не обязательно должны быть подлинными. Например, некоторые мигранты могут полностью принять или полностью избежать принятия ценностей и норм в связи с социальным давлением либо финансовыми трудностями, в таком случае их культурные ценности и нормы могут пребывать в противоречии с их решением: в практике управления человеческими ресурсами, такими как вербовка и найм персонала, в организациях могут непреднамеренно поощрять тех людей, которые имеют определенные культурные особенности доминирующей культуры (допустим, индивидуализм или маскулинность). Мигранты могут демонстрировать эти качества, но не идентифицировать себя с ними.

Таким образом, процесс аккультурации очень многомерен. И несмотря на то, что выбор более интеграционной аккультурационной установки может быть использован для того, чтобы справиться с дискомфортом, это не всегда удаётся, потому что в среде мигрантов широк разброс степени готовности адаптироваться к новой культурной среде. Чем больше разрыв между осознаваемой идентичностью, а также культурными ценностями и нормами мигрантов и ситуативными факторами, характерными для страны прибывания, тем труднее будет мигрантам интегрироваться в этих новых условиях [3]. Мигрантам, для которых их культура имеет меньшее значение, будет легче и эффективнее снизить диссонанс через ассимиляцию или интеграцию, чем тем, чья самобытная культура занимает центральное место в их идентичности, поэтому очень важно при прогнозировании потенциальных результатов рассмотреть характеристики социальной идентичности, а именно сосредоточенность мигрантов на их культуре, т.е. выраженность этнической идентичности. Это же подчёркивают и некоторые исследователи: важно учитывать степень значимости культурных ценностей для мигранта, а не только оценивать влияние культуры как данность, просто по факту принадлежности к какой-либо стране происхождения [3].

Теория социальной идентичности может помочь в дальнейшем объяснении роли выраженности этнической идентичности у мигрантов [4]. Теория социальной идентичности предполагает, что человек классифицирует себя как члена социальных групп, что и позволяет ему сформировать свою социальную идентичность, при этом одни социальные роли по сравнению с другими имеют приоритет [3].

Выраженность этнической идентичности в этом контексте относится к степени, в которой для мигранта роль представителя самобытной культуры (равно как и роль представителя его этнической группы) проявляется как неотъемлемая часть его Я-концепции. Мигрант с сильной выраженностью этнической идентичности рассматривает роль представителя самобытной культуры в качестве неотъемлемой части своей Я-концепции. И наоборот, мигрант с низкой выраженностью этнической идентичности не рассматривает роль представителя своей самобытной культуры в качестве важнейшей части своей Я-концепции. Соответственно, мигрант с низкой выраженностью этнической идентичности будет склонен испытывать меньший дискомфорт от ассимиляции, так как не будет ощущать, что затрагивается какая-либо важная часть его Я-концепции, он также может сосредоточиться на других аспектах своей социальной идентичности (например, профессиональной, гендерной, родительской и т. п.).

Напротив, для мигранта с сильной выраженностью этнической идентичности будет характерен выбор установки на сепарацию, и отчасти это было показано в эмпирическом исследовании и на российской выборке мигрантов, где рассматривались взаимосвязи характеристик этнической и гражданской идентичности с определёнными аккультурационными установками, соответственно, был получен результат: выраженность этнической идентичности положительно взаимосвязана с сепарацией [5].

Что касается интеграции, то предпосылками для выбора этой аккультурационной установки будет как сильная, так и низкая выраженность этнической идентичности – детали в каждом конкретном случае свои, они будут зависеть от влияния дополнительных факторов, так же как и для маргинализации [3]. Например, вместе с низкой выраженностью этнической идентичности для мигранта могут быть характерны желание поддерживать контакты с соотечественниками, общение на родном языке и т. п. или же, несмотря на сильную выраженностью этнической идентичности по экономическим соображениям, мигрант вынужден пойти на контакт с доминирующей группой.

Заключение

Таким образом, теория когнитивного диссонанса может способствовать объяснению, «что» и «как» подталкивает мигранта к выбору своей аккультурационной установки, а теория социальной идентичности указывает на выраженность этнической идентичности как на один из возможных ключевых факторов, «почему» мигрант стремится к определённому выбору.

Данные утверждения выводятся из теории и достаточно ограниченного эмпирического материала, поэтому требуют дальнейшей эмпирической проверки для уточнения всех деталей. В частности, в настоящий момент автором проводится исследование на выборке русскоязычных мигрантов в Бельгии для выявления отношений между характеристиками этнической, гражданской, а также религиозной идентичности и выбранной аккультурационной установкой.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Библиографический список

1. Григорьев Д. С. Этносоциальный капитал мигрантов как фактор их социоэкономической адаптации // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 408–413.
2. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957. 291 p.
3. Samnani A.-K., Boekhorst J. A., Harrison J. A. Acculturation strategy and individual outcomes : Cultural diversity implications for human resource management // Human Resource Management Review. 2012. Vol. 22 (4). P. 323–335.
4. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, L. W. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.
5. Лениокова З. Х. Взаимосвязь характеристик этнической и гражданской идентичности с аккультурационными стратегиями мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : в 2 т. ; под общ. ред. В. В. Гриценко. Смоленск, 2012. Т. 2, вып. 3. С. 107–111.

Influence of Ethnic Identity Expressiveness on the Choice of Acculturation Attitude by Migrants

Dmitry S. Grigoryev

International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, HSE, Moscow
46b, Volgogradskiy pr., Moscow, 109316, Russia
E-mail: dgrigoryev@hse.ru

The article presents study the influence of the salience of ethnic identity on choice migrant's acculturation attitude according to the theory of social identity by H. Tajfel and J. C. Turner and the theory of cognitive dissonance by L. Festinger. We suppose that migrants experienced uncomfortable in new cultural environment due to the inconsistency of their own cultural values and norms with norms and values of the host society. In order to regain their cognitive structure in consistency, migrants need to choice their acculturation attitude. In many ways the choice of acculturation attitude due to the characteristics of ethnic identity. Strong salience of ethnic identity may facilitate separation, weak salience will not prevent assimilation.

Key words: acculturation, social identity, cognitive dissonance, attitude, migrants.

References

1. Grigor'ev D. S. Etnosotsial'nyy kapital migrantov kak faktor ikh sotsioekonomicheskoy adaptatsii (Ethnic social capital of migrants as a factor of their socio-economic adaptation). *Psikhologo-ekonomicheskie i etnokul'turnye resursy uluchsheniya mezhnatsional'nykh otnosheniy v rossiysskikh regionakh* : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Psychological economic and etnocultural resources to improve international relations in the Russian regions). Irkutsk, 2014. P. 408–413 (in Russian).
2. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957. 291 p.
3. Samnani A.-K., Boekhorst J. A., Harrison J. A. Acculturation strategy and individual outcomes: Cultural diversity implications for human resource management. *Human Resource Management Review*, 2012, vol. 22 (4), pp. 323–335.
4. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of Intergroup Relations*.

- Eds. S. Worchel, L. W. Austin. Chicago, 1986, pp. 7–24.
5. Lepshokova Z. Kh. *Vzaimosvyaz' kharakteristik etnicheskoj i grazhdanskoj identichnosti s akkul'turatsionnymi strategiyami migrantov* (Interconnection between ethnic and civic identity characteristics and acculturation strate-

gies of migrants). *Teoreticheskie problemy etnicheskoj i kross-kul'turnoy psikhologii: v 2 t.* (Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology). Ed. by V. V. Gritsenko. Smolensk, 2012, vol. 2, iss. 3, pp. 107–111 (in Russian).

УДК 316.37

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ОЦЕНКИ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО СУБЪЕКТАМИ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

Е. В. Тихомирова

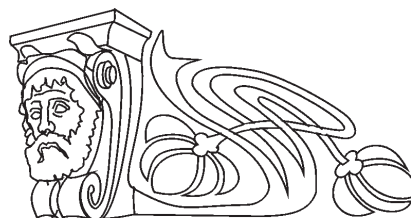
Тихомирова Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова, Россия
E-mail: tichomirowa82@mail.ru

В статье изложены результаты исследования особенностей когнитивной оценки субъектами собственного участия в интернет-сообществах, а также их представления о себе в контексте аддиктивного и совладающего поведения личности. Исследуются восприятие и степень осознания потенциальных личностных рисков вовлеченности в интернет-общение, с одной стороны, и ресурсность участия – с другой. Результаты контент-анализа высказываний участников интернет-форума на основе выделения эмоционально-когнитивного и деятельностно-поведенческого компонентов позволяют сделать вывод о том, что участие в виртуальных сообществах можно рассматривать в трех взаимосвязанных аспектах: в качестве копинг-ресурса, самостоятельной копинг-стратегии и средства реализации других копинг-стратегий, а также дополнительного источника аддиктивного поведения.

Ключевые слова: участие, интернет-сообщество, интернет-коммуникация, интернет-аддикция, вовлеченность, совладающее поведение.

Введение

Большое количество людей, находясь в состоянии напряжения, стресса, нуждаются в поддержке, одобрении, им важно пообщаться, поделиться своей проблемой, чувствами, переживаниями с другими. Многие выбирают для этого именно виртуальную среду, различные интернет-сообщества. Интернет делает возможным общение в самых разных форматах, предоставляет бесконечные возможности для самовыражения и социальной адаптации. В то же время особенности общения посредством сети – анонимность, нежесткая нормативность, своеобразие процесса восприятия человека человеком обуславливают высокую степень вовлеченности коммуникантов, которая может являться источником постепенной деперсонализации. Активное использование

ресурсов сетевого общения несет в себе ряд психологических издержек, и знание особенностей когнитивной оценки пользователями собственной включенности в интернет-сообщества позволит спрогнозировать личностные риски и выработать ряд рекомендаций для минимизации негативных последствий.

Теоретический анализ проблемы

Данные последних исследований в области интернет-коммуникации позволяют сделать вывод о наличии разной степени вовлеченности пользователей в интернет-коммуникацию. Опираясь на исследования А. А. Селютина, можно выделить пассивную (просмотр новостных сайтов, чтение сетевой литературы – сетевой литературы, скачивание файлов и т. д.) и активную вовлеченность (участие в общении, комментирование статей, ведение дневника и т. д.). Пассивный коммуникант преследует единственную цель в интернет-общении – получение информации, что, соответственно, и формирует его интенции в коммуникативном процессе. Под активной вовлеченностью пользователя понимается иная ситуация общения, когда коммуникант выполняет функции и автора, и реципиента, т.е. не только принимает информацию, но и сам создает ее [1].

В свою очередь, исходя из анализа феномена интернет-зависимости как навязчивого желания выйти в Интернет, находясь off-line, и неспособность выйти из сети Интернет, будучи on-line, мы приходим к выводу, что интернет-аддикция – это результат крайней степени выраженности вовлеченности в интернет-пространство. Исследователи приводят различные критерии интернет-зависимости. Так, К. Янг описывает четыре симптома этого явления: навязчивое желание проверить e-mail, постоянное ожидание следующего выхода в Интернет, жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много

времени в Интернете, жалобы окружающих на то, что человек тратит слишком много денег на Интернет [2]. Ученые пришли к выводу, что большая часть интернет-зависимых находится в сети ради общения и не отдает себе отчета в своем состоянии, высказывая протест и агрессию в ответ на критические замечания близких [3].

Бегство в виртуальную зависимость от Интернета – это процесс стадийный: на первой стадии происходит знакомство и заинтересованность Интернетом и новыми возможностями, на второй Интернет замещает значимые стороны жизни, а на третьей можно говорить о собственно бегстве [4]. В настоящее время большинство отечественных исследований посвящено изучению личности интернет-аддикта, т.е. человека, находящегося на третьей, заключительной стадии (В. А. Лоскутовой, Т. С. Спиркиной, А. К. Шумихина и др.). В то же время именно комплексный анализ особенностей восприятия вовлеченности в виртуальное пространство пользователями, не страдающими интернет-зависимостью, позволит раскрыть механизмы поглощения личности мировой сетью. Таким образом, целью настоящего исследования стало изучение когнитивной оценки участия пользователями с разной степенью интернет-вовлеченности.

Выборка, методики и методы исследования

В исследовании приняли участие 50 человек, молодые люди и девушки в возрасте от 18 до 30 лет. Испытуемые имеют неполное высшее и высшее образование, по характеру занятости учащиеся составляют 50%, совмещающие учебу и работу – 25%, работающие 25%. Респонденты были разделены на две равные по количеству группы: активно и пассивно вовлеченные пользователи.

К активно вовлеченным пользователям были отнесены те, кто зарегистрирован в трех и более интернет-сообществах, посещающие их более полутора лет от одного до нескольких раз в день, имеющие более ста друзей (контактов) в социальных сетях, форумах, чатах, придающие большое значение собственному статусу в сети. Соответственно, ко второй группе мы отнесли пользователей с противоположными значениями этих показателей. Для решения поставленных задач применялись следующие методы: опросный, а именно авторский полустандартизированный опросник «Оценка включенности в интернет-общение», позволяющий изучить когнитивные оценки участия; анализ дневниковых записей и просмотр контента интернет-форума в течение месяца (лонгитюдное исследование). Для обработки эмпирических результатов использовались методы статистической обработки данных (критерий Фишера) и контент-анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследования было выявлено, что активные участники виртуальных сообществ имеют более положительное отношение к своей вовлеченности в данную среду коммуникации и взаимодействия ($\varphi = 2,91$ при $p\text{-level} < 0,00$), ценят возможность посещения, формируют свой образ в интернет-сообществах с помощью фото, видео, виртуальных статусов, создают и поддерживают контакты с другими участниками. Пассивно вовлеченным пользователям больше свойственно потребление интересующей их информации, они не стремятся к активным знакомствам и общению, отмечают негативную оценку собственного участия ($\varphi = 2,517$ при $p\text{-level} < 0,00$).

Невозможность участия активно вовлеченных пользователей в интернет-сообществах может вызвать у них состояние психологического напряжения или даже стресса ($\varphi = 4,059$ при $p\text{-level} < 0,00$), это говорит о склонности к аддиктивному поведению. Но на данной стадии зависимыми они не являются, так как, в отличие от аддиктов, социально адаптивны, работают, занимаются учебной деятельностью и предпочитают реальное общение виртуальному. Большая часть пассивно вовлеченной выборки чаще не испытывает фрустрации, когда не участвуют в интернет-сообществах, они относятся к этому равнодушно либо испытывают облегчение и свободу от виртуального сообщества ($\varphi = 4,055$ при $p\text{-level} < 0,00$).

Активно вовлеченные участники в большей степени, чем пассивно вовлеченные, отмечают, что зарегистрировались в виртуальных сообществах для общения ($\varphi = 4,844$ при $p\text{-level} < 0,00$) и обмена различной информацией ($\varphi = 3,067$ при $p\text{-level} < 0,00$). Для первых общение является главной мотивировкой регистрации в данных сообществах (100%). Наряду с этим 52% активных пользователей зарегистрировались в интернет-сообществах для обмена информацией, такой как личные данные, фото, видео, документы, а также для выражения своего состояния. Пассивные пользователи интернет-сообществ чаще, чем активные, использовали такую мотивировку для регистрации как средство, чтобы не выделяться из собственного окружения ($\varphi = 2,828$ при $p\text{-level} < 0,01$): «Друзья зарегистрировались, и поэтому я тоже решил», «Друзья уговорили», «Зарегистрировался, потому что там почти все знакомые есть». Конформные тенденции поведения характерны в большей степени для пассивно вовлеченных пользователей, активные участники, напротив, отличаются самостоятельностью в выборе данного вида общения, так как постепенно оно становится частью их собственного «Я». Что касается цели посещения, то большинство участников посещают виртуальные сообщества

для общения, как в той, так и в другой группе. Участники, которые активно вовлечены в эти большие контактные виртуальные группы, чаще, чем пассивные пользователи, посещают их для обмена информацией ($\varphi = 2,913$ при $p\text{-level} < 0,00$), общения ($\varphi = 2,224$ при $p\text{-level} < 0,02$) и времяпрепровождения – прослушивания музыки, просмотра фильмов, игр ($\varphi = 1,754$ при $p\text{-level} < 0,04$). Пассивно вовлеченные участники посещают интернет-сообщества для того, чтобы узнать, получить какую-либо информацию, т.е. являются потребителями информации (80%), в то время когда активно участвующие респонденты заходят в виртуальные сообщества для обмена информацией (48%).

Интересно, что активным участникам свойственна потребность в постоянном добавлении собственных фото и видео ($\varphi = 4,271$ при $p\text{-level} < 0,00$). В этом мы находим специфический тип зависимости личности – поиск социального одобрения, который, в свою очередь, является также фактором развития интернет-аддикции. Это косвенно подтверждается и выявленной потребностью выхода в сеть у активных пользователей ($\varphi = 3,281$ при $p\text{-level} < 0,00$).

Заключение

Обобщив полученные результаты эмоционально-когнитивного и деятельностно-поведенческого компонентов анализа участия в интернет-сообществах, можно сделать вывод, что активные участники виртуальных сообществ имеют более положительное отношение к своей вовлеченности в данную среду коммуникации и взаимодействия, а также больше ценят возможность посещения. Пользователи, принадлежащие к этой группе, формируют свой образ в интернет-сообществах, создают и поддерживают контакты с другими участниками. Им нравится не только получать нужную информацию, но и активно обмениваться ею. Невозможность выхода в сеть может вызвать у них состояние психологического напряжения. Можно также косвенно судить о том, что участие в больших контактных виртуальных группах является и ресурсом совладающего поведения, о чем свидетельствуют ответы пользователей на вопрос, касающийся мотивировок участия в виртуальных сообществах. Они осознают, что, участвуя, могут получать и предоставлять необходимую, важную информацию, могут общаться с другими пользователями, получать от них понимание, помощь, поддержку, это касается как обыденных событий, так и, на наш взгляд, стрессовых ситуаций. Активные пользователи предпочитают в виртуальных сообществах играть в приложения, просматривать фильмы и прослушивать музыку, что в состоянии стрессового напряжения, возможно, помогает им отвлечься.

Библиографический список

1. Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 35 (173), вып. 37. С. 138–141.
2. Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость. Мир Internet. 2000. № 2. С. 24–29. URL: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=96084> (дата обращения: 27.11. 2014).
3. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. М., 2007. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>. (дата обращения: 27.11. 2014).
4. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психол. журн. 2004. Т. 25, № 1. С. 9–10.

Peculiarities of Cognitive Estimation of Inclusion into the Virtual Community by the Internet Communication Subjects

Elena V. Tikhomirova

Kostroma State University after named N. A. Nekrasov
14, 1 May str., Kostroma, 156000, Russia
E-mail: tichomirowa82@mail.ru

This paper describes the results of studies of the cognitive assessment subjects of their own participation in online communities, as well as their ideas about themselves in the context of addictive and controlling behavior of the individual. Explores the perception and awareness of the potential personal risks of involvement in online communication – on the one hand, and resources the participation – on other hand. The results of the content analysis of the statements of members of an Internet forum based on the allocation of emotional-cognitive activity and behavioural components allow us to conclude that participation in virtual communities can be considered in three interrelated aspects: as a coping resource, individual coping strategies and means of implementation of other coping strategies, as well as an additional source of addictive behavior.

Key words: participation, online community, internet communication, internet addiction, involvement, coping behavior.

References

1. Selyutin A. A. *Zhanry kak forma kommunikativnogo vyrazheniya onlaynovoy lichnosti* (Genres as form of online personality's communicative expressions). *Vestnik Chelyabinsk. gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie* (Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. History of Art.), 2009, no. 35 (173), iss. 37, pp. 138–141 (in Russian).
2. Yang K. S. *Diagnoz – internet-zavisimost'* (Diagnosis is Internet addiction). *Mir Internet* (World of Internet), 2000, no. 2, pp. 24–29. Available at: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=96084> (accessed 27 November 2014) (in Russian).
3. Zhichkina A. E. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty obshcheniya v Internete* (Socio-psychological aspects of communication on Internet). Moscow, 2007. Available at: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf> (accessed 27 November 2014) (in Russian).
4. Voyskunskiy A. E. *Aktual'nye problemy psikhologii zavisimosti ot Interneta* (Actual problems of psychology of Internet-addiction). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 2004, vol. 25, no. 1, pp. 9–10 (in Russian).

УДК 159.947:62

РОЛЬ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ И РЕФЛЕКСИВНОСТИ В КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Н. В. Подбущая

Подбущая Нина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии управления социальными системами, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина
E-mail: podbutskaya_nina@ukr.net

Изложены особенности карьерных ориентаций будущих инженеров, которые определяют вектор профессионального становления и уровень развития профессионализма. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на репрезентативной выборке ($N = 82$, $M = 20,03$ лет; студенты 2–6-х курсов Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» различных технических специальностей) с применением диагностического инструментария: методики «Опросник самоорганизации деятельности» Е. Ю. Мандрикова; методики «Опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры»» (Э. Шейна, в адаптации В. А. Чикера, В. Э. Винокуровой); «Методики дифференциальной диагностики рефлексивности» (Д. А. Леонтьева), «Шкалы самодетерминации личности» (Б. Шелдона, в адаптации и модификации Е. Н. Осина); методов математической статистики: описательного анализа, корреляционного, регрессионного, однофакторного дисперсионного анализов. Установлены роль и значимость особенностей самодетерминации и рефлексивности в определенных карьерных ориентациях (служения и вызова). Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программы психологического сопровождения студентов технических специальностей для формирования базового уровня профессионализма во время профессиональной подготовки в вузе.

Ключевые слова: профессиональное становление, будущие инженеры, карьерные ориентации, профессионализм, личностный потенциал.

Введение

Проблема профессионального становления инженеров, его психологического сопровождения на этапе профессиональной подготовки вызывает особый интерес среди ученых-психологов. Это обусловлено, прежде всего, значимостью и вкладом различных отраслей промышленности в становление и развитие государства. Однако данный интерес реализуется в основном в плоскости изучения и формирования их профессиональной компетентности, минуя анализ будущего инженера как личности, с присущими ему определенными индивидуально-психологическими особенностями, личностным потенциалом, которые обеспечат или не обеспечат успешное профессиональное развитие и достижение про-

фессионализма на личностно-профессиональном уровне. В связи с этим сегодня остается недостаточно изученной проблема роли индивидуально-психологических свойств будущего инженера в профессиональном развитии, которые в немалой степени определяют направленность и ориентацию в построении карьеры.

Теоретический анализ проблемы

Период обучения в высшей школе кардинально меняет жизнь еще некогда ребенка-старшеклассника, так как фактически является началом периода взрослости; трансформируется структура личности, появляется ряд новообразований, связанных с ведущей в этом периоде деятельностью – учебно-профессиональной, в частности с появлением жизненных планов, связанных с приобретаемой профессией. На реализацию этих планов влияют различные факторы, одним из которых являются карьерные ориентации, определяющие будущую успешную профессионализацию. Раскрывая важность формирования карьерных ориентаций, С. А. Богомаз, В. В. Мацута пишут: «Сознательное планирование карьеры является одним из важнейших условий самореализации человека <...> Карьерные ориентации могут оставаться стабильными у человека в течение длительного времени» [1, с. 15]. Однако необходимо заметить, что карьерные ориентации не формируются изолированно, обособленно от индивидуально-психологических качеств личности студента: рефлексивность, рефлексия, которые, по словам В. Д. Шадрикова, «определяют формирование всех компонентов психологической системы деятельности и деятельности в целом» [2, с. 111], а также самодетерминация и саморегуляция, несомненно влияют на направленность личности, в том числе, и карьерную, что и было экспериментально проверено в данном исследовании.

Выборка, методики и методы исследования

В исследовании принимали участие студенты 2–6-х курсов Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» специальностей: технологи, механики, металлурги, машиностроители, программисты, прикладные математики, системные аналитики

и др. ($N = 82$, $M = 20,30$ лет). Использовался следующий диагностический инструментарий: «Опросник карьерных ориентаций “Якоря карьеры”» (Э. Шейна, в адаптации В. А. Чикера, В. Э. Винокуровой) [2], «Шкала самодетерминации личности» (Б. Шелдона, в адаптации и модификации Е. Н. Осина) [2], «Методика дифференциальной диагностики рефлексивности» (Д. А. Леонтьева) [3], «Опросник самоорганизации деятельности» Е. Ю. Мандрикова [3], методы математической статистики: описательный, корреляционный, регрессионный, однофакторный дисперсионный анализы с помощью статистического пакета SPSS версия 20.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно результатам проведенной методики на выявление особенностей карьерных ориентаций будущих инженеров, необходимо отметить, что все они находятся на уровне средних значений, однако наиболее выраженными являются ориентации на «служение» ($M = 5,14$, $SD = 1,08$) и на «свободу для» ($M = 5,08$, $SD = 0,89$). Это свидетельствует о том, что респонденты готовы работать на людей, склонны к сотрудничеству, но при этом принимают решения о каких-либо действиях самостоятельно, тщательно анализируя и взвешивая. Соответственно, по остальным шкалам – «вызов», «предпринимательство» получены невысокие результаты, т.е. для достижения успеха студенты инженерных специальностей не будут использовать конкурентный стиль взаимоотношений, творчески подходить к выполняемой работе.

По шкале самоидентичности методики «Шкала самодетерминации личности» в выборке получен низкий результат ($M = 14,7$, нижний квартиль – 15 баллов), т.е. большинство будущих инженеров чувствуют, что все, что происходит, не зависит от них, ощущают неудовлетворенность жизнью, беспокойство о будущем, отчуждение от собственных чувств, что, безусловно, требует коррекции и выявления причин, тем более что по шкале «самовыражение» респонденты имеют невысокие показатели ($M = 9,91$ при нижнем квартиле 9 баллов). По остальным шкалам наблюдаются средневыраженные показатели, что свидетельствует о неутраченном контроле над жизнью, независимости от других.

Рефлексивные процессы, диагностируемые по методике Д. А. Леонтьева, у студентов выражены в достаточной степени, что характеризует их как субъектов с потребностью в анализе собственных действий, мыслей, поступков, при необходимости умеющих абстрагироваться и посмотреть на ситуацию со стороны, что, безусловно, определяет успешное личностно-профессиональное развитие.

Важными для достижения профессионального успеха являются умения планирования, саморегуляции, стратегического целеполагания, поэтому одна из важнейших задач – выявление навыков самоорганизации деятельности, что было сделано с помощью методики Е. Ю. Мандрикова. Благодаря ей выявлено, что у большинства будущих инженеров возникают сложности с постановкой целей, уверенностью во время решения проблемных задач, т.е. фактически наши респонденты не умеют планировать, моделировать, самоорганизовывать собственную деятельность, что может привести к сложностям в построении профессионального пути после окончания обучения и в трудоустройстве. Особо необходимо выделить шкалы, по которым полученные результаты меньше нижней границы показателя, это «наличие целей» ($M = 27,64$, нижний квартиль – 32 балла), «суммарный показатель самоорганизации деятельности» ($M = 100$, нижний квартиль – 102 балла), «индекс целеустремленности» ($M = 23,18$, нижний квартиль – 25,5 баллов). Можно сказать, что будущие инженеры ориентированы на служение людям в профессии, анализируют собственные действия, однако не умеют планировать собственную профессиональную и личную жизнь.

Поскольку умение ставить цели является необходимым для успешного развития, был проведен регрессионный анализ для выявления предикторов целеустремленности: при уровне значимости $p = 0,000$, доле дисперсии 32,3% ($R^2 = 0,323$) были выделены следующие статистически значимые предикторы: воспринимаемый выбор как показатель самодетерминации ($\beta = 0,422$, $p = 0,009$), системная рефлексия ($\beta = 0,325$, $p = 0,011$), квазирефлексия (фантазия) ($\beta = -0,294$, $p = 0,021$). Согласно полученным данным, высокая осмысленность жизни, умение взглянуть на проблему со стороны как объекта, так и субъекта, вера в возможность контроля над жизнью, жизненными событиями при отсутствии фантазий, оторванных от реальности, и погруженности в собственный внутренний мир обусловят развитие целеустремленности у будущих инженеров. Полученные данные будут обязательно использованы при построении тренинговой программы развития профессионализма как элемента психологического сопровождения студентов технических вузов.

Для выявления роли самодетерминации и рефлексивности в карьерных ориентациях будущих инженеров нами был проведен однофакторный анализ ANOVA: в частности, в анализе использованы две противоположные карьерные ориентации «служение» и «вызов». Первая более характерна для нашей выборки, хотя профессиональная деятельность инженера не в полной мере связана с работой с людьми, и для достижения

профессиональных вершин, скорее, необходимо быть ориентированным на вызов, конкуренцию, победу, решение трудных задач.

Результаты дисперсионного анализа показали, что студентов с высоким уровнем ориентации на служение и вызов характеризуют более высокий уровень системной рефлексии ($p = 0,07$ и $p = 0,031$) и умение ставить цели ($p = 0,012$ и $p = 0,008$), однако существуют отличия: будущих инженеров, ориентированных на служение, отличают фиксация, негибкость, отсутствие видения альтернатив ($p = 0,026$) и высокий общий уровень самоорганизации, т.е. «зацикленность» на планировании своей жизни. Такая выраженная ориентация, как «свобода для», при которой студент все силы и свободу использует для профессиональных достижений, раскрывается в большей степени у людей с выраженной системной рефлексией, наличием целей и настойчивостью.

Заключение

Таким образом, исходя из полученных данных, можно сказать, что у студентов инженерных специальностей низкий уровень целеустремленности, выраженная карьерная ориентация на служение и достаточный уровень рефлексивности. Выявлено, что самодетерминация и рефлексивность играют весомую роль в выраженности той или иной карьерной ориентации: системная рефлексия, умение ставить цели, настойчивость, фиксация на выполнении дела, общий уровень самоорганизации деятельности определяют правильный, конструктивный вектор профессионального развития и ориентированность на построение карьеры.

Библиографический список

1. Богомаз С. А., Мацута В. В. Опросниковые методы исследования личностного потенциала. Томск, 2012. 41 с.
2. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М., 2013. 464 с.
3. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал : структура и диагностика. М., 2011. 680 с.

Role of Self-determination and Reflexivity in Career Orientations of Future Engineers

Nina V. Podbutskaya

National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»
21, Fruhze str., Kharkov, 61002, Ukraine
E-mail: podbutskaya_nina@ukr.net

Special features of career orientations of future engineers are described; they define the vector of professional formation and the level of professional development. The results of the empirical research are presented, the research was carried out on the representative sample ($N = 82$, $M = 20,30$ years, students of 2–6 years of study of National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute» with different technical specialties) with application of the diagnostic tools: the method of «The questionnaire of self-organization activity by E. Yu. Mandrikova»; the method of «The questionnaire of career orientations «Career anchor» (E. Schein; with adaptation of V. A. Chikera, V. E. Vinokurova)»; the method of differential diagnostic of reflexivity (D. A. Leontev), the scale of self-determination of a person (B. Sheldon; with adaptation and modification of E. N. Osina); methods of mathematical statistics: descriptive analysis, correlation, regression, one-factor dispersive analyses. The role and significance of special features of self-determination and reflexivity in particular career orientations (ministry and challenge). The applied aspect of the studying problem can be implemented in the development of the program of psychological accompanying of students with technical specialties for formation of the basic level of professional competence during their professional development in a higher education institution.

Key words: professional development, future engineers, career orientations, professional competence, personal potential.

References

1. Bogomaz S. A., Macuta V. V. *Oprosnikovyye metody issledovaniya lichnostnogo potentsiala* (Questionnaire methods of studying personal potential). Tomsk, 2012. 41 p. (in Russian).
2. Shadrikov V. D. *Psihologiya dejatel'nosti cheloveka* (Psychology of human activity). Moscow, 2013. 464 p. (in Russian).
3. Leont'ev D. A. *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (Personal potential: structure and diagnostic). Moscow, 2011. 680 p. (in Russian).

УДК 316.6

СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУПРУГОВ И ИХ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

А. Р. Вагапова, С. А. Перова

Вагапова Альфия Равиловна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет
E-mail: Al_fiya@bk.ru

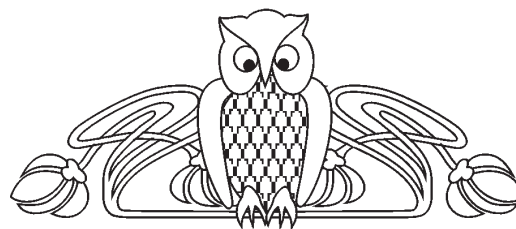
Перова Софья Алексеевна – студентка, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет
E-mail: perova.sofja@yandex.ru

Проанализированы теоретические подходы к пониманию семейной идентичности; обнаружена зависимость благополучия в браке от того, какая идентичность (личностная или семейная) преобладает у человека. Выборка исследования включала в себя 40 семей (20 бездетных семей со стажем совместного проживания в браке от 1 месяца до 3 лет и 20 семей с детьми со стажем 18–23 года). Применение комплекса методик – тест-опросника «Степень удовлетворенности браком» (В. В. Столина) и «Кто Я?» (М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой) позволило выявить, что молодые семьи более не удовлетворены браком, так как у них не сложились ролевая структура семьи и система согласованных семейных ценностей. Авторы пришли к выводу, что у супругов со стажем совместного проживания 18–23 года преобладает семейная идентичность, у них выявлен более высокий уровень удовлетворенности браком. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологическими службами.

Ключевые слова: семья, идентичность, семейная идентичность, личностная идентичность, удовлетворенность браком.

Введение

Сложная обстановка в России, изменения, которые произошли в жизни практически всех жителей страны за последнее время, усугубили проблему взаимоотношений в семье. Брак перестал быть той ценностью, которой он был раньше. Уровень благополучия семьи заметно снижается. Матери-одиночки, неполные семьи, разводы стали нормой. В мире нестабильности человек теряет, перестает идентифицировать себя с общностью, семьей, исчезает ощущение единства с ней. Исследование проблем семейной идентичности приобретает все большее значение. Семейная идентичность – это важнейшая часть психологического основания позиционирования человека в социуме и его жизнедеятельности. Идентичность играет важную роль как в супружеских, так и деловых отношениях. Актуальность исследования семейной идентичности обусловлена тем, что ее изучение дает

новые возможности для глубокого понимания особенностей взаимоотношений в семье «изнутри». Именно то, как человек отождествляет себя с другими, определяет устойчивость взаимоотношений в семье и удовлетворенность ими. Таким образом, изучение вопросов идентичности в семейной сфере можно считать вполне оправданным.

Теоретический анализ проблемы

Впервые термин «идентичность» употребил Э. Эриксон. Идентичность – чувство самоидентифицированности, полноценности, собственной истинности, сопричастности окружающей действительности. Понятие семейной идентичности ввел Н. Аккерман. Он определяет семейную идентичность как содержание и направленность ценностей, проблем адаптации и тревог, стремлений и ожиданий, разделяемых или взаимодополняемых членами семьи в процессе выполнения семейных ролей [1, с. 61]. Ученые на протяжении многих лет обращались к проблеме семейной идентичности (В. Столин, С. Минухин, Н. Лукьянченко, Г. Навайтис, А. А. Кроник, Р. М. Самсонов, Ю. В. Трофимова, Н. В. Самоукина, В. А. Терехин, Дж. Спаниер, С. Московичи, Р. Левис и др.).

В. В. Столин, уточняя это понятие, пишет, что «семейная идентичность – это тот совместный “багаж” взаимобязанностей, представленный, воспоминаний, намерений, планов, которые характеризуют семейное “Мы”» [2, с. 24]. Формирование семейной идентичности человека происходит в процессе его реального становления как члена семейной структуры на основе его идентификации с этим «Мы». Этот процесс, по мнению С. Минухина, Ч. Фишмана зависит от того, насколько четко и ясно определены семейные границы между отдельными семейными подструктурами. Приобретая навыки семейной дифференциации, человек получает возможность определять и ограничивать свои «Я» и «Мы» идентичности: «Я – сын своих родителей», «Мы – дети», «Мы – семья» [3, с. 40].

Н. В. Лукьянченко выделяет аспекты семейной идентичности: когнитивный (представляет образ себя, который может рассматриваться с субъект-субъектной и субъект-объектной позиции, «Я» как бы дистанцируется от себя,

объективируется, оценивается) и эмоционально-оценочный (совокупность суждений, позиций, взглядов человека по отношению к своей семье) [4, с. 163–164].

Вопрос о семейной идентичности подразумевает обсуждение семейного членства и границ, другими словами – в какой степени члены семьи являются частью семейного союза и в какой степени они существуют индивидуально (отдельно как индивиды) относительно семейных подсистем и союза в целом. Семейная идентичность подразумевает идентификацию человека с группой (семьей), при этом он остается индивидуален, т.е. происходит слияние личностной и социальной идентичности. От того, насколько свое «Я» включено в неделимое целостное «Мы», будет зависеть благополучие в семье.

Исследования благополучия начали проводиться зарубежными учеными еще более 50 лет назад. Так как в институте семьи со временем происходят различные изменения, то изучение удовлетворенности браком было и будет актуальным, отсюда и обилие работ в этом направлении (В. А. Сысенко, С. И. Голода, Т. В. Андреевой, Ю. Е. Алешина, О. В. Егоровой, Н. Г. Юркевич, П. К. Кериг, Л. Б. Шнейдер и т. д.), в которых, впрочем, освещены не все проблемы. В нашей стране исследователи описывают субъективное благополучие как сложное образование, системное по своей природе: оно целостно и в то же время многоаспектно, имеет многокомпонентную структуру, включено во множество межсистемных связей с другими психическими образованиями, взаимодействие с которыми определяет ценность и значимость этого личностного образования как фактора саморегуляции [5, с. 57]. Е. Е. Бочарова обнаружила существенные различия оснований переживания субъективного благополучия [6, с. 63]. Весьма показательны данные исследования, предпринятого М. А. Кленовой, свидетельствующие о специфике ценностной детерминации субъективного благополучия в разных этнических группах (немцев Поволжья, русских). Автор приходит к выводу, что группы различаются по ценностям, определяющим оценку субъективного благополучия [7, с. 95].

Удовлетворенность браком изучалась в контексте таких факторов, как уровень дохода, стаж семейной жизни, конфликтность, наличие детей, уровень образования и т.д. Так, например, П. К. Кериг исследовал удовлетворенность супружеством в контексте родительского стиля и речевого поведения с детьми. Были выявлены особенности отношений родителей к детям в зависимости от удовлетворенности/неудовлетворенности супружеством с учетом гендерных аспектов [8, с. 17].

С. И. Голодом были выделены факторы удовлетворенности браком, характерные для каждого

из супругов в пределах первого десятилетия совместной супружеской жизни. Для мужчин – это сексуальная экспрессивность супруги, для женщин – это духовная и бытовая адаптация, самоутверждение и совместимость мужа с ее родственниками. Он также получил данные о сходстве семейных ценностей супругов, находящихся в браке более десяти лет [9, с. 64–65].

Ю. Е. Алешина, обобщая работы зарубежных ученых, выявила взаимосвязь удовлетворенности браком со стажем семейной жизни. Эта связь «носит U-образный характер, т. е. снижение показателя удовлетворенности на средних стадиях семейного цикла со временем останавливается, а затем, у супругов со стажем 18–20 лет и более, замечается даже некоторый подъем» [10, с. 64].

Резюмируя, можно сделать вывод, что учеными исследованы не все стороны, влияющие на удовлетворенность браком. Исследуя семейную идентичность, мы получим новые возможности для изучения семейных отношений «изнутри»: ведь от того, как самоопределяет себя человек, будет зависеть успех взаимоотношений в семье.

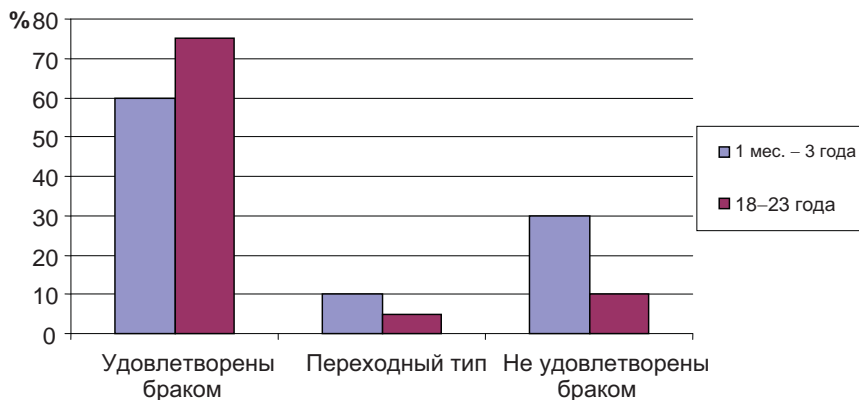
Выборка, методики и методы исследования

Нами было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого были использованы следующие методы: 1) подготовки исследования: теоретический анализ литературы по изучаемой проблеме; 2) сбора эмпирических данных с использованием тест-опросника «Степень удовлетворенности браком» (В. В. Столина); «Кто Я?» (М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой); 3) обработки и интерпретации данных. В исследовании приняли участие 40 семей села Вязовка Базарно-Карабулакского района Саратовской области в возрасте от 18 до 45 лет. Из них 20 пар с семейным стажем от 1 месяца до 3 лет без детей и 20 пар со стажем 18–23 года с детьми.

Результаты исследования и их обсуждение

Для того, чтобы изучить уровень удовлетворенности семей со стажем совместного проживания в браке от 1 месяц до 3 лет и 18–23 года, мы использовали методику «Степень удовлетворенности браком». Различия степени удовлетворенности между семьями с разным стажем представлены на диаграмме (рисунок).

В группах обнаружены различия в удовлетворенности браком: уровень благополучия семей с большим стажем выше, чем у молодых семей. Возможно, это связано с тем, что молодые супруги недавно вышли из родительских семей, где присутствовали свои устои, традиции, фор-

Различия степени удовлетворенности браком, %

мы отношений. Сложившаяся семья впервые столкнулась с проблемой ведения хозяйства, ежедневным бытом, с проблемой организации семейного бюджета. У молодых появились новые обязанности, которые нужно уметь распределять и выполнять, несмотря на желания и настроение. Если в родительской семье будущие супруги выполняли роли детей, то в своей семье они выполняют роль еще некомпетентных супругов и будущих родителей. С момента создания семьи молодожены учатся взаимодействовать друг с другом, распределять обязанности и функции, удовлетворять потребности супруга в рамках семейных ролей, но процесс формирования ролевой структуры проходит не всегда гладко, что отражается на их оценке степени удовлетворенности браком.

В семьях со стажем совместного проживания в браке 18–23 лет удовлетворенность браком выше, так как супруги уже подстроились друг под друга, создали свою систему ценностей, научились понимать, поддерживать и чувствовать друг друга, поэтому у них нет оснований для серьезных разногласий, они чаще довольны отношениями, а значит, своим браком.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что многие молодые семьи считают свой союз неблагоприятным, в то время как супруги со стажем 18–23 года показали высокую степень удовлетворенности. Возможно, это связано с тем, насколько муж (жена) идентифицируют себя со своей семьей.

Для того, чтобы изучить соотношение личностной и семейной идентичности, мы использовали методику «Кто Я?» (М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой). В результате было выявлено, что в семьях со стажем совместного проживания в браке от 18 до 23 лет преобладает семейная идентичность. Испытуемые в своих ответах четко обозначили свои социальные роли в пределах первых пяти позиций, что свидетельствует о повышенном

уровне сформированности семейной идентичности. В молодых семьях у респондентов преобладает личностная идентичность, у большинства опрошенных упоминание себя в качестве принадлежности к семье отсутствует, чаще всего эти испытуемые затруднились отвечать на вопросы. В ответах респондентов прослеживаются соотношения индивидуальных характеристик («я хороший», «я умный», «я трудолюбивый работник» и т.п.), эти испытуемые чаще всего превозносят себя над группой других людей «я – другие». В самоописаниях молодых супругов имеющиеся глагольные формы (10%) в основном описывают переживания или действия, что является признаком неудовлетворенности.

У обеих групп замечено снижение продуктивности: большинство респондентов испытывали затруднения в формулировке ответов на основной вопрос теста, что свидетельствует о низком уровне рефлексии – такие люди редко размышляют о себе и своей жизни.

В группе семей со стажем 18–23 года обнаружена высокая степень дифференцированности (2–15 показателей). Она связана с такими особенностями личности, как уверенность в себе, общительность, высокий уровень самоконтроля и социальной компетенции, ориентирование на внутренний мир. В семьях со стажем 1 месяц – 3 года низкая степень дифференцированности (1–4 показателя). Вероятно, это указывает на кризис идентичности и связано с такими особенностями, как тревожность, замкнутость, трудности в контроле себя, неуверенность в себе, что характерно для этапа адаптации к новому образу жизни и принятию семейных ролей. В самоописаниях испытуемых в обеих группах в основном преобладают существительные (это значит, что человек нуждается в постоянстве, определенности), а также глаголы (особенно выражено при описании интересов, сфер деятельности), что свидетельствует о самостоятельности человека и его активности.

Для уточнения соотношения семейной и личностной идентичности по уровню удовлетворенности браком мы провели анализ с помощью *t*-критерия Стьюдента. Полученный результат ($t = 11,2$ при $p \leq 0,05 = 2$ и $t = 2,71$ при $p \leq 0,01$) оказался значимым, т.е. идентичность в семейных парах связана с благополучием в семье. Респонденты, которые отождествляют себя с семьей, более удовлетворены браком, в отличие от испытуемых, идентифицирующих себя с собственным «Я».

Заключение

Таким образом, результаты исследования показали, что большая часть респондентов идентифицирует себя с семьей, т.е. они комфортно чувствуют себя, умеют взаимодействовать друг с другом, имеют четко определенные роли и обязанности, способны позиционировать себя с точки зрения «Мы». У них выявлена высокая степень удовлетворенности браком. Если говорить об отличиях, то у испытуемых с семейным стажем 1 месяц – 3 года преобладает личностная идентичность. Молодые супруги еще не сформировали свою общую систему ценностей, не нашли тип отношений, удовлетворяющий обоих супругов, не научились отождествлять собственное «Я» с неделимым «Мы». Необходимо отметить, что специфика взаимоотношений супругов во многом зависит от особенностей их личности, от того, как они идентифицируют себя со своей семьей.

Библиографический список

1. Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия / сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб., 2000. 512 с.
2. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
3. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии / пер. с англ. А. Д. Иорданского. М., 2012. 304 с.
4. Лукьяниченко Н. В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности // Вестн. Красноярск. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2011. № 4 (18). С. 162–165.
5. Бочарова Е. Е. Этнопсихологические характеристики взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 56–60.
6. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности : кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53–63.
7. Кленова М. А. Ценностная детерминация субъективного благополучия в разных этнических группах // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6 (64). С. 94–95.

8. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности : психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 296 с.
9. Голод С. И. Стабильность семьи : социологический и демографический аспекты / под ред. Г. М. Романенковой. Л., 1984. 135 с.
10. Алешина Ю. Е. Цикл развития семьи : исследования и проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1987. № 2. С. 60–72.

Identity and Satisfaction with Marriage in Married Families

Alfiya R. Vagapova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: Al_fiya@bk.ru

Sof'ya A. Perova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: perova.sofja@yandex.ru

The article analyzes the theoretical approaches to understanding problems of family identity. The author discovered the dependence of well-being in the marriage from which the identity (personal or family) exists in humans. The sample consisted of 40 respondents (20 childless families with experience of 1 month – 3 years and 20 families with children with experience of 18–23 years). The use of complex techniques – «test questionnaire satisfaction with marriage» (Stolin) and «Who am I?» (M. Kuhn, T. Mcpartland) – revealed that young families are more dissatisfied with the marriage, they have not yet formed role of the structure of the family, the system of family values. The authors concluded that the couple with experience 18–23 year dominated by family identity, and, as a result, there is a high level of satisfaction with the marriage. Aspect of the research problem can be implemented in the advisory practice of psychological services.

Key words: family, identity, family identity, personal identity, satisfaction with marriage.

References

1. Akkerman N. Teoriya semeynoy dinamiki (Theory of family dynamics). *Semeynaya psikhoterapiya* (Family therapy). Comp. E. G. Eydemiller, N. V. Aleksandrova, V. Yustitskis. St.-Petersburg, 2000. 512 p. (in Russian).
2. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti*. (Personality's self-consciousness). Moscow, 1983. 284 p. (in Russian).
3. Minukhin S., Fishman Ch. *Tekhniki semeynoy terapii* (Techniques of family therapy). Trans. from English by A. D. Iordansky. Moscow, 2012. 304 p. (in Russian).
4. Luk'yunchenko N. V. Problema mesta i roli sem'i v sotsial'nykh kontekstakh zhiznedeyatel'nosti lichnosti (The problem of the place and role of the family in the social contexts of life personalit). *Vestn. Krasnoyarsk. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva* (Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University V. P. Astaf'ev), 2011, no. 4 (18), pp. 162–165.

5. Bocharova E. E. Etnopsikhologicheskie kharakteristiki vzaimosvyazi sotsial'noy aktivnosti i sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti (Ethnopsychological characteristics of interrelation between personality's social activity and subjective wellbeing). *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika, psikhologiya* (Science vector of Togliatti State University. Ser. Pedagogy, psychology), 2011, no. 3, pp. 56–60 (in Russian).
6. Bocharova E. E. Vzaimosvyaz' sub'ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noy aktivnosti lichnosti: krosskul'turnyy aspekt (Interrelation of personality's subjective wellbeing and social activity: cross-cultural aspect). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* (Social psychology and society), Moscow, 2012, no. 4, pp. 53–63 (in Russian).
7. Klenova M. A. Tsennostnaya determinatsiya sub'ektivnogo blagopoluchiya v raznykh etnicheskikh gruppakh (Valuable determination of subjective wellbeing in different ethnic groups). *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* (Almanac of Modern Science and Education). Tambov, 2012, no. 6 (64), pp. 94–95 (in Russian).
8. Shamionov R. M. *Sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory* (Personality's subjective well-being: psychological picture and factors). Saratov, 2008. 296 p. (in Russian).
9. Golod S. I. *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskiy aspekty* (Stability of family: sociological and demographic aspects) Ed. by G. M. Romanenkova. Leningrad, 1984. 135 p. (in Russian).
10. Aleshina Yu. E. *Tsikl razvitiya sem'i: issledovaniya i problemy* (Family's developmental cycle: research and problems). *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* (The Moscow University Herald. Ser. 14. Psychology), 1987, no. 2, pp. 60–72 (in Russian).

УДК 316.6:159.9

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ ВАХТОВЫХ РАБОТНИКОВ В АРКТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Я. А. Корнеева, Н. Н. Симонова

Корнеева Яна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
E-mail: amazonkca@mail.ru

Симонова Наталья Николаевна – доктор психологических наук, доцент, кафедра психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
E-mail: n23117@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке 70 строителей магистральных газопроводов, работающих вахтовым методом в Тюменской области (длительность вахтового заезда 52 дня), в возрасте от 30 до 59 лет (средний возраст $34,9 \pm 8,1$) с применением диагностического инструментария: опросника «Акцентуации характера» (Х. Шмишека), «Шкала диагностики поведения типа А» (С. Д. Положенцева, Д. А. Руднева), опросника «Я-структурный тест» (Г. Аммона в адаптации Ю. Я. Тупицина, В. В. Бочарова и др.) и статистических методов – одновыборочного *t*-критерия Стьюдента, мультирегрессионного пошагового анализа. Определены типы выраженных акцентуаций характера строителей магистральных газопроводов, работающих вахтовым методом в Арктике, обусловленные их профессиональной деятельностью. Представлена модель профессиональных деструкций вахтовых работников. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке профилактических программ снижения неблагоприятного воздействия вахтового труда на личность работников.

Ключевые слова: профессиональная деструкция, акцентуация характера, вахтовый труд, Арктика.

Введение

Профессиональное становление человека включает в себя прохождение определенных этапов, которые сменяются кризисами и при конструктивном разрешении приводят к формированию психических новообразований, необходимых для успешного выполнения деятельности на качественно новом уровне. При длительном неразрешении кризисных ситуаций у работника развиваются деструктивные качества и свойства, которые представляют собой изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса [1]. В большей степени развитию профессиональных деструкций подвержены специалисты, которым по роду своей деятельности необходимо много общаться с разными людьми, при этом они находятся в стрессовых или экстремальных условиях. К числу таких видов труда относится вахтовый метод организации, так как эти работники находятся в условиях групповой изоляции и испытывают ряд ограничений (вынужденный круг общения, отсутствие возможности уединиться, информационную истощенность и др.), поэтому у вахтовых работников развиваются неблагоприятные функциональные состояния и профессиональные деструкции. Мы считаем актуальным изучение последних, потому что

они представляют собой стойкие изменения личности, трудно поддающиеся коррекции, кроме того, они, по сравнению с функциональными состояниями, менее изучены. Выявление этих особенностей позволит разработать профилактические мероприятия и снизить риск их развития у вахтовых работников. Цель исследования: изучить профессиональные деструкции строителей магистральных газопроводов, работающих вахтовым методом в Арктике, которые обусловлены их профессиональной деятельностью.

Выборка, методики и методы

В исследовании приняли участие 70 строителей магистральных газопроводов, работающих вахтовым методом в Тюменской области (длительность вахтового заезда 52 дня), в возрасте от 30 до 59 лет (средний возраст $34,9 \pm 8,1$). Стаж работы вахтовым методом обследованных варьируется от 0,5 года до 14 лет ($4,42 \pm 3,1$). Методы исследования: анкетирование, психологическое тестирование, включенное наблюдение; методики психологического тестирования: опросник «Акцентуаций характера» (Х. Шмишека), «Шкала диагностики поведения типа А» (С. Д. Положенцева, Д. А. Руднева), опросник «Я-структурный тест» Г. Аммона (в адаптации Ю. Я. Тупицина, В. В. Бочарова и др.); статистические методы – одновыборочный *t*-критерий Стьюдента, мультирегрессионный пошаговый анализ, которые проводились с применением пакета программ SPSS 22.00.

В качестве возможных деструктивных качеств и свойств нами рассматривались акцентуации характера, поведение типа А (характеризующееся активностью, импульсивностью, постоянным напряжением и др.), агрессия, тревога/страх, внешнее отграничение Я, внутреннее отграничение Я, нарциссизм и сексуальность.

В работах Э. Ф. Зеера одной из причин формирования профессионально обусловленных акцентуаций называется адаптация к новой профессиональной деятельности. При условии успешной адаптации наблюдается тенденция к компенсации акцентуаций, а профессиональная дезадаптация значительно усиливает уровень их выраженности и приводит к профессиональной деструкции личности. У каждого работника при этом может быть выражена не одна, а сразу несколько акцентуаций характера, что является критерием степени деструктивности изменений личности специалиста и положено в основу создаваемой модели. В начале исследования мы определили, какие акцентуации характера наиболее выражены у вахтовых работников, находящихся на стадии интернала, затем оценили распределение специалистов с различным количеством выраженных акцентуаций, на завершающем этапе построили регрессионную модель, где в качестве зависимой

переменной было количество выраженных акцентуаций характера, а независимыми – значения по остальным изучаемым деструктивным качествам вахтовых работников.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам одновыборочного *t*-критерия Стьюдента (средние сравнивались с границей нормы, по данным авторской методики), у строителей магистральных газопроводов со стажем работы вахтовым методом более пяти лет выражены такие акцентуации характера, как застревающий тип ($14,29 \pm 0,96$ при $p = 0,033$), гипертимный тип ($18,00 \pm 1,09$ при $p < 0,001$), тревожный тип ($14,14 \pm 0,73$ при $p = 0,012$), эмотивный тип ($14,57 \pm 0,94$ при $p = 0,017$). Строители магистральных газопроводов, находящиеся на этапе интернализации, характеризуются сдержанностью, обидчивостью, принципиальностью, требовательностью, что может быть связано с более высокой интенсивностью труда при вахтовом методе, высокой опасностью производств и необходимостью постоянно преодолевать различные экстремальные факторы. В то же время данные работники общительны, подвижны, энергичны, легко устанавливают контакт с незнакомыми людьми, участливы, эмпатичны. Это обусловлено тем, что в условиях групповой изоляции важно уметь находить общий язык с коллегами, так как это является дополнительным ресурсом по преодолению неблагоприятных условий среды. Коммуникативная компетентность является ведущей в профессиональной деятельности при вахтовой организации труда [2].

Нами выдвинуто предположение, что чем больше количество акцентуаций развито у работника, тем более деструктивны изменения его личности под влиянием профессиональной деятельности. По результатам описательных статистик, 2,1% работников не имеют выраженных акцентуаций характера, 10,6% – один тип, 12,8% – 2 типа, 10,6% – 3 типа, 14,9% – 4 типа, 14,9% – 5 типов, 14,9% – 6 типов, 12,8% – 7 типов, 6,4% – 8 или 9 типов. Таким образом, практически у всех вахтовых работников выражено несколько типов акцентуаций характера.

С целью изучения взаимосвязи количества выраженных акцентуаций характера и деструкций личности вахтовых работников проведен пошаговый мультирегрессионный анализ; модель, полученная по его результатам, следующая ($R^2 = 0,93$): сумма акцентуаций характера равна $0,47 * \text{агрессивность конструктивная} + 0,39 * \text{агрессивность деструктивная} - 0,55 * \text{нарциссизм дефицитарный} + 0,42 * \text{агрессивность дефицитарная} + 1,23 * \text{энергичность} + 0,38 * \text{внутреннее Я-ограничение конструктивное} + 0,31 * \text{сексуальность конструктивная} + 0,27 * \text{вовлеченность в работу} - 0,16 * \text{тревога}$

дефицитарная + 0,11 * внутреннее Я-ограничение деструктивное + 0,11 * сексуальность конструктивная + 0,08 * враждебность (* – знак умножения). Как видно из данной модели, умеренная выраженность нарциссизма и тревожности способствует снижению количества выраженных акцентуаций характера, развитие оставшихся деструктивных характеристик приводит к их увеличению. Наличие различных форм агрессии на среднем и высоком уровнях у работников и как сильная выраженность гибкого, ситуативно адекватного доступа к своей бессознательной сфере, к своим чувствам, потребностям, так и слишком слабая способствуют развитию у строителей большого количества акцентуаций характера. Этому процессу способствуют чрезмерная вовлеченность в работу, излишняя энергичность, враждебность, поскольку эти качества не позволяют человеку сохранять свои внутренние ресурсы, что является очень важным при экстремальной деятельности, к которой можно отнести работу вахтовым методом.

Заключение

Полученная модель согласуется с предыдущими нашими исследованиями, в которых подчеркивается необходимость формирования у вахтовых специалистов в условиях Арктики оптимального экономного стереотипизированного типа адаптационной стратегии [3, 4], так как это способствует сознательному распределению работниками своих ресурсов в течение всего вахтового заезда и позволяет сохранить себя и свое здоровье, в том числе приводит к снижению выраженности профессиональных деструкций личности. Профилактическую работу по снижению неблагоприятного воздействия вахтового труда на личность работников необходимо строить с учетом выявленных типов деструкций.

Библиографический список

1. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. М., 2005. 365 с.
2. Бойцова А. В., Симонова Н. Н. Социальные представления о психологической готовности к труду вахтовым методом на Севере у нефтяников на разных этапах профессионального развития // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2–3. С. 673–678.
3. Корнеева Я. А., Симонова Н. Н., Дегтева Г. Н. Компоненты адаптационных стратегий как профессионально-важные качества специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Севера // Экология человека. 2011. № 6. С. 17–21.
4. Корнеева Я. А., Симонова Н. Н., Дегтева Г. Н., Дубинина Н. И. Стратегия адаптации вахтовых работников на Крайнем Севере // Экология человека. 2013. № 9. С. 9–16.

Model of Professional Destruction of Shift Workers in Arctic Conditions

Yana A. Korneeveva

Northern (Arctic) Federal University after named M. V. Lomonosov
17, Severhaya Dvina str., Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail: amazonkca@mail.ru

Natalia N. Simonova

Northern (Arctic) Federal University after named M. V. Lomonosov
17, Severhaya Dvina str., Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail: n23117@mail.ru

The article presents the results of an empirical study carried out on a sample of 70 shift construction workers of natural gas pipelines, working in Tumen region (the length of the shift is 52 days), aged from 30 to 59 (mean age $34,9 \pm 8,1$) with application of the following diagnostic tools: a questionnaire called «Accentuation of character» (H. Smishek); scale diagnosis of type A behavior (S. D. Polozhentsev, D. Rudnev); I-structural test by G. Amon (adaptation by U. Y. Tupitsina., V. V. Bocharov) and statistical methods: one selective Student t-criterion, multiregressive step analysis. The research determined the types of marked accentuation of character in shift construction workers, who are working in the Arctic, due to their professional activities. In the present study we have also developed the model of professional destruction of shift workers. The applied aspect of the problem of the present investigation can be implemented in the development of prevention programs for reducing the adverse effects of shift work on the employees' personality.

Key words: professional destruction, accentuation of character, shift work, the Arctic.

References

1. Zeer E. F., Symanyuk E. E. *Psikhologiya professional'nykh destruktivnykh* (Psychology of professional destruction). Moscow, 2005. 365 p. (in Russian).
2. Boytsova A. V., Simonova N. N. *Sotsial'nye predstavleniya o psikhologicheskoy gotovnosti k trudu vakhtovym metodom na Severe u neftyanikov na raznykh etapakh professional'nogo razvitiya* (Social representations of oilers' psychological readiness to work in shifts in North at different stages of professional development). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (Proceedings of the RAS Samara Scientific Center), 2013, vol. 15, no. 2-3, pp. 673–678 (in Russian).
3. Korneeveva Ya. A., Simonova N. N., Degteva G. N. *Komponenty adaptatsionnykh strategiy, kak professional'no-vazhnye kachestva spetsialistov, rabotayushchikh vakhtovym metodom v usloviyakh Severa* (Components of adaptation strategies as professionally-important qualities of professionals working in shifts in North). *Ekologiya cheloveka* (Human Ecology), 2011, no. 6, pp. 17–21 (in Russian).
4. Korneeveva Ya. A., Simonova N. N., Degteva G. N., Dubinina N. I. *Strategiya adaptatsii vakhtovykh rabotnikov na Kraynem Severe* (Adaptation strategy shift workers in Far North). *Ekologiya cheloveka* (Human Ecology), 2013, no. 9, pp. 9–16 (in Russian).

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С ДОМАШНИМИ ПИТОМЦАМИ КАК КОПИНГ-СТРАТЕГИИ

А. В. Никольская

Никольская Анастасия Всеволодовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Московский государственный университет дорожного транспорта, Россия
E-mail: tonokazutoya@gmail.com

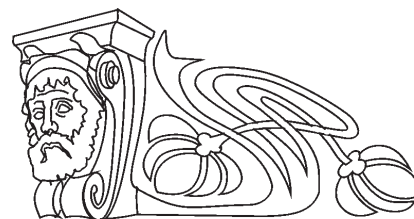
Приведены данные, свидетельствующие о тенденции восприятия человеком животного как социального партнера. Животные начинают восприниматься человеком как члены семьи и наделяются статусом значимых других. Представлены результаты исследования межвидового взаимодействия человека с домашними питомцами. Показано, что все сигналы, подаваемые членами межвидовой группы друг другу, можно классифицировать по двум основаниям: побуждение к действию и принуждение к действию; члены межвидовой группы понимают (принимают к действию) не сигналы сами по себе, а сигналы в контексте определенной ситуации. Результаты исследования позволяют выдвинуть требующую дальнейшего изучения гипотезу, что межвидовая коммуникация человека с домашним питомцем может являться копинг-стратегией, вырабатываемой человеком в современном мегаполисе с целью не только восполнения дефицита в любви и безопасности.

Ключевые слова: межвидовая коммуникация, коммуникативная, перцептивная и интерактивная стороны межвидового общения, побуждение к действию, принуждение к действию.

К постановке проблемы

По оценкам специалистов, во всем мире наблюдается постоянный рост числа домашних животных. В последние десятилетия наметилась тенденция приобретать животное для совместного проживания, оно начинает выполнять функции социального партнера. Более того, животные начинают восприниматься человеком как члены семьи [1] и наделяются статусом значимых других [2]. Вероятно, такие данные неслучайно касаются именно городского населения, поскольку эффект отчуждения индивида в городе известен и описан [3].

Поскольку мы рассматриваем человека и животных в их психологическом взаимодействии, то на основе анализа и обобщения разных подходов **межвидовое взаимодействие** определяется как *способ организации жизнедеятельности участников межвидовой группы, который заключается в их взаимных воздействиях друг на друга для достижения собственных целей*; под **субъектом** межвидового взаимодействия мы понимаем *индивида, характеризующегося: 1) активностью по отношению к самому себе, к среде, к другим субъектам; 2) способностью*

переживать внешние и внутренние воздействия и изменения своего состояния; 3) способностью к коммуникации. Диада «человек – домашнее животное» рассматривается как саморазвивающаяся система в форме межвидовой группы, где под межвидовой группой мы понимаем человека и животное, объединенных совместной жизнедеятельностью и территорией, имеющих межиндивидуальные контакты друг с другом, эмоциональные взаимоотношения и специфические правила поведения в отношении друг друга. Тогда онтология такой диады будет являться процессуально-коммуникативной [4].

Представленные в статье материалы являются частью исследований, посвященных изучению межвидового взаимодействия между человеком и домашними животными, выполняемых в рамках экопсихологического подхода к развитию психики [4–7].

Взаимодействие человека с домашними питомцами

Необходимое условие возникновения взаимодействия между человеком и животным – это наличие потребности с обеих сторон в таком взаимодействии. У человека эта потребность может лежать как в плоскости удовлетворения единения с природой, так и в плоскости личностной или средовой дефицитарности. С целью доказательства гипотезы об удовлетворении дефицитарной потребности при приобретении питомца в Москве и Санкт-Петербурге был проведен опрос владельцев собак и кошек. Всего было опрошено 600 человек, по 300 в каждом городе (380 владельцев собак, 200 владельцев кошек, 20 человек держали дома и кошку, и собаку).

На вопрос, с какой целью приобреталось животное, на первом месте оказался ответ – «для души», «чтобы любить» и т.д. (28,68% опрошенных), на втором месте ответ – «для безопасности» (у владельцев собак – 23,22%), на третьем – «для детей» (14,5%). Таким образом, можно говорить о выраженном дефиците любви и чувства безопасности у жителей мегаполисов. В этом смысле приобретение домашнего питомца и взаимодействие с ним становится своего рода копинг-стратегией, используемой для восполнения дефицита.

Взаимодействие человека и домашнего животного строится иначе, чем межличностное взаимодействие. Даже учитывая, что человек разговаривает с кошкой или собакой, в значительной степени эта коммуникация является невербальной. При огромном разнообразии способов взаимодействия владельцев со своими питомцами можно выделить общие для всех аспекты такого рода коммуникации.

Специфика коммуникативного аспекта общения заключается в том, что каждый участник этого процесса предполагает активность в своем партнере, а не рассматривает его как некий объект. Действительно, при общении с питомцем человек рассматривает его именно как субъект взаимодействия. Главное отличие общения человека с животным заключается в том, что при такой коммуникации далеко не всегда удается выработать общий смысл, т.е. не любая информация, принятая обеими сторонами в процессе коммуникации, может быть понята и осмыслена.

Посредством общения партнеры могут влиять друг на друга, т.е. обмен информацией предполагает воздействие на поведение партнера. Эффективность коммуникации измеряется тем, насколько удалось такое воздействие, следовательно, при обмене информацией осуществляется процесс возникновения доверия между партнерами [8]. Аналогичным образом возникает доверие и в межвидовой группе, более того, оно является группообразующим фактором [5].

Рассмотрим теперь средства коммуникации: наиболее грубое деление – это различие вербальной и невербальной коммуникации. Важным инструментом вербальной коммуникации является обратная связь (сообщения, которые человек посылает в ответ на сообщения другого). Животное овладевает некоторыми понятиями языка в процессе воспитания и тесного взаимодействия с человеком, но обратная связь – от животного к человеку – всегда является невербальной, причем она может быть как позитивной, так и негативной. В этом смысле интересно рассмотреть проблему толерантности как соблюдения норм реагирования на высказывание другого. Хорошо социализированное в семье животное проявляет толерантность по отношению к членам семьи, но это происходит не всегда, и не всегда в этом виноват питомец. Эмоциональная лабильность владельца, его противоречивое отношение к животному могут вызывать у последнего непонимание владельца, следствием чего будут агрессия или страх по отношению к человеку. Невнимание владельца к невербальным сигналам, подаваемым питомцем, также будет способствовать ухудшению взаимодействия.

Таким образом, если в межвидовой группе выработаны доверие и толерантность по отно-

шению друг к другу, человек уже рассматривает себя как нужного кому-то и любимого кем-то, что особенно важно для людей с затруднениями в личностном общении и может являться копинг-стратегией.

Перейдем к интерактивной стороне общения, обозначающей те его компоненты, которые связаны с взаимодействием, т.е. эта сторона общения фиксирует не только обмен информацией, но и организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некую общую для них деятельность [8]. Безусловно, мы можем говорить о совместной деятельности человека и собаки (охота, пастьба, охрана и пр.), но в условиях современного мегаполиса такой деятельности в большинстве случаев не возникает, поэтому нам необходимо понять структуру взаимодействия человека и домашнего питомца в современном городе. Она включает позиции участников взаимодействия, ситуации и стиль действий. Здесь мы можем говорить о том, что в зависимости от ситуации позиции участников взаимодействия могут быть различны. В одних случаях животное подчиняется воле хозяина, в других – нет; в зависимости от стиля отношений, выработанного между ними, взаимодействие будет более или менее эффективным, т.е. структуры межличностного и межвидового взаимодействий имеют принципиальное сходство.

Для понимания механизма взаимодействия необходимо выяснить, как намерения и мотивы одного индивида накладываются на представления о партнере, и как это проявляется в принятии совместного решения, т.е. необходимо понимание того, как формируется образ партнера по общению, от взаимопонимания с которым зависит успех совместной деятельности [8]. В случае межвидового взаимодействия мы также можем говорить о сложившихся между ними отношениях хозяина и животного, так как может возникнуть сотрудничество или соперничество [9]. Соперничество будет мешать сотрудничеству и успешному осуществлению совместных действий, придавая отношениям соответствующую эмоциональную окраску. Здесь, однако, существует одно принципиальное отличие от межличностного взаимодействия: требования выполняемой совместной деятельности задает владелец, со стороны животного эти требования не будут выполняться, если они противоречат видовым особенностям. Однако, как показывают исследования [9], в межвидовых группах существует возможность конструктивного разрешения конфликта, что способствует сплочению членов группы, укрепляющему веру человека в выбранную копинг-стратегию.

Рассмотрим осуществление социальных действий в межвидовой группе. В теории соци-

альных действий особый интерес представляют проблемы средств или орудий действия и методов действия. От правильного выбора средств и методов зависит успешность действия. Все действия, направленные на изменение поведения других, можно уложить в следующие категории: негативное принуждение и позитивное убеждение. Первое проявляется в виде запретов и приказов, сущность которых – репрессии по отношению к нежелательному поведению. Второе основано на действии при помощи стимулов, вызывающих желательное поведение. К видам реакций на негативное принуждение относятся бунт и агрессия, на позитивное убеждение – добровольное подчинение в ходе выполнения действия, сознательное подчинение для достижения цели, а также подражание; средним видом реакции может являться эгоистический компромисс [10].

При межвидовом общении мы можем видеть использование обеих категорий средств и методов действия со стороны человека. Важно отметить и то, что животное, в свою очередь, также предпринимает некие социальные действия в отношении владельцев. Самое интересное, что эти действия сводятся к тем же двум категориям – негативное принуждение и позитивное убеждение. Негативное принуждение в случае социальных действий со стороны животного будет выражаться в агрессии с целью установления своих, видотипичных норм и правил, например, таких, как соблюдение членами семьи права питомца на определенное место для отдыха, соблюдение права собственности на еду, игрушки и т.д. Позитивное убеждение будет заключаться в попытках «договориться» с владельцами или «уговорить» их. Например, животное раз за разом протягивает хозяину игрушку, пока он не начнет играть.

Таким образом, члены межвидовой группы понимают (принимают к действию) не сигналы как таковые, а сигналы в контексте определенной ситуации. Это позволяет говорить о том, что применительно к экпсихологическому подходу в качестве исходного основания нужно брать понятие «ситуация», представляющее собой функционально определенное и ограниченное во времени и пространстве взаимодействие в системе «индивид – среда».

Выработанные в межвидовой группе совместные социальные действия, способствующие взаимопониманию, будь то совместная прогулка, игра или груминг, оказывают позитивное действие на человека, позволяют, хотя бы частично, отвлечься от личностных проблем и, соответственно, могут рассматриваться как часть копинг-стратегии.

Наконец, одной из наиболее важных в межвидовом общении сторон является перцептив-

ная. Процесс восприятия одним индивидуумом другого в процессе общения – это обязательная сторона общения. Впечатления, которые возникают при общении с другим, от этого другого играют важную регулятивную роль в процессе общения. При построении стратегии взаимодействия каждому приходится принимать в расчет потребности и мотивы другого, следовательно, анализ осознания себя через другого подразумевает идентификацию и рефлексию [8]. Конечно, в случае межвидового взаимодействия рефлексия всегда носит односторонний характер, но если говорить об идентификации, то она является двусторонней. Поясним эту мысль: по мере того, как отношения человека с питомцем, особенно в условиях современного мегаполиса, становятся все более тесными, человек все более склонен очеловечить живущее рядом животное, придавая его поступкам человеческие установки, потребности и мотивы, т.е. идентифицируя животное с человеком. Животное, в свою очередь, с определенного сензитивного периода начинает воспринимать человека как представителя своего вида, и с этой точки зрения можно говорить, что оно идентифицирует человека и рассматривает его поступки как поступки представителя своего вида.

Другой важный механизм межличностного восприятия – это каузальная атрибуция, т.е. процесс приписывания другому человеку определенных причин поведения в том случае, когда информация об этих причинах отсутствует. Потребность понять причины поведения партнера по взаимодействию возникает в связи с желанием интерпретировать его поступки [8].

Здесь мы можем говорить, что в силу очеловечивания домашнего питомца в условиях городской квартиры человек часто приписывает ему почти человеческие причины поведения, что сильно вредит взаимодействию, так как причины поведения домашнего животного кроются в биологических видотипичных механизмах жизнедеятельности.

Очевидно, что коммуникация является необходимым элементом межвидового взаимодействия человека и домашних животных. Особенностью межвидовой коммуникации, в отличие от коммуникации в пределах одного вида, является то, что отправитель некоего коммуникативного сигнала и его адресат используют сигналы, характерные для их биологического вида. При этом человек использует язык, а животное – свойственные его виду невербальные коммуникативные сигналы, и тем не менее между ними возникает понимание. Если такое понимание возникло, оно способствует снижению тревоги человека, связанной с дефицитом любви и принятия, что является одной из возможных позитивных копинг-стратегий.

Выводы

На основании анализа полученных результатов можно сделать следующие общие выводы. Все сигналы, подаваемые участниками межвидовых групп, можно свести к побуждениям или принуждениям к действию. Отдельные сигналы, подаваемые животными владельцам, влияют на коммуникативные события. Каждое событие во взаимодействии и в коммуникации, осуществляемое обеими сторонами, предполагает, что автор действия ожидает от партнера. Наконец, каждое последующее действие зависит от индивидуального восприятия предыдущего действия партнера и от установленных в данной межвидовой группе внутригрупповых правил, т.е. человек понимает (принимает к действию) не сигналы животного как таковые, а сигналы в контексте определенной ситуации, поэтому можно говорить о том, что применительно к экопсихологическому подходу в качестве исходного основания нужно брать понятие «ситуация», представляющее собой функционально определенное и ограниченное во времени и пространстве взаимодействие в системе «индивид – среда».

На основании полученных данных можно выдвинуть требующую дальнейшего изучения гипотезу, что подобная, редуцированная по сравнению с межличностной, коммуникация с домашним животным может являться копинг-стратегией, вырабатываемой человеком в современном мегаполисе не только с целью восполнения дефицита в любви и безопасности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Психологическое взаимодействие и межвидовая коммуникация человека с домашними животными в условиях городской среды» (№ 13-06-00687 а.)

Библиографический список

1. Kruger A., Serpell J. Animal-assisted interventions in mental health : Definition and theoretic foundations // Handbook on animal assisted therapy : Theoretical foundations and guidelines for practice / ed. A. Fine. N.Y., 2006. P. 21–39.
2. Дерябо С. Д., Ясвин С. В. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д, 1996. 480 с.
3. Сайко Э. В. Субъект : создатель и носитель социального. М. ; Воронеж, 2006. 424 с.
4. Панов В. И., Никольская А. В. Экопсихологическая модель межвидового взаимодействия в группе «человек – домашнее животное» // Эволюционная и сравнительная психология в России : традиции и перспективы / под ред. А. Н. Харитоновой. М., 2013. С. 219–226.
5. Никольская А. В. Взаимодействие человека с домашними животными : теория, методология и практика. М., 2012.

6. Никольская А. В. Межвидовая коммуникация – возможно ли взаимопонимание с домашним животным? // Эволюционная и сравнительная психология в России : традиции и перспективы / под ред. А. Н. Харитоновой. М., 2013. С. 227–234.
7. Панов В. И. Экологическая психология : опыт построения методологии. М., 2004. 197 с.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2005. 336 с.
9. Панов В. И., Никольская А. В. Возможность конструктивного конфликта в межвидовой группе «человек–домашнее животное» // Психология конструктивной конфликтности личности / под ред. А. В. Карпова, М. М. Кашапова. Ярославль, 2013.
10. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. 240 с.

Social Aspects of Human-Pet Interaction with as a Coping Strategy

Anastasia V. Nikolskaya

Moscow State University Road Transport
64, Leningradskiy ave., Moscow, 117997, Russia
E-mail: tonokazutoya@gmail.com

The article presents data, which testifies to the tendency of human perception of an animal as a social partner. Animals are perceived as family members by humans and get the states of significant others. The article gives information regarding the study of inter-species interaction between humans and pets. It is shown that all signals, which are transmitted between members of the inter-species group, can be classified based on two principles: incentive for action and forcing into action. Members of the inter-species group do not understand signals proper, they rather understand signals within the context of individual existing situation. Research results allow to present the hypothesis that inter-species communication between humans and pets can be a coping strategy, which is developed by a human in the modern big city in order to make up for the deficiency in love and safety.

Key words: inter-species communication, communicative, perceptive and interactive aspects of inter-species communication, incentive for action, forcing into action.

References

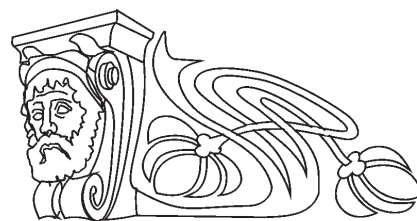
1. Kruger, A., Serpell J. *Animal-assisted interventions in mental health: Definition and theoretic foundations*. Handbook on animal assisted therapy: Theoretical foundations and guidelines for practice. Ed. by A. Fine. New York, 2006, pp. 21–39.
2. Deryabo S. D., Yasvin S. V. *Ekologicheskaya pedagogika i psikhologiya* (Ecological pedagogy and psychology). Rostov-on-Don, 1996. 480 p. (in Russian).
3. Sayko E. V. *Sub'ekt. Sozidatel' i nositel' sotsial'nogo* (Subject. Creator and bearer of social). Moscow; Voronezh. 2006. 424 p. (in Russian).
4. Panov V. I., Nikol'skaya A. V. *Ekopsikhologicheskaya model' mezhvidovogo vzaimodeystviya v gruppe «chelovek – domashnee zhivotnoe»* (Eco-psychological model of interspecies interaction in «man – pet» group).

- Evolyutsionnaya i sravnitel'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* (Evolutionary and comparative psychology in Russia: traditions and perspectives). Ed. by A. N. Kharitonov. Moscow, 2013, pp. 219–226 (in Russian).
- Nikol'skaya A. V. *Vzaimodeystvie cheloveka s domashnimi zivotnymi: teoriya, metodologiya i praktika* (Interaction of man and pets: theory, methodology and practice). Moscow, 2012 (in Russian).
 - Nikol'skaya A. V. *Mezhvidovaya kommunikatsiya – vozmozhno li vzaimoponimanie s domashnim zivotnym?* (Interspecies communication: is mutual understanding with pet possible?). *Evolyutsionnaya i sravnitel'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* (Evolutionary and comparative psychology in Russia: traditions and perspectives). Ed. by A. N. Kharitonov. Moscow, 2013, pp. 227–234 (in Russian).
 - Panov V. I. *Ekologicheskaya psikhologiya: opyt postroe-niya metodologii* (Ecological psychology: experience of methodology construction). Moscow, 2004. 197 p. (in Russian).
 - Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* (Social psychology). Moscow, 2005. 336 p. (in Russian).
 - Panov V. I., Nikol'skaya A. V. *Vozmozhnost' konstruktivno-go konflikta v mezhhvidovoy grupe «chelovek-domashnee zivotnoe»* (Possibility of constructive conflict in interspecies group «man – pet»). *Psikhologiya konstruktivnoy konfliktnosti lichnosti* (Psychology of personality's constructive proneness to conflict). Ed. by A. V. Karpov, M. M. Kashapov. Yaroslavl, 2013 (in Russian).
 - Shchepan'skiy Ya. *Elementarnye ponyatiya sotsiologii* (Elementary notions of sociology). Moscow, 1969. 240 p. (in Russian).

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖВИДОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Г. В. Шукова

Шукова Галина Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Психологический институт РАН, Москва, Россия
E-mail: shookova@yandex.ru

На основе анализа результатов сравнительного исследования некоторых аспектов потребности и личностной сфер владельцев домашних животных и лиц, не имеющих домашних животных, показано, что в основе сознательного выбора человеком определенного типа пет-взаимодействия лежит его потребность в позиционировании животного в качестве субъекта. В личностной сфере пет-собственников выделена направленность на определенный тип коммуникации, который можно охарактеризовать как социально-позитивно-инновационный. Особо акцентировано отсутствие в данной направленности компенсационной составляющей, постулируемой дефицитарной моделью пет-отношений, согласно которой роль домашнего животного сводится к компенсации/стагнации личностных проблем владельца.

Ключевые слова: межвидовое взаимодействие человека и домашних животных, пет-взаимодействие.

К постановке проблемы

В постиндустриальном обществе одним из заметных феноменов последних десятилетий стало массовое появление такого элемента психологического пространства человека, как домашние животные. Значительная часть собак, кошек, птичек и т.д. переместилась из жизненного или профессионального пространства личности с позиции «объект воздействия» на позицию «субъект взаимодействия», заняв, таким образом, весьма

значимое место в структуре психологического пространства современного человека. Язык зафиксировал такое перемещение в понятии «домашний питомец» – в нем (и в еще более акцентированной форме в его синониме «домашний любимец») выражена специфика современного массового способа взаимодействия на регулярной основе людей с животными: традиционное содержание сельскохозяйственных и домашних животных в утилитарных целях соседствует сегодня с содержанием животных исключительно как объектов общения, привязанности, заботы, любви, что можно обозначить как пет-взаимодействие (англ. pet – любимое животное). В 63% из более 40 млн домохозяйств в США питомцы (собаки) считаются полноправными членами семьи [1].

Массовость явления «домашний питомец» как в западных странах (в более чем 60% американских семей имеется, по крайней мере, одно животное-компаньон [2]), так и в России (по данным Левада-Центра, на начало 2014 г. 59% россиян являются владельцами домашних животных [3]) не может не обращать на себя внимания научного сообщества, требуя осмысления как его каузальности, так и психологических последствий, чем и объясняется высокая актуальность исследования психологических аспектов взаимодействия человека с животными. К тому же сравнение активности отечественных ученых в данном исследовательском направлении с нашими западными коллегами будет отнюдь не в пользу

первых: в России психологические исследования межвидового взаимодействия человека и животных (Human-Animal Interaction) единичны, тогда как в мировой научной литературе ежегодно представлены десятки отчетов об исследовательских проектах в области HAI (см., например, [4–6]).

Социально-психологические основания выбора межвидового взаимодействия

При обращении к социально-психологическому личностному контексту межвидовой проблематики прежде всего встает вопрос о дифференциации личностных оснований пет-выбора человека. Какие люди выбирают межвидовое взаимодействие, почему и зачем они это делают, какой уровень коммуникации с животным отвечает их психологическим запросам?

Указанные вопросы тем более важны, что в области *Human-Animal Interaction* (как мировой, так и отечественной) при выявлении личностных особенностей владельцев домашних любимцев сложились, на наш взгляд, несколько редуционистские настроения. Во-первых, доминирует тенденция «выхватывания» отдельных исследуемых личностных черт (эмпатия, тревожность, ответственность и т.п.) с целью определения их связи с пет-статусом человека, и это, к сожалению, чаще всего ограничивается сугубо прикладными рекомендациями, не поднимаясь до уровня целостного системного анализа психической организации субъекта межвидовой коммуникации. Так, при исследовании связи между тремя типами пет-собственности (единственное животное, несколько мелких животных, большие и маленькие животные) и такими личностными особенностями, как эмоциональная привязанность, преданность и нравственное отношение к животному показано, что тип пет-собственности позволяет предсказать интенсивность и модальность указанных личностных позиций. Особенно существенно подгруппы испытуемых различались в содержании моральной оценки животных. «Отношения к животным могут различаться качественно», а «понимание таких нюансов имеет важное значение в продвижении позитивных, взаимовыгодных отношений между людьми и животными» [7, с. 295].

Цитируемая работа, на наш взгляд, в своем открытии очередной личностной характеристики человека абсолютно «методологически типична» для современной психологии межвидового взаимодействия, строясь по схеме: выявлен новый феномен – сделан вклад в исследование HAI, что сводит, по сути, данную исследовательскую область к уровню коллекционирования феноменов в преимущественно прикладных целях. И это при том, что при решении вопроса о причинах выбора человеком позиции пет-собственника,

конечно, очевидна необходимость исследования его целостного психологического статуса, а в литературе констатируется «явная недостаточность современных исследований личностных особенностей в контексте отношения человека к животным и его взаимодействия с ними» [8, с. 666].

Разумеется, необходимость описания феноменов изучаемой реальности нет смысла оспаривать, но хотелось бы и к причинам ее появления приблизиться, для чего, как первый шаг на этом пути, целесообразно попытаться найти такие «места» в психике человека (как, например, упоминаемая ниже потребностная сфера), каузальность которых в отношении формирования/неформирования пет-отношений вызывала бы меньше сомнений, нежели это происходит в случае принятой сегодня исследовательской схемы выявления феноменологии межвидовой коалиции (см. об этом подробнее [9]).

Очень редки работы (например, [10, 11]), в которых межвидовой контекст рассматривается, с одной стороны, процессуально и целостно – как становящаяся реальность взаимодействия двух/нескольких субъектов, а с другой стороны, дифференциально, т.е. с выделением уровней и типов психологических характеристик взаимодействующих субъектов. Так, на основе анализа потребностей и мотивов, актуализирующих активность субъектов межвидового взаимодействия, типизированы контакты собаки и ее хозяина: выделено по семь типов отношения субъекта взаимодействия к другому члену межвидовой диады как со стороны человека, так и со стороны животного, что позволяет автору обосновать тезис о том, что главным условием достижения гармоничности межвидового взаимодействия является удовлетворение в нем существенных психологических потребностей обеих сторон диады, что возможно только при определенной комбинации их психотипов [10, с. 76, 82].

В связи с обращением к термину «типология» следует упомянуть еще одну современную редуционистскую тенденцию, когда анализ личности «человеческих» участников межвидовой диады осуществляется по схеме принципиального исключения самой возможности их дифференциации. Иными словами, предполагается, что причины вступления человека в пет-отношения в основе своей универсальны. В частности, здесь существует гипотеза о компенсаторной природе коммуникации человека с домашними любимцами [12, 13, отчасти 14], когда пет-отношения маркируют непроработанность на «человеческом» уровне личностных проблем владельцев животных. Так, адептами теории семейных систем М. Боуэна наличие животного (преимущественно собаки) в семье рассматривается как основание для квалификации такой семьи в качестве дис-

функциональной, а само животное – как мощная преграда для проработки существующих в семье психологических проблем и ее перехода на более высокий уровень развития [13]. Практически все (!) семьи, владеющие животными, все владельцы дисфункциональны – вот «сухой остаток» данной позиции, с которым очень трудно согласиться хотя бы в силу безграничной вариативности психики, наблюдаемой в абсолютно любых сферах проявления психической реальности («все люди {и животные!} разные») – почему же в межвидовом взаимодействии будет по-другому?

Наше предположение заключается в том, что личностные особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия должны рассматриваться не как набор черт, а как континуум личностных характеристик, на одном полюсе которого находятся так называемые гармоничные, а на другом – дисгармоничные владельцы домашних питомцев. Иными словами, различные типы владельцев домашних животных (гармоничные, прагматичные, дисгармоничные и т.п.) имеют разные психологические статусы, в силу чего различны предпосылки и механизмы их вступления в межвидовые отношения, а также способы организации таких отношений.

Для проверки данного предположения необходимо выявить личностные особенности различных страт владельцев домашних питомцев. В этих целях в Психологическом институте (Москва) в лаборатории экпсихологии развития предпринято исследование личностных особенностей владельцев ($N = 44$) домашних собак (описание данного проекта готовится к публикации) в их сравнении с личностными особенностями лиц ($N = 39$), домашних животных не имеющих. Выборку владельцев составили так называемые «прикрепленные» хозяев собак – те, у кого есть потребность в пет-общении с собакой и для кого пет-собственность, а не традиционно утилитарное владение животным, есть осознанный и ответственный выбор, следствием чего является высокая включенность животного в жизнь человека/семьи, к которому владелец относится практически «по-человечески». При отборе владельцев мы также контролировали определенный уровень вербального и интеллектуального развития, самосознания и рефлексии, открытость к социальным контактам (так называемый эффект добровольца – участника психологического исследования). Таким образом, выборка владельцев была довольно однородна по пет-критерию, некоторым социально-психологическим и личностным моментам и выравнена по половому составу респондентов. Именно эти респонденты по итогам исследования были названы нами гармоничными владельцами.

Было показано, что в основе сознательного выбора человеком пет-взаимодействия и высокой

степени удовлетворенности межвидовым взаимодействием лежит его потребность в субъективном отношении к животному, т.е. позиционировании животного в качестве субъекта. В личностной сфере пет-собственников выделена направленность на определенный тип коммуникации, который можно охарактеризовать как социально-позитивно-инновационный. Это означает, что у них, в отличие от «невладельцев», зафиксирована потребность в расширении и активном сопровождении своего «социального ареала», откуда, на наш взгляд, и появляется их направленность на активное освоение коммуникативной межвидовой территории. Иными словами, социально-психологический коммуникативный ресурс данной группы владельцев домашних собак так высок, что его не только хватает на гармоничное позиционирование в человеческом сообществе, но и позволяет гармонично функционировать в составе межвидовой группы. Не компенсировать личностную недостаточность, а реализовывать коммуникативную избыточность – вот что следует подчеркнуть особо в качестве дискуссионного замечания относительно дефицитарной модели пет-отношений, согласно которой роль домашнего животного сводится к компенсации/стагнации личностных проблем владельца.

Заключение

Итак, новизна и значение данных, полученных в исследовании личностных особенностей субъектов межвидового взаимодействия, заключаются в следующем: 1) выделена страта владельцев домашних собак, в основе пет-взаимодействия которых лежит потребность в субъективном отношении к животному, а также направленность на социально-позитивно-инновационный тип коммуникации; 2) выдвинуто предположение о континуальности типологических психологических характеристик.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Психологическое взаимодействие и межвидовая коммуникация человека с домашними животными» (№ 13-06-687).

Библиографический список

1. Oyama M. A., Serpell J. A. General commentary: rethinking the role of animals in human well-being. *Front. Psychol.* 25 June. 2013. URL: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fpsyg.2013.00374/full>. (дата обращения: 17.05.2014).
2. Marinelli L., Adamelli S., Normando S., Bono G. Quality of life of the pet dog: Influence of owner and dog's characteristics // *Applied Animal Behaviour Science*. 2007. Vol. 108. P. 143–156.
3. Зоопарк на дому // *Московская правда* : ежедневная газ. 2014. 14 апреля. № 78 (27666). С. 2.

4. Hosey G., Melfi V. Human-animal interactions, relationships and bonds : a review and analysis of the literature // Intern. Journal of Comparative Psychology. 2014. Vol. 27, iss. 1. P. 117–142.
5. Hurley K. B. Development and human-animal interaction. human development. 2014. Vol. 57, № 1. URL: www.karger.com/Article/FullText/357795 (дата обращения: 16.05.2014).
6. Titeux E., Péron F., Gilbert C. La relation homme-chein : nouvelles hypotheses // Le Point Vétérinaire. 2013. № 336. P. 64–70.
7. Mueller M. K. The Relationship between types of human–animal interaction and attitudes about animals : an exploratory study // Anthrozoos : a multidisciplinary journal of the interactions of people & animals. 2014. Vol. 27, iss. 2. P. 295–308.
8. Kavanagh P. S., Signal T. D., Taylor N. The Dark Triad and animal cruelty : dark personalities, dark attitudes and dark behaviors // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55, iss. 6. P. 666–670.
9. Шукова Г. В. Межвидовое взаимодействие человека и домашних животных как предмет экопсихологического исследования // Экопсихологические исследования-3 : сб. науч. ст. под ред. В. И. Панова. М. ; СПб., 2013. С. 76–109.
10. Криволапчук Н. Д. Прикладная психология собаки : учеб. пособие. Ростов-н/Д, 2008. 560 с.
11. Horowitz A. C., Bekoff M. Naturalizing anthropomorphism : behavioral prompts to our humanizing of animals // Anthrozoos : A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. 2007. Vol. 20, iss. 1. P. 23–35.
12. Варга А. Я., Федорович Е. Ю. Домашний питомец в семейной системе // Вопр. психологии. 2010. № 1. С. 56–65.
13. Федорович Е. Ю. Домашние питомцы как функциональные члены семьи : докл. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-122594.html. (дата обращения: 20.08.2013).
14. Никольская А. В. Зоопсихология и межвидовая психология. М., 2010. 354 с.

Social and Psychological Aspects of Cross-Species Interaction between Humans and Pets

Galina V. Shookova

Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow
9/4, Mochovaya str., Moscow, 125009, Russia
E-mail: shookova@yandex.ru

In the present study needs and personal characteristics of dog's owners and non-owners are compared. It was revealed that some needs and personal characteristics are significant predictors of attitude and behavior type with animals. In the pet owners personal sphere has been allocated the directivity to a particular type of communication with the pets, which can be described as a socio-positive and innovative. Separately, it should be emphasized that this type of communication is characterized by it's have not incorporates the component of compensation. This provision is debatable against deficit model pet relations, according to which the role of the pet comes down to compensation / stagnation personal problems of owner.

Key words: human-animal interaction, pet interaction.

References

1. Oyama M. A., Serpell J. A. *General Commentary: Rethinking the role of animals in human well-being.* *Front. Psychol.* 25 June. 2013. Available at: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fpsyg.2013.00374/full> (accessed 17 May 2014) (in English).
2. Marinelli L., Adamelli S., Normando S., Bono G.. Quality of life of the pet dog: Influence of owner and dog's characteristics. *Applied Animal Behaviour Science.* 2007, vol. 108, pp. 143–156 (in English).
3. *Zoopark na domu* (Zoo at home). *Moskovskaya pravda: ezhednevnyaya gazeta* (Moscow thruth: the daily newspaper). 2014. 14 Aprile, no. 78 (27666) (in Russian).
4. Hosey G., Melfi V. Human-animal interactions, relationships and bonds: a review and analysis of the literature. *International Journal of Comparative Psychology*, 2014, vol. 27, iss. 1, pp. 117–142 (in English).
5. Hurley K. B. *Development and human-animal interaction.* *Human Development*, 2014, vol. 57, no. 1. Available at: www.karger.com/Article/FullText/357795 (accessed 16 May 2014) (in English).
6. Titeux E., Péron F., Gilbert C. La relation homme-chein: nouvelles hypothèses. *Le Point Vétérinaire.* 2013, no. 336, pp. 64–70 (in French).
7. Mueller M. K. The Relationship between Types of Human–Animal Interaction and Attitudes about Animals: An Exploratory Study. *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals*, 2014, vol. 27, iss. 2, pp. 295–308 (in English).
8. Kavanagh P. S., Signal T. D., Taylor N. The Dark Triad and animal cruelty: Dark personalities, dark attitudes, and dark behaviors. *Personality and Individual Differences.* 2013, vol. 55, iss. 6, pp. 666–670 (in English).
9. Shukova G. V. *Mezhvidovoe vzaimodeystvie cheloveka i domashnikh zhivotnykh kak predmet ekopsikhologicheskogo issledovaniya* (Human-animal interaction as subject of eco-psychological study). *Ekopsikhologicheskoe issledovaniya-3: sb. nauch. st.* (Eco-psychological investigations-3: the collection of scientific papers). Ed. by V. I. Panov. Moscow; St.-Petersburg, 2013, pp. 76–109 (in Russian).
10. Krivolapchuk N. D. *Prikladnaya psikhologiya sobaki: ucheb. posobie* (Dog's Applied Psychology: the study guide). Rostov-on-Don, 2008. 560 pp. (in Russian).
11. Horowitz A. C., Bekoff M. Naturalizing anthropomorphism: behavioral prompts to our humanizing of animals. *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals*, 2007, vol. 20, iss. 1, pp. 23–35 (in English).
12. Varga A. Ya., Fedorovich E. Yu. *Domashniy pitomets v semeynoy sisteme* (Pet in family system). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psychologii), 2010, iss. 1, pp. 56–65 (in Russian).
13. Fedorovich E. Yu. *Domashnie pitomtsy kak funktsional'nye chleny sem'i: dokl.* (Pets as functional members of family: report). Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-122594.html> (accessed 20 August 2013) (in Russian).
14. Nikol'skaya A. V. *Zoopsikhologiya i mezhvidovaya psikhologiya* (Zoopsychology and interspecific psychology). Moscow, 2010. 354 p. (in Russian).

ПЕДАГОГИКА РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 159.9

УРОВНЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМПАТИИ И СУИЦИДАЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Е. Н. Горина

Горина Екатерина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра коррекционной педагогики, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: ekgorina@yandex.ru

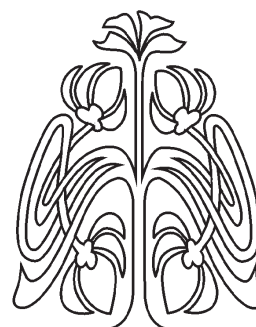
Представлены результаты эмпирического исследования проблемы соотношения уровневых характеристик эмпатии и суицидального поведения личности подростка. Применение психодиагностического инструментария (опросника «Выявления суицидального риска» А. А. Кучера, В. П. Костюкевича, «Опросника суицидального риска» Т. Н. Разуваевой, «Опросника для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиана, Н. Эпштейна) на выборке подростков (N = 100) позволило выявить, что высокий уровень эмпатии выступает одним из факторов снижения суицидального риска. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ развития эмпатийных способностей личности подростка в условиях его психолого-педагогического сопровождения.
Ключевые слова: личность подростка, суицид, суицидальное поведение, факторы суицидального риска, эмпатия.

К постановке проблемы

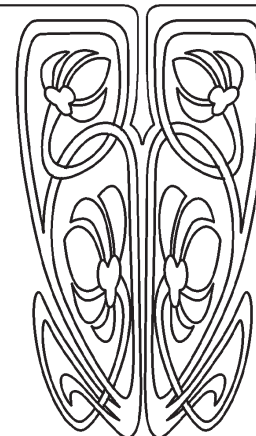
Проблема суицида подростков является одной из первостепенных социально-психологических проблем в России и содержит многочисленные социальные риски современного общества. Различные аспекты суицидального поведения представлены в трудах зарубежных и отечественных психологов и дефектологов – В. Штерна, В. Франкла, Н. Фарбероу, Э. Шнейдмана, В. П. Кащенко, Е. Г. Банщиковой.

Суицидальное поведение подростков отличается возрастным своеобразием. В подростковой психике есть некоторые черты, предрасполагающие к самоубийству: с одной стороны, страсть к самоутверждению, с другой – еще не сформированное представление о ценности жизни, отсутствие барьера между рискованным и нерискованным поведением, несоответствие целей и средств суицидального поведения. Подростки очень легко манипулируют как своим здоровьем, так и своей жизнью: им кажется, что жизнь – недорогая цена за доказательство собственной правоты, кроме того, смерть воспринимается весьма абстрактно, как что-то временное [1]. Вместе с тем психологический смысл подросткового суицида – крик о помощи, стремление привлечь внимание к своему страданию, реакция на стрессовые ситуации. Люди с суицидальными намерениями не избегают помощи, а наоборот, часто стремятся к ней, нуждаются в консультировании, психологической поддержке.

Мы предполагаем, что одним из средств снижения факторов суицидального риска у подростков может являться эмпатия – способ-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ность поставить себя на место другого человека, сопереживать ему, точно определить эмоциональное состояние другого человека [2]. Изучением эмпатии занимались Э. Титченер, Т. Липпс, К. Роджерс, Т.П. Гаврилова, Т. Шибутани, И. Н. Юсупов, К. В. Ягнюк и др.

Эмпатия оказывает значительное влияние на характер отношения личности к внешнему миру, к себе, к другим людям, регулирует процесс вхождения личности в социум [3]. Субъекты, имеющие высокий уровень развития эмпатии, чаще прибегают к альтруистической стратегии взаимодействия, предполагающей улучшение самочувствия партнера и оптимизацию контакта с ним. Кроме того, тот, кто наиболее чуток к эмоциональному состоянию другого, охотно помогает и наименее склонен к агрессии, в том числе к аутоагрессии [4], и наоборот, субъекты с низким уровнем развития эмпатии предпочитают эгоистические взаимодействия с другими, включающие использование окружающих в собственных целях и ухудшающие общение и взаимодействие между людьми [5].

Программа эмпирического исследования

С целью изучения уровневых характеристик эмпатии и суицидальных намерений подростков нами было проведено экспериментальное исследование на базе средних школ г. Саратова и Саратовской области, выборка составила 100 человек. Диагностический инструментарий исследования: опросник «Выявление суицидального риска» (А. А. Кучера, В. П. Костюкевича), «Опросник суицидального риска» Т. Н. Разуваевой, «Опросник для диагностики способности к эмпатии» (А. Мехрабиана, Н. Эпштейна)

Анализируя результаты, полученные с помощью опросника выявления суицидального риска А. А. Кучера и В. П. Костюкевича, можно констатировать, что у 70% подростков отмечаются высокие показатели фактора «отношения с окружающими». У остальных подростков высокие показатели факторов «школьные проблемы, проблема выбора жизненного пути» и «чувство неполноценности, ущербности, уродливости». Это объясняется тем, что подростковый возраст – стадия онтогенетического развития между детством и взрослостью, которая характеризуется изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь. Подростки чувствительны к оценке посторонних своей внешности, застенчивы, демонстрируют свою независимость, борются с авторитетами, общепринятыми правилами, они эмоционально неустойчивы и у них бывают резкие колебания настроения. Наличие высоких показателей данных факторов свидетельствует о возможности формирования суицидальных намерений. Вместе

с тем зафиксировано отсутствие высоких показателей фактора «добровольный уход из жизни»: это говорит об отсутствии у подростков глобального суицидального риска.

Анализируя результаты, полученные по опроснику суицидального риска Т. Н. Разуваевой, можно отметить: у подростков наблюдаются высокие и средние значения показателей шкал «аффективность» и «антисуицидальный риск», преобладают низкие и средние значения шкал «временная перспектива» и «максимализм».

Высокие показатели шкалы «аффективность» у подростков свидетельствуют о том, что у большинства эмоции доминируют над интеллектуальным контролем в оценке ситуации: они готовы реагировать на психотравмирующие ситуации преимущественно эмоционально. Высокие показатели шкалы «антисуицидальный риск» свидетельствуют о том, что есть фактор, снижающий глобальный суицидальный риск. Испытуемым с высокими показателями этой шкалы присущи чувства ответственности за близких, долга, представление о греховности самоубийства, его антиэстетичности, боязнь боли и физических страданий. В определенном смысле, это показатель предпосылок для психокоррекционной работы. Одна из возможных внутренних причин культа смерти – доведенная до патологического максимализма смысловая установка на самостоятельность. Низкие значения по шкале «временная перспектива» свидетельствуют об отсутствии страха перед неудачами в будущем.

Данные, полученные в результате опроса по методике А. Мехрабиана, Н. Эпштейна, позволяют сделать следующие выводы: 20% испытуемых имеют высокий уровень эмпатии. Это свидетельствует о том, что они чувствительны к окружающим, великодушны, эмоционально отзывчивы, общительны, быстро устанавливают контакты с окружающими, стараются не допускать конфликтов и находить компромиссные решения, адекватно реагируют на критику в свой адрес. Половина испытуемых (47%) имеют средний уровень эмпатии: им не чужды эмоциональные проявления, но, как правило, они их контролируют. В общении такие люди внимательны и стараются понять смысл разговора, они предпочитают деликатно не высказывать свою точку зрения, не будучи уверенными, что она будет принята. Эти подростки затрудняются прогнозировать развитие отношений, поэтому иногда их поступки оказываются неожиданными.

20% испытуемых имеют низкий уровень эмпатии, они испытывают затруднения в установлении контактов с людьми, неуютно чувствуют себя в большой компании, иногда они ощущают свою отчужденность, когда окружающие не слишком внимательны к ним. У 13% подростков наблюдается очень низкий уровень развития эмпатии.

Сопоставляя результаты, полученные при помощи трёх методик, можно выявить некую зависимость. У испытуемых с высоким уровнем развития эмпатии отмечаются средние и низкие показатели следующих факторов суицидального риска: аффективности, несостоятельности, слома культурных барьеров.

Низкий уровень эмпатии связан с высокими показателями таких факторов суицидального риска, как: отношения с окружающими, чувство неполноценности, максимализм, временная перспектива – невозможность конструктивного планирования будущего. Это может быть следствием сильной погруженности в конкретную ситуацию, трансформацией чувства неразрешимости текущей проблемы, глобального страха неудач и поражений в будущем.

Заключение

Таким образом, в ходе диагностической работы была выявлена определенная зависимость между факторами суицидального риска и уровнем развития эмпатии у подростков: чем выше уровень развития эмпатии, тем менее проявляются факторы суицидального риска и в качественно ином сочетании. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ развития эмпатийных способностей личности подростка в условиях его психолого-педагогического сопровождения.

Библиографический список

1. Сакович Н. Голосуем за жизнь вместе. О профилактике подросткового суицида // Школьный психолог. 2008. № 8. С. 37–39.
2. Ягнюк К. В. Природа эмпатии и её роль в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. С. 74–79.
3. Волчкова Н. И. Особенности эмпатии у современных подростков // Психология, социология и педагогика. 2012. № 6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/705> (дата обращения: 04.01.2014).
4. Врони Е. М., Ратинова Н. А. О возрастном своеобразии аутоагрессивного поведения у психологически здоровых подростков // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. М., 1999. С. 38–49.
5. Юсупов И. Н. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты) : дис. ... д-ра. психол. наук. СПб., 1995. 252 с.

Level Characteristics of Empathy and Suicidal Intentions of Teenagers

Ekaterina N. Gorina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: egorina@mail.ru

The article presents the results of empirical study, which investigates correlation between empathy level characteristics and teenagers' suicidal behavior. The use of psycho-diagnostic tools (questionnaire for suicidal behavior identification by A. A. Kucher and V. P. Kostukevich, T. N. Razuvaeva's questionnaire on suicidal risk, questionnaire on ability to empathy by A. Mehrabian and N. Epshtein) based on a sample of teenagers (N = 100), revealed that the high level of empathy is one of the factors, which leads to suicidal risk decrease. The applied aspect of the problem under study can be implemented for programs that are aimed at the development of a teenager's personal empathic abilities in terms of his/her psychological and pedagogical support.

Key words: teenager, suicide, suicidal behavior, factors of suicidal risk, empathy.

References

1. Sakovich N. *Golosuem za zhizn' vmeste. O profilaktike podrostkovogo suitsida* (We vote for life together. About prophylaxis of teenagers' suicide). *Shkol'nyy psikholog* (A school psychologist), 2008, no. 8, pp. 37–39 (in Russian).
2. Yagnyuk K. V. *Priroda empatii i ee rol' v psikhoterapii* (Empathy's nature and role at psychotherapy). *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* (The journal of practical psychology and psychoanalysis), 2003, no. 1, pp. 74–79 (in Russian).
3. Volchkova N. I. *Osobennosti empatii u sovremennykh podrostkov* (Features of empathy by modern teenagers). *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* (Psychology, Sociology and Pedagogy), 2012, no. 6. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/705> (accessed 4 January 2014) (in Russian).
4. Vrono E. M., Ratinova N. A. *O vozrastnom svoeobrazii autoagressivnogo povedeniya u psikhologicheskii zdorovykh podrostkov* (About age peculiarity of self-injurious behavior by mentally sane teenagers). *Sravnitel'no-vozrastnye issledovaniya v suitsidologii* (Age-comparative investigations at suicidology). Moscow, 1999, pp. 38–49 (in Russian).
5. Yusupov I. N. *Psikhologiya empatii (teoreticheskie i prikladnye aspekty)*: dis. ... d-ra psikhol. nauk (Psychology of empathy {theoretic and applied aspects}: dis. ... doct. of psychology). St.-Petersburg, 1995. 252 p. (in Russian).

УДК 376.1

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР КАК СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Ю. В. Селиванова, Л. В. Мясникова

Селиванова Юлия Викторовна – доктор социологических наук, профессор, кафедра коррекционной педагогики, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Мясникова Людмила Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра коррекционной педагогики, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: myasnikovalv@gmail.com

Статья посвящена вопросам оказания помощи детям с нарушениями развития. Отмечая стигматизацию детей-инвалидов вследствие изоляции, недостаточной социализации, авторы констатируют трансформацию в современном обществе отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья. Инклюзивное и интегрированное образование рассматриваются как долгосрочная стратегия, определяемая не как локальный участок работы, а как системный подход в организации деятельности общеобразовательной системы по всем направлениям в целом. Обращается внимание на то, что одним из требований успешной социализации и интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в массовые школы является обязательная коррекционная поддержка системы общего образования. Рассматривается необходимость создания ресурсных центров на базе специальных коррекционных образовательных учреждений, анализируется деятельность ресурсного центра на базе школы III–IV вида г. Саратова в свете модернизации общего и специального образования.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями, интеграция, инклюзия, коррекционная поддержка системы общего образования, ресурсный центр.

К постановке проблемы

Во всех странах мира и в любой группе общества существуют люди с ограниченными возможностями здоровья. По данным «Всемирного доклада об инвалидности» ВОЗ за 2011 г. в странах мира около миллиарда человек живут с какой-либо формой инвалидности [1]. Это составляет примерно 15% от общей численности населения планеты, а с учетом их семей тема инвалидности напрямую касается четверти населения мира. В предстоящие годы инвалидность будет вызывать все большее внимание, поскольку степень ее распространенности увеличивается. Кроме того, в настоящее время происходит качественное изменение контингента лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – с ОВЗ), а именно – в последние годы увеличивается число

детей с проявлением множественных отклонений развития. Подтверждая право всех на получение образования, в концепции Федерального государственного образовательного стандарта обучающихся с ОВЗ к уже имеющимся группам таких детей прибавились еще две – дети, имеющие расстройства аутистического спектра и множественные нарушения развития.

Надо сказать, что раньше подавляющее большинство детей-инвалидов с комплексными дефектами развития попросту «сидели дома», не имея возможности учиться в образовательных учреждениях с другими учениками в силу выраженности физических и/или психических нарушений. В лучшем случае им рекомендовалось обучение на дому. Изоляция ребенка, невозможность общаться со сверстниками еще больше усугубляли ситуацию, препятствовали социализации ребенка и способствовали стигматизации данной категории детей.

Сейчас ситуация существенно меняется: в первую очередь, это можно связать с изменением социальных установок и поведения родителей, воспитывающих детей с особыми образовательными потребностями, которые не всегда соглашались с диагнозом и рекомендациями по обучению их ребенка в коррекционных школах, выданными психолого-медико-педагогической комиссией. Сегодня большая часть родителей детей-инвалидов настаивают на том, чтобы их ребенок обучался в обычной школе наравне со всеми.

Можно констатировать, что в настоящее время отношение к детям с ограниченными возможностями здоровья стало иным: мало кто возражает, что образование должно быть доступно всем детям без исключения. Нерешенным остается вопрос, как сделать, чтобы ребенок с отклонениями в развитии получил не только богатый социальный опыт, но и реализовал в полной мере свои образовательные потребности и чтобы пребывание ребенка с ОВЗ, в свою очередь, не помешало организации учебного процесса в классе и не снизило бы общий уровень образования других детей. Таким образом, «вопросы из идеологической плоскости переместились в организационные, научно-методические и исследовательские» [2, с. 75].

Стратегии коррекционной поддержки системы общего образования

Инклюзивное и интегрированное образование – это долгосрочная стратегия, рассматриваемая не как локальный участок работы, а как системный подход в организации деятельности общеобразовательной системы по всем направлениям. Понятие интеграции в образовательной системе России нередко связывается с процессами демократизации и гуманизации общества, которые считаются одними из главных средств его преобразования, что содействует признанию человека как его высшей ценности. Утверждается необходимость создания для каждого человека равных прав и возможностей на получение образования, на развитие его индивидуальных способностей, на подготовку личности к самостоятельной жизни. Такое понимание интеграции связано с подходом к ней как к процессу вхождения человека в средовую культуру, образовательное пространство, оно используется в коррекционной педагогике и специальной психологии. Согласно такому подходу социализация и «интеграция лиц с нарушениями развития в общество нормально развивающихся сверстников и взрослых по праву признается как наивысшая ступень социально-трудовой и профессиональной адаптации» [3, с. 368].

Являясь ведущей тенденцией современного этапа развития системы специального образования, интеграция не должна подменять собой систему в целом. Это – лишь один из подходов, которому предстоит существовать не монополю, а наряду с другими – традиционными и инновационными. В идеале интеграция не противопоставляется системе специального образования, а является одной из альтернативных форм внутри системы. Можно считать, что интеграция сближает две образовательные системы – общую и специальную, делая взаимопроницаемыми границы между ними.

Инновационные процессы развития инклюзивного образования, происходящие в современной школе, требуют качественного изменения содержания образовательного процесса. Каждый ребенок с нарушениями развития должен иметь возможность реализовать свое конституционное право на образование в любом типе образовательного учреждения, включая дошкольное образовательное или массовую школу, и получать при этом необходимую ему специализированную помощь. Уже сейчас администрация общеобразовательных школ отмечает, что количество учащихся с ОВЗ в их учреждениях значительно возросло. Это, в свою очередь, приводит к возникновению ряда проблем, требующих своевременного решения. Например, учителя общего образования нуждаются в комплексной

(обучающей, просветительской, организационной) помощи со стороны специалистов в области коррекционной педагогики, специальной, педагогической и социальной психологии, которая обеспечит понимание и реализацию подходов к индивидуализации обучения детей с особыми образовательными потребностями, в первую очередь учащихся с ограниченными возможностями здоровья. Надо заметить, что среднестатистический учитель, как правило, не имеет никаких знаний по коррекционной педагогике, «не владеет технологиями и специальными приемами обучения, а зачастую не имеет желания обучать таких детей. Более того, он не может оценить степень нарушения и составить индивидуальный маршрут дальнейшего развития и обучения ребенка с ОВЗ» [4, с. 15].

К сожалению, в ближайшее время данная ситуация вряд ли может улучшиться, тем более что произошли определенные изменения и в вузовском образовании. В соответствии с новым ФГОС в содержании профессиональной подготовки педагога для массовой системы образования отсутствует требование специальной компетентности (или хотя бы осведомленности) для работы с детьми с особыми образовательными потребностями, т.е. исключается методическая, дидактическая, психологическая подготовка к работе в условиях инклюзивного образования. «Существовавший в предыдущем государственном стандарте обязательный ознакомительный курс “Основы коррекционной педагогики и психологии” в новом ФГОС исчез, будучи отправленным (в лучшем случае) в вариативную часть» [5, с. 9]. Таким образом, студенты-выпускники не будут иметь ни теоретических знаний о детях с ОВЗ, ни практических навыков работы с ними.

Одним из требований успешной социализации и интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в массовые школы является обязательная коррекционная поддержка системы общего образования. В настоящий момент основной кадровый потенциал дефектологов-практиков, владеющих методиками специализированной психолого-педагогической работы и осуществляющих коррекционную поддержку детей-инвалидов, сосредоточен в школах специального образования. Вместе с тем дети с ОВЗ, интегрированные в массовые школы и остро нуждающиеся в специализированной помощи, лишены ее в стенах массового образовательного учреждения. Дефектологи, психологи, логопеды, педагоги коррекционных школ потенциально способны помочь и интегрированным детям, находящимся в общеобразовательной школе или дошкольном образовательном учреждении, и педагогическим коллективам этих учреждений. В связи с этим возникает *необходимость создания ресурсных центров на базе специальных*

коррекционных образовательных учреждений, в которых есть как материально-техническая база для проведения коррекционных занятий с детьми, интегрированными в массовые школы, так и методическая база для ознакомления учителей массовых школ с особенностями обучения особого ребенка [6, с. 70].

Такие центры уже создаются и функционируют в Саратове: деятельность Ресурсного центра на базе Государственного специального (коррекционного) образовательного учреждения для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья «Специальная (коррекционная) школа-интернат III–IV видов» позволяет расширить охват нуждающихся детей с нарушением зрения необходимой им специализированной психолого-педагогической помощью, обеспечить родителям таких детей возможность получения необходимой консультативной помощи, а педагогам массовых образовательных учреждений, работающим с интегрированными детьми с нарушением зрения, – постоянную и квалифицированную методическую поддержку. На базе центра также разрабатываются и внедряются новые педагогические технологии по оказанию образовательных услуг детям с ОВЗ.

В деятельности центра принимают активное участие волонтеры – студенты факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского государственного университета. Основными организационными формами являются занятия, консультации, тренинги.

Остановимся на основных направлениях деятельности ресурсного центра:

1) *работа с детьми*, имеющими нарушения зрения, интегрированными в массовые образовательные учреждения:

проведение коррекционных занятий, направленных на формирование социально-адаптивного поведения (по развитию навыков пространственной, социально-бытовой ориентации, развитию зрительного восприятия, навыков осязания и мелкой моторики, мимики и пантомимики, социально-коммуникативных навыков);

проведение совместных с учащимися «Специальной (коррекционной) школы-интерната III–IV видов» Саратова культурно-массовых и спортивных мероприятий;

2) *работа с родителями детей*, имеющих нарушения зрения, интегрированных в массовые образовательные учреждения:

проведение консультативно-просветительской работы (семинаров, тренингов, круглых столов) по психолого-педагогическим (особенности развития детей с нарушением зрения, методы эффективного взаимодействия с детьми указанной категории), юридическим (правовое просвещение) вопросам;

3) *работа с педагогами массовых образовательных учреждений, имеющих в составе обучающихся детей с нарушением зрения:*

постоянная и квалифицированная методическая поддержка (тифлосеминары, тренинги, консультации, круглые столы).

Заключение

Таким образом, ресурсный центр – это структурное подразделение на базе коррекционной общеобразовательной школы, обеспеченное высококвалифицированными педагогическими кадрами и современными средствами обучения, обусловленное востребованностью предлагаемого содержательного направления деятельности, созданное для распространения положительного опыта, обеспечивающего решение приоритетных задач системы образования. Деятельность таких ресурсных центров, в конечном итоге, поможет решить задачу создания адекватных условий для получения образования детям с ограниченными возможностями здоровья как важной ступени их дальнейшей успешной социализации.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад об инвалидности. URL: http://www.who.int/entity/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html (дата обращения: 10.09.2014).
2. Щетинина Е. Б. Современные тенденции процесса интеграции в систему общеобразовательного учреждения ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 3. С. 75–78.
3. Обучение и воспитание детей с интеллектуальными нарушениями / под ред. Б. П. Пузанова. М., 2011. 440 с.
4. Кобрин Л. М. Отечественная система специального образования – фундамент инклюзивного обучения и воспитания // Дефектология. 2012. № 3. С. 14–19.
5. Назарова Н. М. Системные риски развития инклюзивного и специального образования в современных условиях // Специальное образование. 2012. № 3. С. 6–12.
6. Мясникова Л. В., Селиванова Ю. В., Ильина О. М. К вопросу об организации интегрированного обучения детей с нарушением зрения // Вестн. развития науки и образования. 2012. № 2. С. 68–73.

Resource Center as a Modern Model of Psychological, Educational and Social Support of Children with Disabilities

Yuliya V. Selivanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Luydmila V. Maysnikova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: myasnikovalv@gmail.com

The article is devoted to the problem of assisting children with disabilities. Noting the stigmatization of children with disabilities as a result of isolation, lack of socialization, the authors state transformation in contemporary society attitudes towards these children. Inclusion and integration are considered as a long-term strategy, considered not as a local area of work, but as a systematic approach to the organization of general education system as a whole. The authors draw attention to the fact that one of the requirements of successful socialization and integration of children with disabilities in mainstream schools is mandatory special support of the general education system. The need for organizing the resource centers on the basis of special schools is considered, the activity of the resource center of Saratov School for the Blind and Visually Impaired Children is analyzed in the view of modernization of general and special education.

Key words: children with disabilities, integration, inclusion, special support of the general education system, resource center.

References

1. *Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. Vsemirnyy doklad ob invalidnosti* (World Health Organization. World Report on Disability). Available at: http://www.who.int/entity/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html (accessed 10 September 2014) (in Russian).

2. Shchetinina E. B. *Sovremennye tendentsii protsessu integratsii v sistemu obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* (Modern tendencies in process of child's with disabilities integration into mainstreaming). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2012. vol. 1, iss. 3, pp. 75–78 (in Russian).

3. *Obuchenie i vospitanie detey s intellektual'nymi narusheniyami* (Training and educating of children with intellectual disabilities). Ed. by B. P. Puzanov. Moscow, 2011. 440 p. (in Russian).

4. Kobrina L. M. *Otechestvennaya sistema spetsial'nogo obrazovaniya – fundament inklyuzivnogo obucheniya i vospitaniya* (National system of special education – foundation of inclusive education and training). *Defektologiya* (Defectology), 2012, no. 3, pp. 14–19 (in Russian).

5. Nazarova N. M. *Sistemnye riski razvitiya inklyuzivnogo i spetsial'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh* (Systemic risks of inclusive and special education in modern world). *Spetsial'noe obrazovanie* (Special education), 2012, no. 3, pp. 6–12 (in Russian).

6. Myasnikova L. V., Selivanova Yu. V., Il'ina, O. M. *K voprosy ob organizatsii integrirovannogo obucheniya detey s narusheniem zreniya* (To the question of the organization of the integrated education of visually impaired children). *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya* (Bullition of development science and education), 2012, no. 2, pp. 68–73 (in Russian).

УДК 373.3; 372.4

КОГНИТИВНАЯ НАРРАТОЛОГИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ШКОЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

И. А. Тарасова

Тарасова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра начального языкового и литературного образования, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: tarasovaia@mail.ru

Представлен теоретический анализ основных положений когнитивной нарратологии. Рассмотрено соотношение методического инструментария школьного изучения повествовательного текста и терминов современной нарратологии. Особое внимание уделено проблеме точки зрения как базовой репрезентации схемы событий. Показана перспективность изучения повествовательных текстов, включенных в учебники по литературному чтению, с позиций когнитивного анализа. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике школьного анализа повествовательных текстов классической литературы.

Ключевые слова: когнитивная нарратология, когнитивный анализ, повествовательный текст, точка зрения, начальная школа.

Когнитивная нарратология – относительно молодая отрасль междисциплинарных исследо-

вания на стыке литературоведения и психологии. Она занимается изучением когнитивных аспектов прозаического повествования. Согласно представлениям когнитологов, нарратив – это не просто повествовательная структура, это особый тип *ментальной репрезентации*, которая «передает опыт живущего существа посредством изменчивых повествовательных миров, подчеркивая давление событий на воображаемое сознание» [1, с. 137].

Базовый компонент структуры нарратива – создание и/или разрушение возможного мира. Компонентами нарративной модели являются события, состояния и действия [2, с. 35]. Как полагает М.-Л. Руан, действия персонажей направлены на преодоление конфликта между желаемым и действительным текстовыми мирами [3], в результате возможный мир может как укрепляться, так и разрушаться.

Если первый базовый признак нарративной ментальной репрезентации – её конфликтный характер, то второй – её глобальность, ибо «она создаёт целостный образ мира истории, получаемый в результате конвергенции всех когнитивных операций, происходящих в процессе порождения и восприятия этого мира» [4, с. 46]. Объёмность текстовой репрезентации создаётся путем взаимодействия нескольких ментальных моделей мира, нескольких точек зрения, запускающих «рамочные нарративы», что заставляет читателя воспринимать текст как многоголосый (М. Бахтин) [5].

Смена точек зрения – это не просто технический приём, это «маркер ограничения ментальных моделей, репрезентированных в нарративе» [4, с. 55]. Продуктивность анализа композиции и семантики нарратива с использованием интерпретирующей категории точки зрения доказана в исследованиях Б. А. Успенского [6]. Как показала Л. В. Татару, понятие точки зрения фактически совпадает с термином «фокализация», принятым в западной науке. Считая точку зрения многоуровневой единицей текста, включающей четыре плана мира истории (пространственный, временной, субъектно-речевой и модальный), Л. В. Татару разработала оригинальную когнитивную методику анализа повествовательного текста [4].

Мы задались целью проанализировать, насколько методический аппарат учебников литературного чтения нацеливает младших школьников на осознание специфики нарратива, материалом исследования послужил учебно-методический комплекс «Перспективная начальная школа» (автор учебников по литературному чтению Н. А. Чуракова).

В числе основных требований, предъявляемых к младшему школьнику в результате освоения курса «Литературное чтение», в пояснительной записке к курсу называются: умение выделять в тексте разные сюжетные линии; видеть разные точки зрения, транслируемые героями, понимать авторскую точку зрения [7, с. 8]. В то же время понятие «точка зрения» толкуется, скорее, в нравственном, нежели в эстетическом смысле; способность «видеть разницу между двумя заявленными в тексте точками зрения, двумя позициями и мотивированно присоединяться к одной из них» [7, с. 17] рассматривается в рамках коммуникативного взаимодействия и формирования универсальных учебных действий (УУД). Между тем точка зрения является базовой единицей композиции произведения и определяет его смысловую целостность.

Покажем, какие смысловые резервы открывает использование этого понятия в интерпретации прозаических произведений, включенных в круг детского чтения в третьем классе: «Слон» А. И. Куприна и «Растрепанный воробей» К. Г. Паустовского.

«Растрепанный воробей» воплощает специфику нарратива в наиболее полном виде: во-первых, события жизни героев вписаны в большой мир истории, поэтому закономерно, что произведение помещено в тематический раздел «Сравниваем прошлое и настоящее». В свете этого вопросы, заданные автором учебника после прочтения сказочного рассказа, представляются весьма удачными:

О каком важном историческом событии упоминается в рассказе?

Как исторические изменения сказались на жизни воробьев? [8, с. 157].

Комментарий одного из сквозных персонажей учебника (Анишит Йокоповны), помогающей, по замыслу методиста, осваивать трудный материал, содержит искомое ключевое понятие: «Жизнь меняется с течением времени... Эти изменения называются ИСТОРИЕЙ» [8, с. 157].

В методическом аппарате учебника есть задание, потенциально содержащее понятие точки зрения как смыслопорождающей единицы: «Расскажи о случае с букетиком от лица Пашки. Получилось? Тогда попробуй посмотреть на этот же случай глазами Петровны!» [8, с. 157].

Как указывается в методических комментариях к учебнику, выполнение этого задания «развивает умение смотреть на мир глазами другого человека или животного» [9, с. 191], т. е. носит, скорее, нравственно формирующий, чем поэтологический характер. Оно связано с литературоведческим понятием героя, но совершенно не ориентировано на композицию сказочного рассказа, в котором чередование точек зрения Маши и воробья Пашки является ярким сюжетным приёмом, в то время как у «нянюшки» Петровны собственной линии в повествовании нет. Нам кажется вполне обоснованным задание – доказать, что в одних эпизодах мир увиден глазами Маши, в других – воробья. В число маркеров текстовых миров персонажей попадут и номинации действующих лиц – «нянюшка», «мама», и приём остранения, помогающий показать жизнь глазами воробья: «А теперь в городе одни машины. Они овсом не кормятся, не жуют его с хрустом, а пьют какую-то ядовитую воду с едким запахом» [8, с. 150]. Приём остранения используется и для актуализации детской точки зрения на мир (описание театра), но, к сожалению, этот фрагмент в учебник не вошел.

Проблеме «педагогической цензуры» посвящена наша отдельная работа [10]. В связи с обсуждаемыми вопросами композиции укажем только на то, что купирование классического текста разрушает смысловой ритм нарратива, не позволяет в полной мере сформировать представление о том, что глобальная ментальная репрезентация складывается из «элементарных репрезентаций когнитивного опыта участников мира истории» [4, с. 279].

Особенно пострадал от педагогической цензуры рассказ А. И. Куприна «Слон». Из оригинального текста изъяты (видимо, по моральным соображениям) эпизоды, маркирующие точку зрения больного ребенка. Именно глазами девочки Нади увидены доктора, нервозность папы, слон Томми. Из всех перечисленных фрагментов оставлен только последний, к которому дано вполне уместное задание учебника: «Найди описание слона. Подтверди, что слона рассматривает человек очень заинтересованный, которому видна каждая подробность внешности животного» [11, с. 162].

Анализ рассказа «Слон» позволяет сформировать у учащихся представление о том, что в прозаическом повествовании сталкиваются различные возможные миры персонажей: то, что представляется возможным Наде, вызывает изумление у папы и хозяина зверинца. Преодоление конфликта между этими мирами определяет динамику сюжета.

Гуманистический пафос рассказа А. И. Куприна формирует, конечно, способность понимать позицию другого лица, но гораздо более важным представляется использование категории возможного мира для раскрытия идеи произведения. По сути, непонятная болезнь Нади сводится к отсутствию у неё представлений о возможном мире, его (говоря словами когнитивной психологии) ментальной репрезентации. Как только появляется этот возможный мир, в котором «она женилась на Томми и у них много детей, маленьких, веселых слонятков», девочка выздоравливает. Но и этот эпизод в учебник не вошел. В результате детей подводят к мысли, что главное в рассказе – самоотверженная любовь папы, исполняющего непростое желание дочери, что значительно упрощает авторский замысел.

Прозрачная структура рассказа «Слон» позволяет познакомить школьников с базовыми компонентами повествования – событиями, состояниями и действиями. Можно попросить третьеклассников назвать события, между которыми разворачивается сюжет (болезнь Нади, её желание, приход слона). Обращаем внимание на то, что событие – это то, что прерывает обычно течение жизни: действия героев направляются именно событиями.

В современной когнитивной нарратологии подчеркивается особая значимость эмоционального состояния персонажей для формирования адекватных ментальных репрезентаций текстового мира [12, 13]. В предлагаемом для детского чтения рассказе А. И. Куприна эмоциональная сфера персонажей представлена весьма показательно (правда, в купированном варианте переживания папы урезаны из-за его пристрастия к курению). Это позволяет юным читателям встать на позицию персонажа, обогатиться его жизненным опытом, реконструировать его сознание. Таким образом,

элементы когнитивного анализа расширяют возможности интерпретации повествовательного текста, позволяют приблизиться к постижению авторской идеи.

Библиографический список

1. *Herman D.* Basic elements of narrative. Chichester ; Malden, 2009. 249 p.
2. *Herman D.* Story logic : Problems and possibilities of narrative. Lincoln, 2002. 478 p.
3. *Ryan M.-L.* Toward a definition of narrative // *The Cambridge Companion to Narrative* / ed. D. Herman. Cambridge, 2007. P. 22–35.
4. *Tatary Л. В.* Точка зрения и композиционный ритм нарратива (на материале англоязычных модернистских текстов). М., 2009. 301 с.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 6. 800 с.
6. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995. С. 9–218.
7. *Чуракова Н. А., Малаховская О. В.* Литературное чтение : 2 кл. : метод. пособие. М., 2012. 272 с.
8. *Чуракова Н. А.* Литературное чтение: 3 кл. : учебник : в 2 ч. М., 2013. Ч. 2. 184 с.
9. *Чуракова Н. А.* Литературное чтение: 3 кл. : метод. пособие. М., 2011. 256 с.
10. *Тарасова И. А.* К проблеме педагогической цензуры (о природе купюр в учебниках-хрестоматиях по чтению) // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 238–251.
11. *Чуракова Н. А.* Литературное чтение: 3 кл. : учебник : в 2 ч. М., 2013. Ч. 1. 176 с.
12. *Fludernik M.* Towards a «natural» narratology. L., 1996. 454 p.
13. *Fludernik M.* An introduction to narratology. L. ; N.Y., 2009. 454 p.

Cognitive Narratology and Opportunities for Narrative Text Analysis at School

Irina A. Tarasova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: tarasovaia@mail.ru

The article presents theoretical analysis of cognitive narratology core statements. The research covers correlation of methodic tools of narrative text studying at school and terms of modern narratology. Special attention is thrown to the point of view problem as basic representation of events pattern. The research shows the prospects for studying the narrative texts included into the literary reading textbooks from the position of cognitive analysis. Applied aspect of the problem under study can be put to practice in the course of classical literature texts analysis at school.

Key words: cognitive narratology, cognitive analysis, narrative text, point of view, primary school.

References

1. Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester; Malden, 2009. 249 p.
2. Hernan D. *Logic Stoty: Problems and Possibilities of Narrative*. Lincoln, 2002. 478 p.
3. Ryan M.-L. *Toward a Definition of Narrative*. The Cambridge Companion to Narrative. Ed. D. Herman. Cambridge, 2007. P. 22–35.
4. Tataru L. V. *Tochka zreniya i kompozitsionnyy ritm narrativa (na materiale angloyazychnykh modernistskikh tekstov)* (The Point of view and compositional rhythm of the narrative {based on English modernist texts}). Moscow, 2009. 301 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's poetics). Bakhtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* T. 6. (Collected Works: in 7 vol.). Moscow, 2002. Vol. 6. 800 p. (in Russian).
6. Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* (Poetics of composition). Uspenskiy B. A. *Semiotika iskusstva* (Semiotics of art). Moscow, 1995, pp. 9–218 (in Russian).
7. Churakova N. A., Malakhovskaya O. V. *Literaturnoe chtenie: 2 kl.: Metod.posobie* (Literary Reading: Grade 2: Toolkit). Moscow, 2012. 272 p. (in Russian).
8. Churakova N. A. *Literaturnoe chtenie: 3 kl.: uchebnik: v 2 ch.* (Literary Reading: Grade 3: textbook: in 2 parts). Moscow, 2013. Part 2. 184 p. (in Russian).
9. Churakova N. A. *Literaturnoe chtenie: 3 kl.: metod. posobie* (Literary Reading: grade 2: toolkit). Moscow, 2011. 256 p. (in Russian).
10. Tarasova I. A. *K probleme pedagogicheskoy tsenzury (o prirode kupyur v uchebnikakh-khrestomatiyakh po chteniyu)* (On the problem of pedagogical censorship {the nature of the cuts in the reading books}). *Tsenzura kak sotsiokul'turnyy fenomen* (Censorship as a sociocultural phenomenon). Saratov, 2007, pp. 238–251 (in Russian).
11. Churakova N. A. *Literaturnoe chtenie: 3 kl.: uchebnik: v 2 ch.* (Literary Reading: grade 3: textbook: in 2 parts). Moscow, 2013. Part 1. 176 p. (in Russian).
12. *Fludernik M.* Towards a «natural» narratology. London, 1996. 454 p.
13. *Fludernik M.* An introduction to narratology. London ; New York, 2009. 200 p.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ю. В. Селиванова

Селиванова Юлия Викторовна – доктор социологических наук, профессор,
кафедра коррекционной педагогики, Саратовский государственный университет,
Россия
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Sociocultural Integration and Special Education

Yuliya V. Selivanova

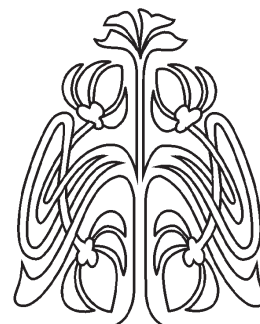
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

9–10 октября 2015 г. на базе факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского состоится Международная научно-практическая конференция «Социокультурная интеграция и специальное образование».

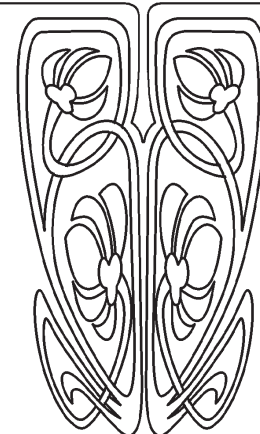
Предшествующие международные конференции «Инклюзивное образование: опыт и перспективы» (2008), «Современные проблемы и перспективы развития образования лиц с ограниченными возможностями здоровья» (2013), «Социальная психология личности и акмеология» (2014), вызвавшие широкий отклик со стороны научной общественности, подтвердили актуальность проводимых исследований, в которых анализируются проблемы лиц с ограниченными возможностями здоровья, их социализации на различных возрастных ступенях развития.

Результаты научных исследований, имеющих теоретико-методологический и эмпирический характер, отвечающих современным вызовам системы общего и специального образования, представлены на страницах журналов «Психология обучения», «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика». «Научное обозрение: гуманитарные исследования», «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития» и др.

В рамках научной конференции планируется обсуждение междисциплинарных проблем социокультурной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья, общественных и политических инициатив в сфере специального образования, медицинских, социальных, психолого-педагогических, логопедических и других аспектов помощи детям и взрослым с нарушениями развития, современных технологий специального образования, профессионального обучения, социализации, реабилитации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья в изменяющемся социальном и образовательном пространстве.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приоритетными направлениями работы конференции являются: социокультурная интеграция в современном мире; проблемы интеграции в социальном и образовательном пространстве; язык и коммуникация как фактор социокультурной интеграции; политика государства в сфере образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; медико-биологические исследования нарушенного развития; социализация, адаптация и развитие лиц с ограниченными возможностями здоровья; теоретические и практические аспекты специальной психологической помощи; современные тенденции развития системы специального образования; инновационные технологии дошкольного образования детей с ограниченными возможностями здоровья; современная лого-

педия: теория, методика, практический опыт; проблемы профессионального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; проблемы дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.

К участию в конференции приглашаются научные сотрудники, преподаватели и студенты высших учебных заведений, докторанты, аспиранты, соискатели, руководители и специалисты системы специального и общего образования, здравоохранения, социальной защиты и реабилитации, представители общественных организаций инвалидов и все, интересующиеся проблемами социокультурной интеграции и образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.